

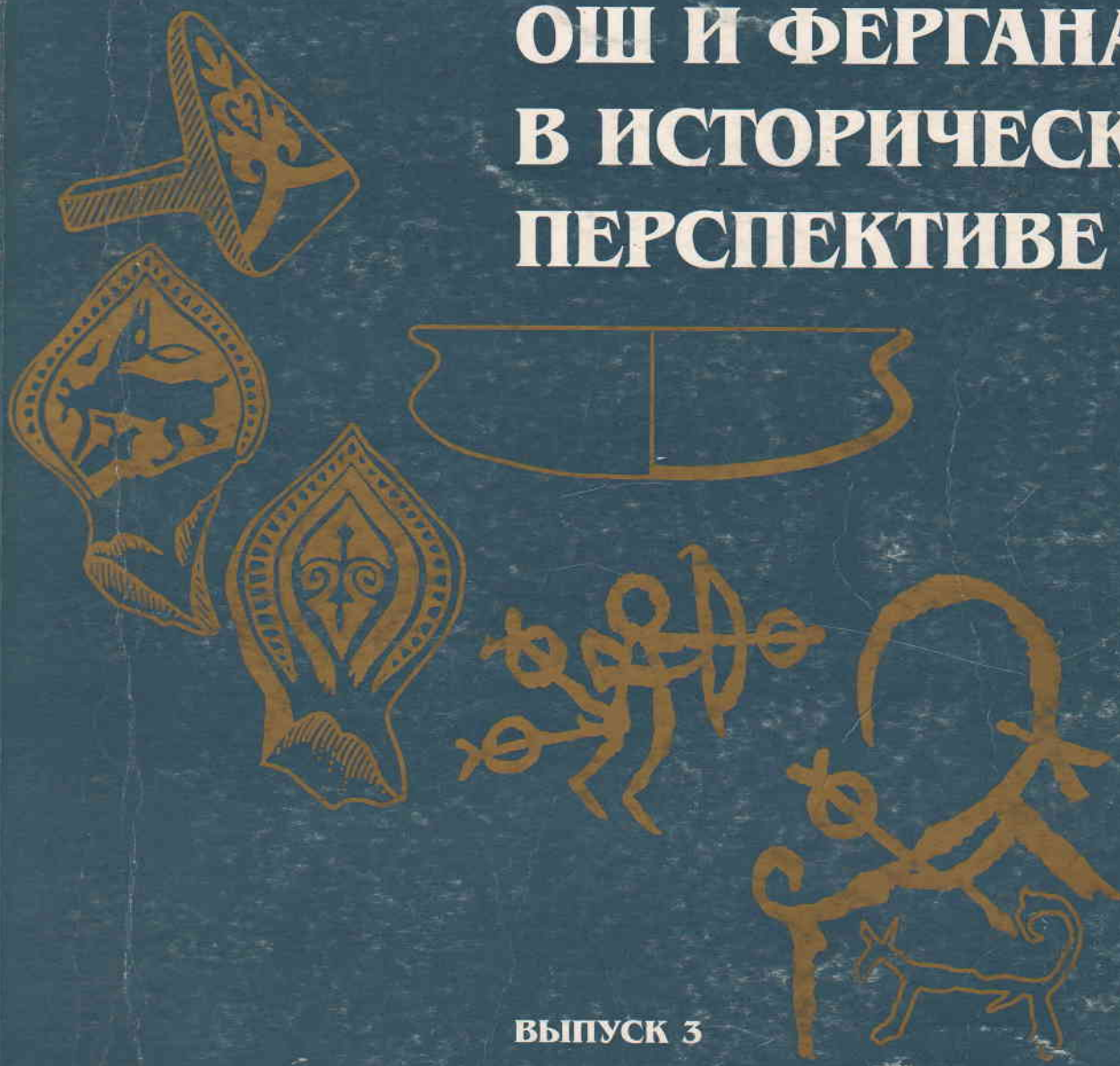
05.02.2000
0-96

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДИРЕКЦИЯ
«ОШ-3000» ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*****

ОШ И ФЕРГАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК 3

БИШКЕК
«МУРАС»

2000

Хр

63.3 (2Кл)
0-96

Раздел I. БЕЛКИИ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ИНТЕРРЕГИОНАЛЬНЫЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДИРЕКЦИЯ «ОШ-3000» ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ош и Фергана в исторической перспективе

ОШСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ИИБ № 455346

ВЫПУСК 3

БИШКЕК «МУРАС» 2000

ХРАПЕНИЕ

Detailed description: A large, stylized red handwritten mark or signature, resembling a checkmark or a flourish, located in the bottom right corner of the page.

ББК 63.3 (2Ку)

0-96

Серия

“Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана”

Выпуск III.

Ош и Фергана в исторической перспективе

Отв. редактор

академик В.М. Массон

Утверждено к печати Советом при
Государственной дирекции «ОШ-3000»

Редколлегия:

Массон В.М. (отв. ред.)

Плоских В.М.,

Жунушалиев Ж.Ж.,

Сулайманов Э.С.,

Асанканов А.А.,

Аманбаева Б.Э.,

Турсунбай Бакир уулу,

Мамытов С.А.,

Сапаралиев Д.Б.,

Омурбеков Т.Н. (ученый секретарь).

Ош и Фергана в исторической
перспективе: Вып. 3. - Б.: 2000. - ...с.

0-96

ISBN 9967-20-367-6

О 050302011-2000 ББК 63.3(2Ку)

Печатается при поддержке ЮНЕСКО.
Проект 98KIZ 103 “3000-летний юбилей
города Ош и международное
академическое
сотрудничество”

Редактор:

Галиева З.И.

Худ. редактор:

Исаков Р.А.

Тех. редактор:

Хамраева Г.И.

Издательство “Мурас”

720046, г. Биликес.

проспект Дэн Сяопина, д. 531.

Раздел I.

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ИНТЕРРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е.Е. Кузьмина

(Москва)

КУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ Г. ОШ И ФЕРГАНЫ С СЕВЕРО- ЗАПАДНЫМ КИТАЕМ ВО II ТЫС. ДО Н.Э. (Предыстория Великого Шелкового пути)

1. Превосходные экологические условия Ферганской долины, благоприятные для развития земледелия на плодородных землях и скотоводства на склонах гор, обусловили то, что в течение четырех тысячелетий Фергана играет большую роль в истории всего обширного региона Центральной Азии. Особое значение Ферганы и г. Ош состоит в том, что здесь издревле пролегают важнейшие коммуникации, по которым на протяжении веков осуществлялось движение людей, вещей и идей.

В античную эпоху здесь пролегла одна из трасс Великого Шелкового пути, названного так в IV в. н.э. римским историком Аммианом Марцеллином в двадцать третьей книге его "Истории".

Открытие Шелкового пути связывают с посольством Чжан Цяня, путь которого пролегал в Парфию и Бактрию через Синьцзян, Тянь-Шань и Фергану, где он видел замечательных золотистых коней, ради получения которых китайские императоры позже вели войны с ферганскими властителями.

Основной путь шел от озера Лобнор через Кучу вдоль гор Тянь-Шань и через перевал Терсекдыван приводил Фергану, откуда разветвлялся: северный маршрут шел в Европу через Урал и Волгу, а южный - через Самарканд и переправу через Амударью вел в Иран и Переднюю Азию.

Анализ археологического материала Ферганы и сопредельных территорий позволяет утверждать, что отдельные участки будущего Шелкового пути были положены еще в конце II тыс. до н.э.

Самыми древними свидетельствами южных связей жителей Ферганы являются комплекс клада металлических изделий Хак и две каменные гири, найденные около г. Ош. Они находят аналоги под Самаркандом, в Бактрийско-Маргианском комплексе юга Средней Азии Афганистане, в Гиссаре III в Северном Иране на памятниках конца III - начала II тыс. до н.э. Это дает основание надеяться, что в будущем в Фергане будут открыты древнейшие фактории южных земледельцев, что позволит удревнить историю Оша еще на тысячелетие.

3. Расцвет культурных и торговых связей населения Ферганы в эпоху бронзы связан с развитием в Кыргызстане семиреченского варианта андроновской культуры (культурной общности).

Эта культура, сложившаяся в начале II тыс. до н.э., распространялась на гигантской территории

от Урала по всему Казахстану до Енисея в Южной Сибири и до высокогорья Тянь-Шаня и Памир, а и южных областей Средней Азии и Северного Афганистана.

Основу экономики андроновских племен составляло комплексное оседлое хозяйство с подсобной ролью земледелия и доминантной-придомного скотоводства. В составе стада были крупный и мелкий рогатый скот, и лошади.

Андроновская культура сформировалась в лесостепной и степной зоне, но увеличение численности населения и скота потребовало расширения территории и освоения новых экологических ниш: полупустынь и предгорий Средней Азии. При этом население перешло от придомного скотоводства к более прогрессивному-полукошечному, яйлажному.

Андроновцам принадлежит честь выведения элитных лошадей несейской породы, тех самых, для захвата которых позже китайские императоры вели переговоры и кровавые войны с правителями Ферганы. Но, судя по данным китайских письменных источников и археологии, китайцы заимствовали лошадей на западе еще в эпоху Шаньинь у андроновцев, причем вместе с животными в китайской религии были восприняты индоиранский культ и мифологические представления, связанные с конем. И здесь наглядна посредническая роль андроновского населения Кыргызстана.

4. Другой важнейшей отраслью андроновской экономики было развитие металлургии и металлообработки, резко выделявших их среди других скотоводов степей Евразии и земледельцев юга Средней Азии. Андроновцам и по всему ареалу прорабатывались месторождения меди и необходимого для получения касситерита в Центральном и особенно Восточном Казахстане. Металл в слитках и в виде готовых изделий шел на экспорт на Запад вплоть до Днепра.

На территории андроновской общности сложилось несколько самостоятельных металлургических очагов, продукция которых отличалась химическим составом металла, принятыми производственными традициями, а также наличием, наряду с общеандоновскими, некоторых специфических типов металлических изделий.

Самостоятельный очаг сформировался в Семиречье. (Бронзы Семиречья характеризуются примесями никеля, свинца, мышьяка, висмута, серебра и сурьмы. Его продукция была очень близка к ферганской по типам изделий, однако металл чутской культуры Ферганы характеризуется другими наборами микропримесей (цинк, сурьма, свинец, мышьяк, серебро, висмут), что указывает на использование местного сырья.

В Фергане находится большое месторождение меди Наукат, в Семиречье - рудники, в том числе с древними выработками. Известны на р. Чу, Акташ в Таласской долине, в районе Кетмен-Тюбе,

на Иссык-Куле и у Арпы, что касается касситерита, то его местонахождения известны на центральном Тянь-Шане и у Иссык-Куля. Их разработка обусловила высокое содержание олова, характерное для бронзовых изделий Кыргызстана.

Фергана была богата также золотом. Россыпное золото мыли на реках Сох, Кассансай у Узун-Ахмата (там найден нож эпохи бронзы), на р. Нарын (там обнаружен топор эпохи бронзы), в Семиречье разрабатывали полиметаллическое месторождение Джол-Сай, где добывали серебро и свинец, широкое употребление которых специфично для семиреченского металлургического очага: например, в могильнике Таш-Тюбе найдены серебряные височные кольца и свинцовые бусы. Разработка Джолсайя в эпоху бронзы документируется находкой медного ножа Галенит, из которого получали свинец, добывали на конях в Таласском Алатау, где также найдены медный нож и роговая кирка.

Рудные богатства Ферганы и Киргизии в целом обеспечили развитие здесь металлургии и позволили не только удовлетворять потребности местного населения, но и экспортировать металл в соседние регионы.

5. В эпоху бронзы установить отношения с соседним Северо-Западным районом Китая – Синьцзяном. На поселении Ксинтала, датирующемся по радиоуглеродным датам 1700-1500 гг. до н. э., найдена посуда с геометрическим орнаментом, сопоставимая с андроновской, в том числе – семиреченской, а также однолезвийный нож, шило и предназначенная для отливки шила каменная литейная форма. Вне комплекса в могильнике Кэрмуци обнаружены две каменные литейные формы: одна для изготовления шила и тесла или кинжала, другая для отливки кельта-лопатки с круглой выступающей втулкой и петелькой кельт-лопатка найден также в Урумчи. Использование каменных литейных форм специфично для андроновского бронзолитейного производства.

Что касается кельтов-лопаток, то единичные находки этого типа изделий известны в Восточном Казахстане и Южной Сибири, но в основном концентрируются в Фергане и Семиречье, составляя специфику этого очага, где прослеживается и эволюция этого типа. Они датируются эпохой поздней бронзы (XIII – X в. до н.э.)

Особый интерес представляет анализ клада Агершень (Гонглиу), найденного в округе Тогуз-Торо на глубине 1 м. Он включает три вислобушных топора, три серпа пять долот, три тесла с уступом и кельт-молоток. Первоначально комплекс был датирован развитым железным веком – эпохой воюющих царств: К. Дебен-Франкфор отнесла его к сакской эпохе: Ке Пень датировал его 1500-1000 г. до н.э.

Сопоставление этого комплекса с андроновскими изделиями Ферганы и Семиречья позволяет определить его дату и установить происхождение. Все входящие в клад типы изделий находят точные соответствия в металле восточноандоновских областей, будучи особенно специфичным для Ферганы и Семиречья.

Вислобушные топоры с гребнем, отливавшиеся в двусоставных литейных формах, принадлежат к так называемому андроновскому типу. Они

входят в состав семиреченских кладов Сокулук, Иссык-Куль, Шамши, Алексеевский, Турксиб, причем экземпляры Агершеня, Сокулук и Алексеевского украшены сходным литым орнаментом. Литейные формы для изготовления топоров андроновского типа были найдены в Западной Фергане на поселении в Кайрак-Кумах.

Три серпа из Агершеня отлиты в односторонних литейных формах и относящиеся к типу серпов-косарей, входящих в те же клады Шамши, Турксиб и Алексеевский, а клад Сокулук II содержит несколько серпов этого типа, что отражает массовое производство в Киргизии этих изделий.

Долота Агершеня, изготовленные в двусоставных литейных матрицах, имеют корни в кладах Сокулук, Садовое, Шамши, Туюк, Алексеевский. Находки подобных вещей отмечены и на других памятниках Синьцзяна.

Три тесла с уступом, также отливавшихся в двусоставных матрицах, демонстрируют тип, широко распространенный в восточноандоновском регионе и представленный в Киргизии в кладах Сокулук, Садовое, Шамши, Туюк, Алексеевский.

Наконец, миниатюрный кельт-молоток Агершеня находит аналоги в кладах Садовое и Шамши. Таким образом, все типы клада Агершень имеют комплексное соответствие в семиреченских кладах Сокулук, Садовое, Туюк, Турксиб, Алексеевский. Причем полные аналоги всем типам представлены в кладах Шамши, которые включают и другие категории инвентаря.

клад	топор	тесло	долото	серп	молоток
Агершень					
(Гонглиу)					
Шамши	+	+	+	+	+
Алексеевский	+	+	+	+	
Сокулук	+	+	+		
Турксиб	+		+	+	
Туюк					

6. Хронология этих кладов устанавливается на основании, во-первых, предметов, аналогии которые есть в комплексе на западе степей, где они датируются по европейской хронологической шкале. Такова бритва из клада Шамши, позволяющая отнести его к XIII - XI в. до н.э. Другое обоснование датировки – находка предметов, аналогичных представленным в кладах, например, литейной формы топора в Кайрак-Кумах, тесел с уступом, долот, серпов, однолезвийных ножей, подобных экземплярам из Садового Туюка, на поселениях Ферганы, Центрального Восточного Казахстана, где эти вещи найдены в комплексе с керамикой. Обнаружены они и на территории Украины до Малой Азии (Трон VIB) и Ирана (Гиян), датируемые XII-IX в. до н.э., что и определяет дату кладов, в том числе Агершеня.

Происхождение этого клада ввиду его системного сходства с изделиями Ферганы и Семиречья можно уверенно признать импортом из Кыргызстана, где все представленные категории инвентаря имеют длительную линию эволюционного развития в андроновской культуре.

В могильнике Кециркекья, датированном по С¹⁴ 1350-1000 гг. до н.э. найдены бусы, украшавшие сапожки - обычай, характерный для андроновского костюма, в том числе в Кыргызстане. В том же могильнике представлено зеркало с выступающей ручкой, аналогии которому есть в кладах Шамши, Сокулук и Садовое и на поселениях чувской культуры в Фергане, где известны и литейные формы для их отливки.

Интересно, что зеркала распространились вплоть до Китая и представлены в Сяо Туне на императорском кладбище столицы Аньяна в гробнице ФУ Хао - супруги Вана Улина, воевавшей в XIII в. до н.э. на Северо-Западных окраинах империи. Можно полагать, что зеркала, которые к тому иногда имеют андроновский орнамент, произошли в андроновской культуре и могли попасть в столицу Китая или через Фергану, или из Южной Сибири.

Таково же происхождение в Китае золотых височных колец с растробом. Золотые украшения не были популярны в Поднебесной империи: там престижные вещи делались из нефрита, а единичные золотые украшения повторяют специфический андроновский тип, представленные в позднефедоровских могильниках Казахстана, Приобья и Средней Азии; погребения Муминабад; в Фергане в Вуадиле и Дахане.

Инициаторами этих связей были андроновцы. Они являлись основными поставщиками готовых металлических изделий, что доказывается полным сходством восточно-туркестанских типов с ферганскими и семиреченскими. Под их воздействием в Синьцзяне родилась местная металлообработка, о чем свидетельствует сходная технология изготовления орудий в каменных литейных формах в Ксинтале и Кэрмици.

В любом случае в эпоху поздней бронзы уже активно функционировал важный участок будущего Великого Шелкового пути, соединявший Фергану и Семиречье с Восточным Туркестаном и далее с Китаем.

Основным предметом торговли и обмена в XIII-XV вв. до н.э. были готовые бронзовые изделия, причем Кыргызстан играл определяющую роль в этом процессе.

Есть основания предполагать, что тем же путем на Восток распространялись колесный транспорт и колесницы, изобретенные ранними андроновскими племенами, а также высокопородные кони, выведенные андроновцами для запряжки в колесницы и получившие распространение в Китае в эпоху Шань-Инь.

Ф.Х. Касымов

(Бухара)

БУХАРА И ФЕРГАНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Бухара и Фергана в древние и средние века были крупными центрами международной торговли. Как в торгово-экономическом, так и в культурном отношениях они могли успешно со-

перничать с Ургенчем, Самаркандом, Кашнаром и другими известными тогда городами Мавераннахра.

Еще в период Тюрского Каганата торговля составляла одно из важных занятий населения Бухарского оазиса и Ферганской долины. С VI в., когда торговые пути передвинулись с юга на север в связи с переходом роли торговых посредников к согдийцам, интенсивность караванной торговли на этом отрезке Великого Шелкового пути значительно возрасла. О территориальном размахе торговых связей Тюрского каганата с ближними и дальними странами в этот период свидетельствует перечень даров местного владельца китайскому императору в VII в., в котором фигурировали, например, собачки византийской породы и меха черно-бурых лисиц. Наличие в Фергане и Согде рудных разработок, где добывали золото, коноварь, медь и железо, стимулировало развитие ювелирного и кузнечного дела. Изделия искусных местных ремесленников имели большой спрос и за пределами каганата.

Торговые караваны постоянно курсировали по регдийско-ферганскому отрезку Шелкового пути. В период с 627 г. по 647 г. из Зарафшанской долины в Китай было отправлено более десяти торговых караванов. Несмотря на то, что в каганате не было единой централизованной власти, независимые владельцы ряда областей объединяли усилия в торговой сфере. Так, в 627 г., в Китай прибыло торговое посольство, снаряженное совместно правителями Бухары, Самарканда, Иштихара, Харканы и Усрушаны.

Арабское завоевание изменило характер торгово-экономических связей в регионе. Территориальная близость и интенсивные прежде торговые связи были причиной того, что после установления господства арабов, в 20-х г. VIII в. большая группа купцов и дехкан Бухары и Самарканда в количестве 400 человек, не желая подчиниться новой власти, решила покинуть Согд и поселиться на территории Ферганского царства. Международная торговля в это период значительно ослабла.

Оживление в хозяйственной жизни наблюдается с IX-X вв. Арабские и китайские историки единодушно отмечали значительную роль международной торговли в экономическом росте городов Бухары, Самарканда, Ферганы, Оша. Они же подчеркивают значение культурного влияния Китая на быт тогдашнего городского населения с увеличивающимся торговым сословием. Наряду с основным товаром шелком из Китая в Среднюю Азию привозились бронзовые зеркала, лаковые изделия, бумага. Из Средней Азии в Китай вывозились шерстяные материи, ковры, драгоценные камни, лекарства, породистые скакуны. В различных музейных собраниях мира можно встретить образцы шелковой ткани «занданечи», которая вырабатывалась в селении Задани близ Бухары и пользовалась неизменным успехом у населения Восточных и Западных стран благодаря своим замечательным качествам.

Таким образом, Бухара и Фергана, являясь, наряду с Самаркандом, Хивой, важной зоной Великого Шелкового пути, на протяжении целых столетий была перевалочным пунктом, где встречались представители разных языков, религий, ху-

дожественных культур, где велся постоянный торговый обмен. Все это создавало основу для развития городов и их окрестностей, синтезом этих явлений стала самобытная и неповторимая жизнь Бухары и Ферганы, приобретших с XVI-XVII вв. новый политический вес.

Литература:

1. Гафуров В. Г. *Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга первая. Душанбе, 1989.*
2. *Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998.*
3. *История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976.*
4. *История Узбекской ССР Том I., Ташкент, 1960.*
5. *Массон Б.М. Бухара в истории Узбекистана. Бухара, 1995.*
6. *Матбабаев Б.Х., Шамсутдинов Р. Т., Мамаджанов А. Города Ферганы на Великом Шелковом пути. Андижан. 1994.*
7. *Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Выпуск 2., Бишкек, 1999.*
8. *Республика Узбекистан. Энциклопедия. Тошкент, 1997 (на узб. яз).*
9. *Фергана - долина дружбы и взаимосогласия. Бишкек, 1998.*
10. *Хуршут Э. Паркана - Давань - Фергана. Бишкек, 1998.*

К. Байпаков

(Алматы)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ОШ, (ОТРАР, ЯНГИ, АЛМАТУ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

В сочинении "Бабур-наме", написанном основателем империи Великих Моголов Индии Захир ад-Динам Мухаммедом Бабуром, названы расположенные к северу от Оша города Отрар, Янги и Алмату. Эти города юга Казахстана и Семиречья, четко маркируют направление трасс Великого Шелкового пути.

Дорога из северных провинций Индии (Кашмир), Китая и Восточного Туркестана (Кашгар), Бадахшана сливались у перевала Кызылбел в единую трассу, приводившую в крупный торговый узел, которым был Ош. Далее трасса шла на Ходжент, а оттуда в Шаш и Испиджаб. Здесь этот путь разделялся: первый - шел на северо-запад вдоль Сырдарьи в Отрар, Туркестан и далее в Хорезм и Приаралье: второй - вел на восток в Семиречье, города Тараз (одно из названий Лиги), Навакет, Алмату, Тальхир, Алмалык, Каялык, далее в Восточный Туркестан и Китай, а также на Алтай, в Сибирь и Центральный Казахстан (Дашти-Кыпчак).

Если рассматривать северо-западное "сырдарьинское" направление Шелкового пути, то здесь одним из крупнейших центров оседлой и городской жизни был Отрарский оазис, расположенный в районе впадения в Сырдарью р.Арысь. В древности - это один из центров Кангюйской империи,

возможно, именно в этом оазисе надо искать столицу Кангюя - Битянь.

Археологически - это район распространения каунчиноидных культур - оттарско-каратауской (*Бернштам, Агеева, Байпаков*) и арысской (*Подушкин*). Среди наиболее известных и изученных поселений и некрополей: Кок-Мардан, Мардан-Куик, Алтынтобе.

В средние века здесь сформировались такие историко-культурные области как Испиджаб, Кендже, Фараб-Отрар, Шавгар-Туркестан, столицами которых становятся города Ал-Мадинат ал-Банда - Испиджаб - Сайрам; Арсубаникет, Тарбанд-Отрар-Фараб, Шавгар-Яссы-Туркестан.

Восточное "семиреченское" направление проходило через земли кангюев и усуней.

В долине Таласа также находился один из центров кангюйской империи и расселялись племена гуннов шаньюя Чжи-Чжи. Здесь обнаружены и исследованы памятники оттарско-каратауской и усуньской культур. Известны и обследованы оседлые поселения и могильники. В средние века в долине возникали крупные городские центры - Тараз, Джамукат, Атапх, Шельджи, Текабкет. В Чуйской долине в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э. распространилась усуньская культура, в средние века на трассе Шелкового пути сформировались города Кулан, Мирки, Нузкет, Навакет, Суяб, Баласагун.

На северо-востоке Семиречья в Илийской долине, в Заилийском крае и Придзунгарье в III в. до н.э. - V в. н.э. существовало государство Усуней. В регионе обнаружены многочисленные курганные могильники и земледельческие поселения.

Трасса Шелкового пути через Илийскую долину стала особенно интенсивно использоваться в X в. Она разветвлялась в городах Алмату и Тальхир на два направления, одно из которых "илийское" шло на восток вдоль Или в Алмалык, второе - "алакульское" проходило в Придзунгарье через города Ики-Огуз (Эквиус) и Каялык (Кайлак) к Дзунгарским воротам, на Алтай, в Монголию и Сибирь.

В первой половине I тыс. н.э. наблюдается близость археологических культур Ферганы и средней Сырдарьи, Таласской долины и Ферганы, что определялось прежде всего сходными элементами в топографии поселений, планировке жилищ, в строительной технике, керамике, терракоте. Одним из ярких общих элементов культур этих регионов являются храмовые комплексы, связанные, видимо, с культом огня. Для них характерно наличие четырехлепесткового в плане монолитного сооружения, расположенного во дворе, окруженном стенами и коридорообразными помещениями.

Такие постройки обнаружены в Фергане (в зоне Керкидонского водохранилища), Отрарском оазисе (Мардан-Куик), Таласской долине (Чольтобе). Известны они и в Согде (*Горбунова, Мерцнев, Байпаков, Сулейманов*). В этой связи убедительными кажутся выводы о том, что ниже, среднее течение Сырдарьи и Западная Фергана представляли в середине I тыс. н.э. единый историко-культурный район (*Брыкина*). Эта общность хорошо прослеживается при сравнении керамических комплексов названных районов (*Левина*).

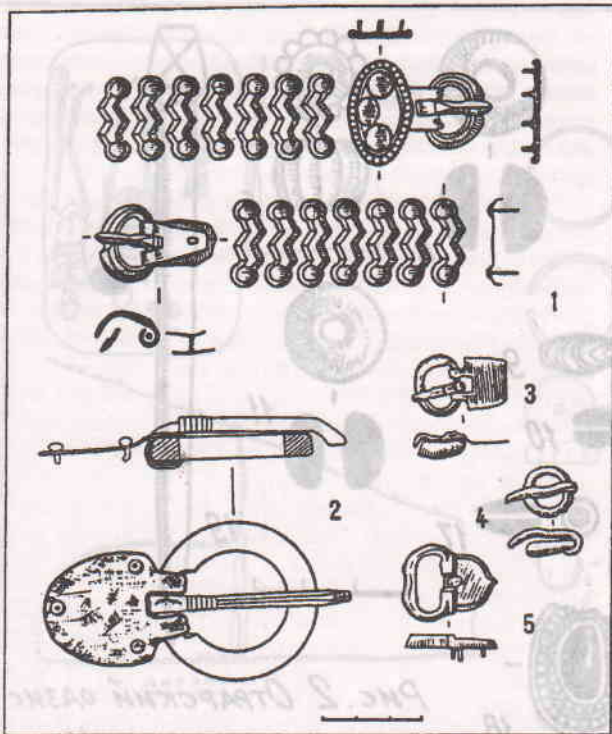
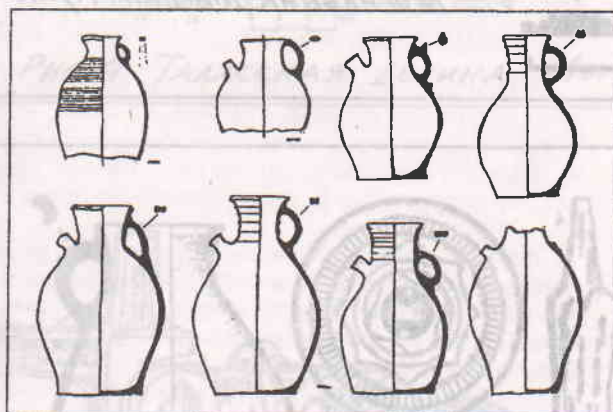
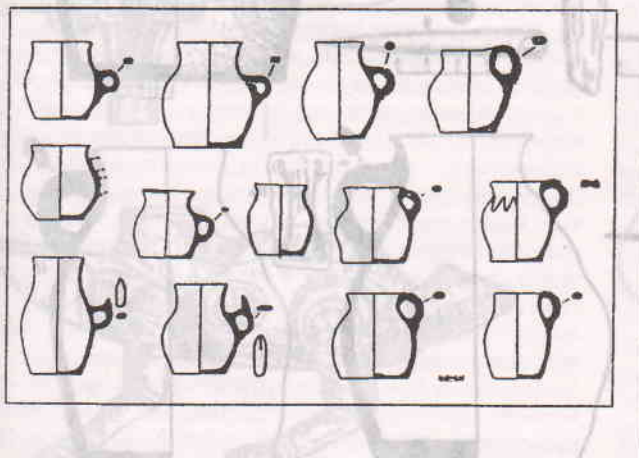

Рис. 1 Оттарский оазис
Могильник Мардан-Куик

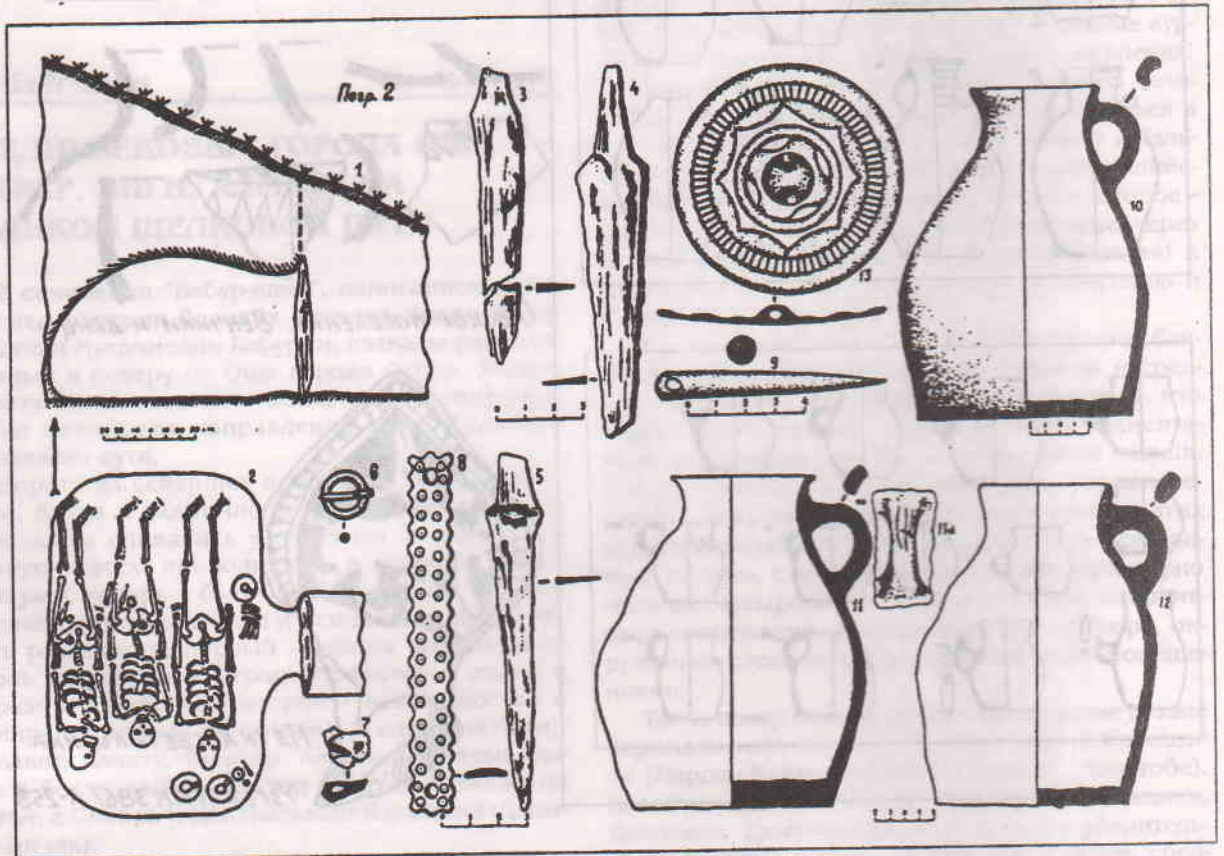
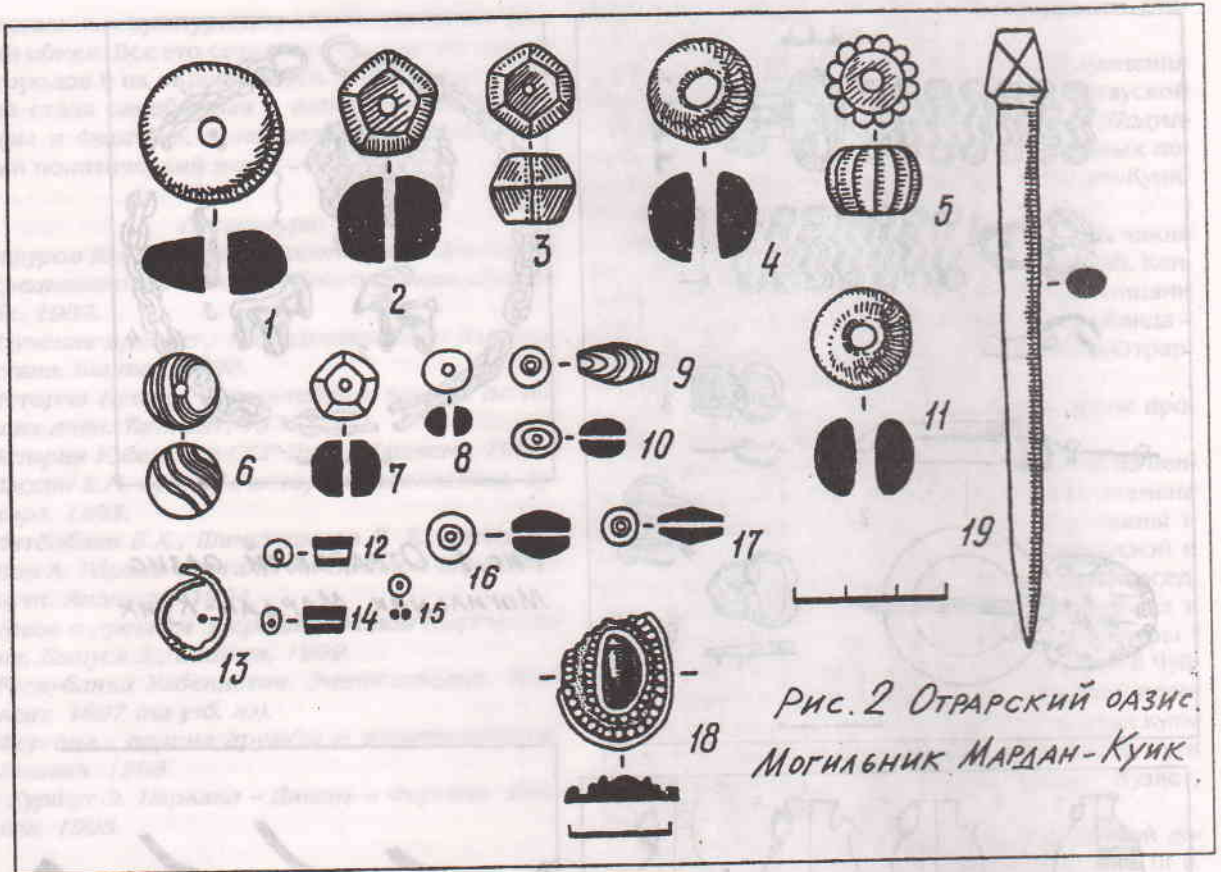

Ошское поселение. Венчики и донцы

Пятака светильника.

Узген. ГИК 3861 А-258

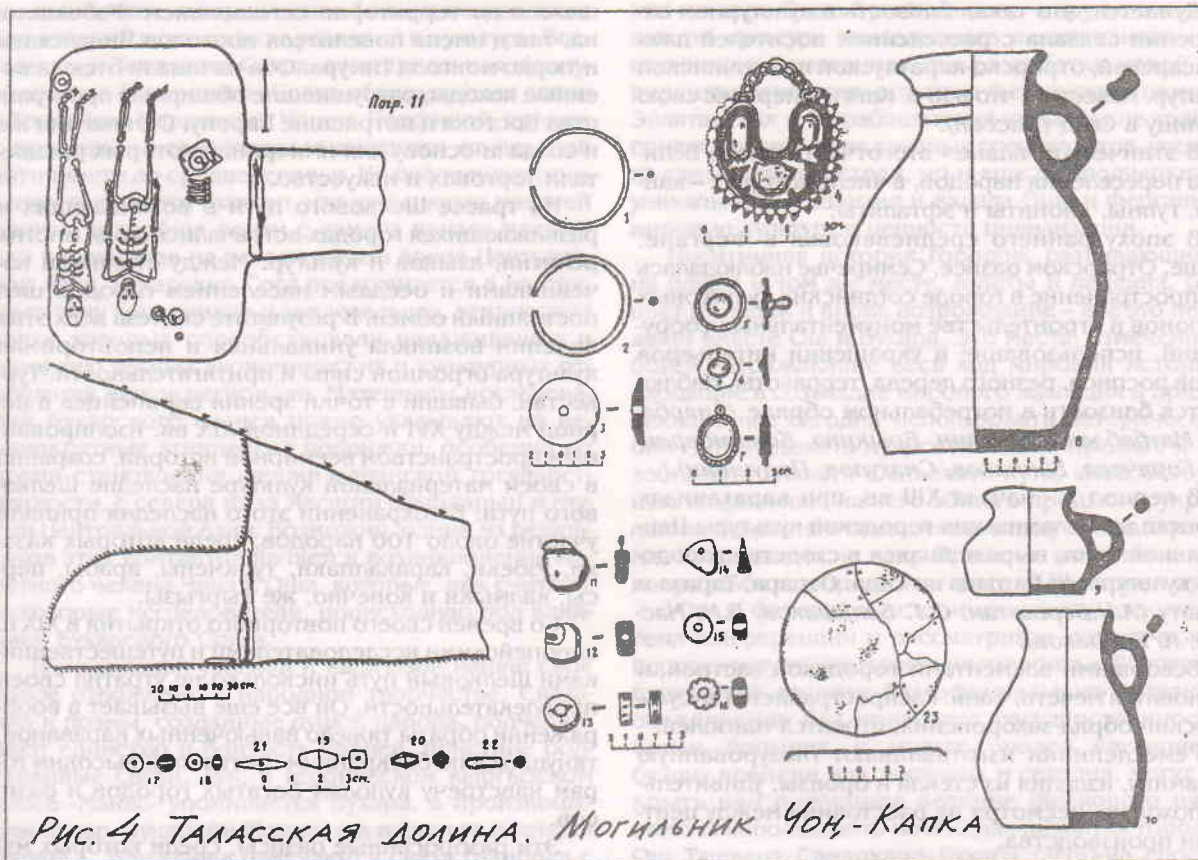

Рис. 4 Таласская долина. Могилиник Чоң-Капка

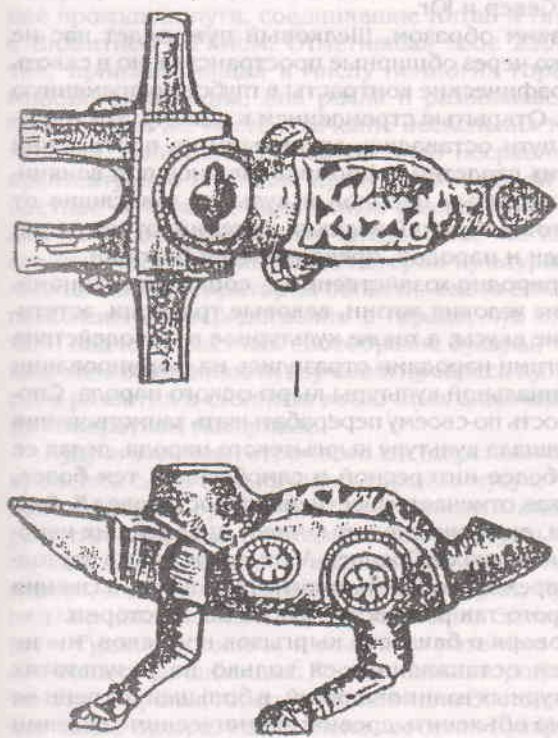
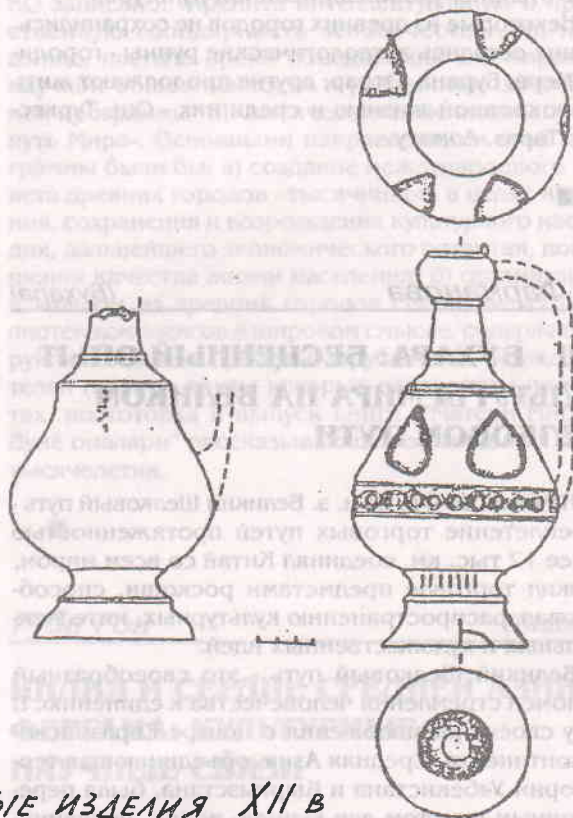

Рис. 5 Бронзовые изделия XII в из ТАЛГАРА

Думается, что такая близость в культурном отношении связана с расселением носителей джетысарской, отрарско-каратауской и каунчинской культур. Известно, что в III в. Кангюй перенес свою столицу в Согд (*Массон*).

В этническом плане - это отчасти эпоха Великого переселения народов, в числе которых - кангюи, гунны, хиониты и эфталиты.

В эпоху раннего средневековья в Фергане, Шаше, Отрарском оазисе, Семиречье наблюдалась распространение в городе согдийских культурных эталонов в строительстве монументальных сооружений, использование в украшении интерьеров залов росписи, резного дерева, терракоты. Наблюдается близость в погребальном обряде (*Анарбаев, Матбабаев, Еаруздин, Брыкина, Кожомбердиев, Горячева, Байпаков, Смагулов, Подушкин*).

В период X - начала XIII вв. при караханидах происходит исламизация городской культуры Центральной Азии, выразившаяся в сходстве городской культуры от Багдада до Оша, Отрара, Тараза и Алматы (*А.Н.Бернштам, О.Г. Большаков, В.М. Массон, К. Байпаков*).

Всеобщими элементами городской застройки становятся мечети, бани. Распространяется мусульманский обряд захоронения, строятся мавзолеи.

Ремесленники изготавливают глазурованную керамику, изделия из стекла и бронзы, удивительно похожие, несмотря на расстояния между центрами производства.

Этой интеграции культур во многом способствовал Великий Шелковый путь, проходивший через города, центры политической, экономической и культурной жизни. По нему быстро распространялись эталоны урбанизированной культуры.

Некоторые из древних городов не сохранились. От них остались археологические руины - городища Мерв, Бурана, Отрар; другие продолжают жить полноценной жизнью и среди них - Ош, Туркестан, Тараз, Алматы.

■
М. Фарманова

(*Бухара*)

ОШ - БУХАРА: БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ КУЛЬТУРЫ МИРА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Начиная со II в. до н. э. Великий Шелковый путь - переплетение торговых путей протяженностью более 12 тыс. км. соединял Китай со всем миром, служил торговле предметами роскоши, способствовал распространению культурных, интеллектуальных и художественных идей.

Великий Шелковый путь - это своеобразный феномен стремления человечества к единению. В силу своего расположения в центре Евразийского континента, Средняя Азия, объединяющая территории Узбекистана и Кыргызстана, была перевалочным пунктом для купцов, войск, посланников и миссионеров.

С ее историей связаны как имя Александра Македонского, пришедшего с запада и продвинув-

шегося до территории сегодняшнего Узбекистана, так и имена повелителя монголов Чингисхана и тюрко-монгола Тимура. Оба начинали отсюда военные походы, разрушившие обширные пространства Востока и потрясшие Европу. Однако они же и создали основу для империй, в которых расцвели торговля и искусство.

На трассе Шелкового пути в возникающих и развивающихся городах встречались люди многих религий, языков и культур. Между степными кочевниками и оседлым населением городов шел постоянный обмен. В результате синтеза всех этих явлений возникла уникальная и неповторимая культура огромной силы и притягательности. Туркестан, бывший с точки зрения европейцев в период между XVI и серединой XIX вв. изолированным пространством всемирной истории, сохранил в своей материальной культуре наследие Шелкового пути. В сохранении этого наследия приняли участие около 100 народов, среди которых казахи, узбеки, каракалпаки, туркмены, арабы, персы, калмыки и конечно, же кыргызы.

Со времен своего повторного открытия в XIX в. европейскими исследователями и путешественниками Шелковый путь нисколько не утратил своей привлекательности. Он все еще вызывает в воображении образы тяжело навьюченных караванов, тянувшихся по бескрайним пустыням и высоким горам навстречу куполам богатых городов и оазисов.

Эти разбросанные оазисы, среди которых мы ярко видим Ош и Бухару, обрели большое культурное и политическое значение, благодаря своему удачному расположению на пересечении великих караванных путей, соединявших Восток и Запад, Север и Юг.

Таким образом, Шелковый путь ведет нас не только через обширные пространства, но и сквозь географические контрасты в глубокую временную даль. Открытые стремлением к новому, эти торговые пути оставались активными на протяжении многих столетий, сформировавшись под влиянием различных народов и культур, зависящие от взлетов и падений великих империй, от миграции племен и народов, превратностей Истории.

Природно-хозяйственные, социально-экономические условия жизни, вековые традиции, эстетические вкусы, а также культурное взаимодействие с другими народами отразились на формировании оригинальной культуры кыргызского народа. Способность по-своему перерабатывать заимствования обогащала культуру кыргызского народа, делая ее еще более интересной и самобытной, тем более, что, как отмечает известнейший востоковед В. Бартольд, он принадлежит к числу древнейших народов, живущих в Средней Азии, поскольку в настоящее время нет, по-видимому, ни одного, названия которого так рано встречалось бы в истории.

Говоря о близости кыргызов и узбеков, мы не можем останавливаться только на результатах культурных взаимовлияний, в большей степени ее можно объяснить древними этническими связями между тюркоязычными народами.

В последнее время становится традиционным акцентирование роли Восточного и Западного Сида в развитии культурогенных процессов на территории Средней Азии. И это не случайно, так как культура самого Сида не однородна. В ее сложении участвовали разные этнические группы и ар-

хеологические материалы все больше показывают ряд отличий в специфике развития и культуры Восточного и Западного Согда, а материальная культура именно Бухарского Согда обнаруживает связи с Хорезмом, Маргианой, Чачом, Парфиной, причем с последними связи прослеживаются от поздней античности до средневековья. Не последнюю роль в этом сыграл тот фактор, что уже с эпохи поздней бронзы и вообще почти с самого начала появления кочевников на исторической арене Центральной Азии, Бухарский Согд превращается в контактную зону кочевников и земледельцев, этнические связи которых способствовали налаживанию и развитию тесных экономических и культурных отношений между регионами. Материалы исследований Бухарского оазиса прямо указывают на неоднократные этнические подвиги, особенно во время становления юечжи-кушанской государственности, с севера из-за Яксарта (Сырдарьи) и глубин Центральной Азии. Возможно, одним из результатов этих контактов является возникновение монетного чекана Чача и Оша, которые, как считают некоторые исследователи, происходило под влиянием Бухарского Согда.

Тесные связи узбеков и кыргызов нашли свое яркое отражение в народном творчестве. Сказания и поэмы, созданные душой народа, подчеркивают единство и близость корней, поистине родственные связи. Так, в героическом кыргызском эпосе «Манас» упоминается Бухара, в произведении Букар, Букарайи-Шарип, а в варианте исследователя С. Каралаева отмечаются связи бухарцев с кыргызами, которые были установлены задолго до появления Манаса (историзм эпоса, бахши С. Оразбаков, жена Манаса Каныкей с сыном Семетеем).

Бухара - очаг древнейшей цивилизации, через нее проходили пути, соединявшие Китай и Индию с Византией и Римом. Отметившая свое 2500-летие, принадлежащая к числу немногих городов мирового наследия, она росла и развивалась на одном и том же месте в течение нескольких тысячелетий. Дошедшее до наших дней несравнимое архитектурное наследие представляет собой редкое сочетание памятников разных эпох, стилей и направлений. Примечательно то, что из более чем тысячи памятников истории культуры, находящихся на территории области, около 500 расположены непосредственно в городе, что опять-таки подчеркивает как своеобразие Бухары, так и широкие возможности изучения процесса культурного развития в столицах восточных цивилизаций на конкретном материале.

Будучи столицей огромного государства и одновременно одним из крупных городов мусульманского Востока, Бухара вносит огромный вклад в развитие духовной и материальной культуры человечества. Бухара родина величайших мыслителей, поэтов, зодчих, таких как имам ал-Бухорий, Мухаммед Наршахи, Дакики. Абу Алл Ибн-Сино. Здесь творили Рудаки, родилось и получило развитие течение ислама Накшбандия. Город-сказка, город-экология для Европы, город-труженник дня Востока, вот что такое Бухара. Марко Поло, посетив Бухару, от изумления назвал его самым прекрасным из городов Азии.

Ош - древнейший город на Великом Шелковом пути знаменит легендой о Соломоне и часто упоминается в исторической литературе как Тахта-Сулейман (что означает Трон Соломона). Широкое систематическое изучение уникального ошского поселе-

ния на горе Тахта-Сулейман дало миру новые знания по культуре земледельцев и кочевников, послуживших основанием для разработки новой периодизации истории культуры Ферганского оазиса - Эйлтанская и Шурабашатская культуры не только привлекли внимание крупных специалистов, ученых из самых разных стран, но и еще раз подчеркнули уникальность развития и вклада Оша и Ферганы в мировую культуру и ценности цивилизации.

Идентичная история городов, развивающихся на одном и том же месте, взлеты и падения, расцвет и упадок и вновь возрождение - все это пережили вместе Ош и Бухара. Это места, отмеченные богом, отражающие весь ход мировой истории, входящие в созвездие мирового наследия и призывающие нас сегодня использовать исторический опыт, последовать мудрости наших предков и возобновить диалоги Шелкового пути, способствующие сохранению нашего общего прошлого, укреплению искренних отношений между всеми народами, вышедшими из недр Времени, включая и тех, кому судьба не определила жить на Шелковом пути.

«Ош и Фергана в исторической перспективе» - тема конференции и рассматривая историческую перспективу мы не можем не говорить о Шелковом пути - этой державе без официального названия, объединении без признаков государственности. Сотни больших и малых городов, канувших в бездну времени или живущих и сегодня, могут открыть нам подлинное величие Шелкового пути, помочь использовать потенциал развития городов Ош, Ташкент, Самарканд, Бухара, Фергана, способных передать накопленный бесценный опыт культуры Мира, Возрождения и Созидания.

«Из древних чудесных камней сложите ступени в грядущее» - говорил Н. Рерих, а в Уставе ЮНЕСКО записано: «Крепить интеллектуальную и нравственную солидарность человечества». На наш взгляд, настало время объединения сил мировой научной общественности и разработки действенной программы «III - тысячелетие: Шелковый путь - путь Мира». Основными направлениями этой программы были бы: а) создание международного Совета древних городов - тысячников, в целях изучения, сохранения и возрождения культурного наследия, дальнейшего экономического развития, повышения качества жизни населения; б) организация в каждом из древних городов специальных библиотек-комплексов в широком смысле, содержащих рукописи, книги, работы зарубежных исследователей (копии), труды которых неизвестны на местах; подготовка и выпуск книги, «Матери Мира - Дунё онапари» рассказывающей о женщинах II -го тысячелетия.

Руби Рой

(Индия)

ИНДИЯ И СЕРДЦЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ ФЕРГАНА: КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Настоящая работа представляет собой научное описание связей между Индией и Центральной Азией, в особенности с Ферганской долиной в период Морiana и Шаака-Кушана.

Я остановился на этом периоде по той причине, что именно в период Мариана тогда начались контакты Индии и распространение буддизма в Центральной Азии, а в период Шаака-Кушана буддизм уже имеет огромное влияние.

Развитая торговля по Шелковому пути привела к росту городов, т.е. к урбанизации, возник оазис городов Центральной Азии в результате развитой торговли. Необходимо отметить, что среди трех линий Шелкового пути самой важной была линия через Ферганскую долину.

Шаака-Кушана период принадлежал этнической культуре. Когда они приехали в Индию, они принесли с собой культуру Центральной Азии в Индию. Это можно найти в новом стиле искусства и войны, которая возросла в Индии. Очень важным историческим мнением было то, что Великая империя Канишки из Индии и Центральной Азии были объединены в одно государство.

Связи между Индией и Центральной Азией были глубокими и разнообразными.

Я постараюсь раскрыть определенные аспекты этого взаимовлияния культур. Во-первых необходимо подчеркнуть сходство между остатками посуды, найденными во время раскопок в Индии и Фергане. Особенно это правдоподобно в случае красной глины, обнаруженной в Индии и в Оше в Бронзовую эпоху.

С социальной точки зрения, можно подчеркнуть и то, что индусы в период Вед и народ Андроновской культуры сжигали умерших. Я также столкнулся с менее известными вопросами. Многие знают, что правители Кушан первыми употребили золотые монеты в Индии в большом количестве. Правда, что Индия приобрела золото в результате торговли с Римской Империей. Рим сожалел, что потерял много золота в торговле с Индией. Но никому неизвестно, что Индия брала золото с Алтайских гор Центральной Азии.

В этой статье я коснусь и вопроса распространения буддистской культуры Майтра на Шелковом пути. Такая популярность этого культа среди торговцев объясняется развитием торговли и тем, что купцы нуждались в защите. Они начали молиться Майтрею. Здесь наблюдается близкое соприкосновение и даже смешивание религии и торговли. Можно найти несколько схожих черт между распространением торговли и буддизма в Центральной Азии и распространением торговли и протестантизма в Европе XV-XVI вв. Набирающий силу средний класс в Европе поддерживал доктрину Мартина Лютера.

Результатом всех этих связей и контактов явилось появление индийских торговых колоний на территории Ферганской долины. Для Индии это значило близкие контакты с Ферганой в различных областях.

Эти контакты имели место во время тюркского нашествия в средние века и появлением индоисламского искусства в Индии.

Вторая часть статьи посвящена взглядам германских (немецких) ученых-индологов на индийское наследие в Центральной Азии. Немецкие индологи добились определенных успехов в восстановлении многих буддистских документов и предметов искусства. И кыргызские ученые могут найти хорошие источники в немецких университетах в Бонне, Берлине и др.

Итак, в своей статье я показал продолжительный интерес к своим Центрально-Азиатским соседям после того, как она стала независимой. Этот интерес стал реальностью благодаря усилиям Индийского Совета по Культурным связям в Нью-Дели, который был учрежден в 1950 г. Основателем этого Совета был Маулана Абул Калам Азад, первый министр образования Индии, один из лучших ученых и борец за свободу. Сегодня во всех Центральноазиатских республиках открыты Индийские центры, для того, чтобы люди могли лучше понять Индию и для того, чтобы сохранить связи между двумя великими древними культурами.

Основной идеей индийской истории является то, что мы должны хранить «старые добрые традиции», но в то же время отдавать дань новому и изменяться. В основе этой идеи - историческая связь между Индией и Центральной Азией. Как уже отмечалась выше, контакты Индии с Центральной Азией развивались с древнейших времен и основывались на желании распространять культуру и взаимопонимание между народами.

■
Кенешбеков К. А.

(Талас)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ Г. ОШ И ЮЖНОГО КЫРГЫЗСТАНА С ГЕРМАНИЕЙ

Взаимосвязи г. Ош и южного Кыргызстана с Германией стали развиваться в конце XIX - начале XX вв. В это время промышленные компании и капитал Германии стали проникать в этот регион.

В г. Ош и южный Кыргызстан поставляли свою продукцию такие крупные монополистические группы как: "Братья Крупп", "Всеобщая компания электричества", "Густав Пист" (производство насосов и весов), "Дейксель" (провода), "Руд и Сака" (стальные плуты и сеялки), "П.Л. Груббе" (сейфы), "Бальке и Исааф" из Золлингена (ножницы, ножи, бритвы) и др. (*Ярков, Галицкий, 1992. - № 9-10. С. 15*).

К тому времени немецкий банковский капитал финансировал строительство железных дорог и угледобывающую промышленность южного Кыргызстана. Основная часть шахтного оборудования угольных копий изготавливалась в г. Кельне на заводах Гумбольда и была завезена из Германии. Крупные нефтяные компании России, находившиеся под контролем немецкого финансового капитала, имели свои склады в Кызыл-Кие.

В г. Ош и населенные пункты южной части Кыргызстана поступали также товары музыкальной фирмы "Циммерман", магазина хирургических инструментов фирмы "Шварц", оптического магазина "Мюллер" и других немецких торговых предприятий, конторы которых располагались в городах Москве и Петербурге (*Ярков, Галицкий, 1992. - № 9-10. С. 15*).

В г. Пишпек было образовано промышленно-торговое предприятие Г. Дюршмидта, которое занималось скупкой и первичной обработкой ки-

шок, экспортируя ежегодно по 100 тыс. комплектов, в основном для колбасных заводов Германии. Представители этого торгово-промышленного предприятия в г. Ош занимались скупкой сырья в южной части Кыргызстана.

Отдельные подданные Германии служили на юге Кыргызстана у местных предпринимателей, в частности, у кызылкийского шахтовладельца Батюшкова работал некий Цибур.

Территория Кыргызстана, в том числе и южная часть, посещалась и исследовалась немецкими учеными (*Там же*). Известные ученые Германии М. Фридрихсен, Г. Мерцбахер, М. Кейдель, члены немецко-австрийского альпийского клуба под руководством Рикмерса и другие активно изучали природу и полезные ископаемые Кыргызстана и публиковали результаты своих исследований в научных журналах России и Германии.

Завоевания на территории Кыргызстана царской Россией открывали определенные возможности Германии и немецкому капиталу для освоения нового рынка сбыта промышленных товаров и получения дешевого сырья (*Там же*).

Но царское правительство пыталось приостановить проникновение сюда немецкого капитала, в том числе законодательным путем. Так, например, в "Положение об управлении Туркестанского края" (1886 г.) были включены ограничительные статьи, в частности, в статье 262-й было подчеркнуто: "...приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицам, не принадлежащим русскому подданству, а равно всем, за исключением туземцев и лицами нехристианских вероисповеданий, воспрещается (*Кронгардт, 1997. С.58*).

В 90-х г. XIX в. был принят еще ряд законодательных актов, которые должны были воспрепятствовать проникновению немецкого капитала на территорию Кыргызстана, в том числе и в южную часть.

Экономические и научные связи южного Кыргызстана и Германии были прерваны первой мировой войной.

Участие в первой мировой войне привело к экономическому кризису в России, в том числе и в Кыргызстане.

Из-за нарастающей нехватки квалифицированной рабочей силы начался спад производства на угольных предприятиях юга Кыргызстана, которые в то время были основными поставщиками угля в Средней Азии, в том числе и для нужд фронта.

И это вынудило царское правительство использовать военнопленных немцев и австрийцев для работы на угольных копях Кызыл-Кия и Сулюкты (*Ярков, Галицкий, 1992. - №12. С. 11-12*).

Военнопленными немцами и австрийцами была построена алайская колесная дорога. Бесплатный труд военнопленных использовался в городах Ош и Узген, где были их лагеря.

К концу войны основная часть военнопленных Туркестана была вывезена в центральные районы России, но на территории южного Кыргызстана немецкие военнопленные оставались, так как они трудились на угольных шахтах.

В бурные дни Октябрьского переворота и гражданской войны военнопленные продолжали трудиться на своих местах по месту заключения.

В 1921-1922 гг. по договору между Советской Россией и Германией основная часть военнопленных выехала на Родину согласно пункту об обмене военнопленных (*Там же*).

В 1926 г. между СССР и Германией был подписан Берлинский договор, в котором были пункты об экономических связях, и в результате этого в конце 20-х г. из всего поступаемого в СССР импорта - 47% составляла продукция из Германии.

Из большого количества оборудования и машин, поступивших из Германии, кое-что дошло и до южного Кыргызстана. В это время, в частности, поступил немецкий котел "Мюллер" на Карасуйский завод по производству масел (*Текущий архив Госагропрома Киргизской ССР, техотдел главного управления по производству и переработке мясо-молочной продукции за 1987 год*).

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. В южный Кыргызстан было эвакуировано из прифронтовых районов мирное население, промышленное оборудование и станки, отдельные вузы, были развернуты госпитали, где восстанавливали здоровье раненые бойцы, для них создавались необходимые материально-бытовые и медико-санитарные условия.

В числе восстанавливающих здоровье в г. Ош были около 200 политических эмигрантов и членов их семей, добровольцев-антифашистов, сражавшихся в рядах испанского народа против итало-германских интервентов (1936-1939 г.г.). Это были эмигранты и антифашисты из Алжира, Болгарии, Венгрии, Италии, Франции, Чехословакии. Среди них - около 40 немцев-антифашистов из Германии (*Кенешбеков, 1988 - № 8 С. 21-22*).

В действующую армию на фронт из Кыргызстана было мобилизовано 360 тыс. человек, значительная часть которых была с южного региона.

В ходе военных действий определенная часть воинов-кыргызстанцев попала в плен и использовалась на принудительных работах в Германии. Пленные солдаты фашистской армии также использовались на принудительных работах в южном Кыргызстане. В частности, на строительстве хлопкового завода в г. Кара-Суу.

Война принесла не только материальные, но и людские потери. Из 360 тыс. мобилизованных на фронт кыргызстанцев - 121 тыс. погибли или пропали без вести, т.е. каждый третий (*Эркин-Тоо. - 1995. - 6 мая*). Торгово-экономические связи Кыргызстана и ГДР развивались по договору о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве, подписанного 12 июня 1964 г. Выполняя заказы ГДР, несколько предприятий и заводов г. Ош и южного Кыргызстана экспортировали туда свою продукцию.

К их числу относятся Майли-Сайский электроламповый завод, Джалал-Абадский завод штепсельных разъемов, Ошский заготхлопкотрест, хлопкозаводы Ошской области (Карасуйский, Джалал-Абадский, Ошский, Араванский), южный горно-металлургический комбинат. Они поставляли в небольших объемах следующие виды продукции: лампы нормального освещения, штепсельные разъемы, хлопок, триокись сурьмы (*Текущий архив...*).

В свою очередь промышленные и сельскохозяйственные машины и оборудование из ГДР от-

носителем в большом количестве регулярно поступали на заводы, предприятия легкой, пищевой полиграфической и других отраслей промышленности и в сельское хозяйство региона.

Поставки комплексного оборудования для легкой промышленности для г. Ош из ГДР начались с 60-х г. Так, впервые в 1960 г. на швейной фабрике им. Крупской в г. Ош были установлены немецкие станки. Машины позволили механизировать упаковку сорочек в целлофановые пакеты, исключить ручной труд при глажении мужских рубашек. Полуавтоматы заменили труд 26 рабочих и резко подняли производительность труда (*Советская Киргизия. - 1969. - 5 февраля*).

Внедрялось также высокопроизводительное технологическое оборудование. Так в 1972 г. на Ошском текстильном комбинате была внедрена технология мерсеризации хлопчатобумажных тканей на мерсеризированной машине фирмы "Текстима" из ГДР (ЦГА КР ф. 2540 Оп. 4 д. 143. С. 70).

В 80-е г. машины и технологическое оборудование из ГДР были установлены и работали на следующих предприятиях пищевой промышленности южного Кыргызстана: в Кара-Суйском маслоэкстракционном заводе, на Джалал-Абадской кондитерской фабрике (*Материалы техотдела...*). Германское полиграфическое оборудование было установлено также в типографии г. Джалал-Абада (*Материалы Госкомитета...*). Таким образом, в регион из ГДР поступали различные виды оборудования, строительной, дорожно-строительной и сельскохозяйственной техники, также товары массового спроса: трикотаж, швейные изделия, обувь, шелковые ткани, хлопчатобумажные ткани, парфюмерно-косметические товары и т.д.

Специалисты Ошского государственного педагогического института выезжали в ГДР. Так, в 1970 г. на международных курсах преподавания иностранных языков совершенствовала свои знания по немецкому языку и литературе преподаватель ОГПУ Краснова А.С. (*Текущий архив...*).

В свою очередь отдельные ученые ГДР посещали южный Кыргызстан для сбора научной информации, так в 1969 г. профессор Г. Хайтцер посетил Джалал-Абад и отдельные районы Ошской области (*Комсомолец Киргизии. - 1969. - 20 сентября*).

Кроме этого, научная, научно-техническая и художественная литература из ГДР поступала в научную библиотеку Ошского государственного педагогического института, в областную библиотеку.

В целом, можно выделить следующие особенности международных связей южного Кыргызстана и Германии:

1) В досоветский период территория Кыргызстана, в том числе и южная часть, была для Германии рынком сбыта промышленных товаров и получения дешевого сырья. А Германия была для Кыргызстана, в том числе и южного региона, одним из основных поставщиков промышленных машин, оборудования и товаров массового спроса. Кыргызстан экспортировал в Германию свою продукцию в небольших объемах.

2) В культурном плане, в досоветский период немецкие ученые изучали историю, природу, полезные ископаемые Кыргызстана, в том числе и южной части.

3) Сегодня Германия в торгово-экономическом сотрудничестве с Кыргызстаном заняла ведущее положение. Кыргызстан снова стал рынком сбыта и основным потребителем немецких промышленных товаров. Потребителем кыргызского экспорта стала Германия, обойдя Россию (38% против 16%) (*Слово Кыргызстана. - 1999. - 11 февраля*).

Между южным Кыргызстаном и ГДР постоянно происходит обмен научной, технической и другими видами информации, взаимный обмен специалистами.

В постсоветский период культурные связи стали интенсивно развиваться. Были установлены прямые научные связи между высшими учебными заведениями южного Кыргызстана и Германии. Через интернет налажен регулярный обмен научной, научно-технической информацией.

Литература:

1. Ярков А., Галицкий В. Немцы в Кыргызстане. - Газета немцев Кыргызстана. - 1992. - № 9-10
2. Кронгарт Г.К. - Немцы в Кыргызстане. 1980-1900 гг. Бишкек: Илим. - 1997.
3. Текущий архив Госагропрома Киргизской ССР, техотдел главного управления по производству и переработке мясо-молочной продукции за 1987 год.
4. Кенешбеков К.А. Дебо виланддын өмүр барактарынан. - Кыргызстан аялдары - 1988 - № 8.
5. Эркин-Тоо. - 1995. - 6 мая.
6. Текущий архив Госплана Киргизской ССР, отдел экспортных поставок. Отчеты о выполнении плана поставок промышленной продукции, сырья, материалов на экспорт предприятиями и организациями Кыр. ССР за период с 1966-1985 гг.
7. Советская Киргизия. - 1969. - 5 февраля.
8. ЦГА КР ф. 2540 Оп. 4 д. 143.
9. Комсомолец Киргизии. - 1969. - 20 сентября.

Халанский И.В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗСТАНА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ С ИСЛАМСКИМИ СТРАНАМИ АЗИИ МАГРИБА

Исламские страны зарубежной Азии занимают существенное место в международных связях Кыргызстана в сфере образования. Условно все страны исламского мира, с которыми у республики на сегодняшний день завязались отношения в области образования, можно разделить на три группы. К первой относятся страны Южной Азии - Иран, Пакистан и Афганистан. Во вторую - входят арабские страны ближнего Востока: Иордания, Сирия, Йемен, Ливан и Палестина. Третья - инкорпорирует страны африканского арабизированного Магриба - Арабскую Республику Египет (АРЕ), Алжир, Марокко с примыкающим к ним мусульманским Суданом.

Из стран первой группы официальные отношения на уровне министерств образования сформировались лишь с Исламской Республикой Иран (ИРИ), после заключения соответствующего меморандума в октябре 1993 года (*Меморандум...*). Согласно его статьям, Министерство образования Кыргызской Республики договорилось с Министерством культуры и высшего образования Ирана оказывать друг другу содействие в улучшении и расширении материально-технической базы, издании учебников и учебных пособий на персидском и кыргызских языках. Предполагалось осуществить взаимные научно-культурные программы и систематически обмениваться студентами и преподавателями. Кроме этого иранская сторона обязалась представить 100 стипендий для обучения кыргызстанских студентов в вузах Ирана. Срок стипендий данного соглашения истек в 1998 г., не принеся ощутимых результатов. За пять лет действия меморандума ни один студент из Ирана не обучался в вузах Кыргызстана. Лишь в БГУ и КГНУ работают по одному иранскому преподавателю. За эти годы только 15 студентов и семь аспирантов из Кыргызстана в различное время обучались в иранских вузах (*Бюллетень МО КР...*).

Прямые межвузовские связи также слабы. Заключенные летом 1996 г. договора КГНУ и БГУ с Тегеранским университетом, касающиеся сотрудничества родственных факультетов университетов, информационного обмена, создания Координационных центров, обмена исследователями, студентами, преподавателями, научными программами, оказались нереализованными по большинству пунктов. Недостаточная динамика кыргызско-иранских отношений в области образования имеет множество причин: существенное различие в организации и формах школьного и вузовского образования, слабое развитие экономических связей, расхождение в религиозных конфессиях и т.д. Главная же причина, очевидно, заключается в том, что у Кыргызстана сложились теснейшие отношения с Турцией, которая исторически, на протяжении длительного времени, является основным конкурентом Ирана на Среднем Востоке во многих сферах деятельности.

С другой, исламской страной Южной Азии - Пакистаном, отношения Кыргызстана в области образования формировались на основе прямых академических и межвузовских связей. В октябре 1991 г. в Бишкеке было подписано соглашение между Академией наук Республики Кыргызстан, курсами повышения квалификации специалистов госуправления при Кабинете Министров Кыргызстана и институтом Управления и политики г. Лахор Исламской Республики Пакистан, касающееся взаимобмена информацией и кадрами (*Соглашение о сотрудничестве, между Академией наук РК...*).

В октябре 1991 г. представители КГУ заключили соглашения о сотрудничестве с Исламабадским и Пешаварским университетами, предполагавшими взаимобмен студентами, преподавателями и научной информацией (*Соглашение о сотрудничестве, между КГУ РК... С. 1-2; Соглашение о сотрудничестве между КГУ РК и Пешаварским университетом ИРП от 6. 10. 1991 г. - С. 1-2*). В 1997 г. в вузах Кыргызстана обучались 106 граждан Паки-

стана: 103 человека - в КГМА, 3 - в КТУ. В Пакистан из Кыргызстана в 1995-1997 гг. выезжало 20 человек: 13 студентов в течение года обучались в пакистанских вузах, 4 человека прошли краткосрочную языковую стажировку, два человека приняли участие в научно-практическом семинаре и один студент проходил полный курс обучения в Исламабадском университете по частной линии. Сведений о пакистанских преподавателях, работающих в вузах Кыргызстана, не имеется. В 1995-1997 гг. в вузах Кыргызстана проходили обучение шестеро граждан из Исламской Республики Афганистан. Трое из них обучались в КГМА, двое - в КАСИ и один - в КТУ (*Бюллетень МО КР... С. 1-5*).

На второй группе исламских стран хотелось бы остановиться подробнее, поскольку проблемы образования, особенно высшего, в арабских государствах в какой-то мере напоминают кыргызстанские.

Суть проблемы высшего образования в арабских странах коренится в несоответствии между стремлением догнать быстро развивающуюся эпоху и ограниченными академическими ресурсами. Жизнь диктует необходимость специализации в различных областях и, в первую очередь, в науке, преобразования традиционных школ и учебных заведений в технические и создания новых университетов, способных удовлетворить современные требования и нужды общества.

Однако, жажда прогресса, особенно в период после обретения независимости, привела в арабских странах Ближнего Востока к поспешному открытию учебных заведений без должного внимания к качеству.

В первые годы после завоевания независимости, несмотря на формальное развитие университетской системы, мало что менялось в ее содержании. Государственные университеты, создававшиеся наряду с частными, были пропитаны духом застоя и колониализма, чему способствовали преподававшиеся там дисциплины, языки обучения и преподаватели, приглашавшиеся в основном из бывших колониальных держав. Учебные планы вузов не были связаны с основными проблемами, стоящими перед страной. Вместо удовлетворения насущных потребностей государства учебные планы копировали многолетний опыт преподавания в зарубежных, главным образом западных университетах.

В арабском мире существуют иностранные университеты, учебные планы которых отличаются от планов национальных университетов. Их выпускники имеют интеллектуальную и культурную ориентацию и зачастую не могут найти спроса в своих странах. Иностранные университеты в силу своего политического влияния оказывают негативное воздействие на развитие национальных университетов. Наглядным примером царящей неразберихи является ситуация в высшем образовании в Ливане, где имеется восемь университетов с обучением на арабском, французском и английском языках (*Раджи Абу-Шакра. 1992, №3 - С. 174-185*).

Ни для кого не секрет, что язык - это интеллектуальная матрица, и образ мышления на одном языке отличается от образа мышления на другом, что находит отражение в интеллектуальных склонностях выпускников университетов.

Многие преподаватели, обучавшиеся за рубежом и вернувшись преподавать в арабские университеты, используют методику, к которой они привыкли. Таким образом, в одном и том же университете образуют винегрет различных методик, подчас противоречащих друг другу. В результате студент, разрывающийся между различными преподавателями и подходами, делает все от него зависящее, но из-за отсутствия четкого метода не достигает своей цели.

Ситуация усугубляется неспособностью государства вмешиваться в учебно-педагогический процесс и направлять молодежь на обучение тем профессиям, на которые имеется спрос.

Студенты предпочитают самые легкие пути для получения диплома, однако, по завершении учебы зачастую не в состоянии найти работу, поскольку в стране наблюдается избыток выпускников в ряде одних областей и растет дефицит в других. Отчасти это проблема объясняется заниженными требованиями при приеме на отдельные факультеты, что стимулирует абитуриентов поступать на них из-за "престижа" высшего образования, в реальности не нужного ни им, ни стране.

Так, в Ираке, Ливане и Сирии контингент студентов возрос в пять, а в Саудовской Аравии, Иордании и Ливии - в двадцать раз, что свидетельствует о том, что большинство арабских стран стремятся охватить высшим образованием максимальное число молодежи, даже в ущерб качеству, поскольку иногда требования в вузах к уровню знаний довольно низкие (Абазова Р.Ф., Абазова А.Ф. 1996, № 5 - С. 133-139).

Как высшее образование является большей частью предметов импорта из Европы и США, а не продуктов местного знания, так и многие академические исследования представляют собой копии тех зарубежных трудов, которыми тот или иной арабский ученый занимался во время учебы за границей. Помимо этого, существует пропасть между учеными-исследователями и чиновниками от просвещения, которые по большей части игнорируют научную работу или уделяют ей недостаточное внимание. Поэтому научно-исследовательская деятельность, как правило, является делом специалистов-одиночек. Что касается государства, то для него не имеет значения, ведутся эти исследования или нет. Государственная политика во всех арабских странах большей частью непосредственно связана с личностью главы государства, его семьей, окружением или партией. Со сменой правителя меняется и политик, что в свою очередь сказывается на образовании.

Из арабских стран Ближнего Востока у Кыргызстана официальные отношения на уровне министерств образования сложились только с Иорданией.

Во время визита правительственной делегации Кыргызстана в 1994 г. в Амман было подписано соглашение о взаимопонимании и сотрудничестве между Министерством образования Кыргызской Республики и Министерством высшего образования Иорданского Хашемитского Королевства. Министерства договорились развивать и укреплять культурные и научные связи между вузами и научно-исследовательскими центрами, принадлежащие министерствам, осуществлять ежегодный обмен

студентами и аспирантами, преподавателями и специалистами в области образования (*Соглашение о взаимопонимании и сотрудничестве ... С. 1-2.*)

Именно выходцы из Иордании и Сирии составляют часть (более 80%) студентов из арабских стран Ближнего Востока (Йемена, Ливана и Палестины), обучающихся в вузах Кыргызстана. Из 76 арабских студентов Ближнего Востока, обучавшихся в 1995-1997 гг. в Кыргызстане, большинство было сосредоточено в Медицинской Академии (57 человек), остальные оказались поделенными между тремя вузами: КТУ, КАСИ и КГНУ. В 1995-1997 гг. в вузах Кыргызстана работали три преподавателя из арабских стран Ближнего Востока: двое в БГУ - из Иордании и Ливана и один в КГНУ - из Сирии (*Бюллетень МО КР... С. 1-5.*)

В 1997 г. в арабских странах Ближнего Востока обучалось 8 студентов из Кыргызстана. Шесть - в Иордании (один на факультете теологии) и два человека - в Кувейте. Один представитель Министерства образования Республики в 1997 г. побывал на конференции в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) (*Бюллетень МО КР... С. 1-5.*)

В рамках программы "Билим" ведется подготовка к открытию Кыргызско-Кувейтского частно-государственного университета, планируемое на 2000 год (*Соглашение о взаимопонимании и сотрудничестве... С. 1-2.*)

Третья группа арабских стран, куда входят Арабская Республика Египет (АРЕ), Алжир и Марокко, с примыкающим к ним мусульманским Суданом, номинально, географически относятся к Африке, но фактически, по языковой принадлежности и социокультурным признакам, являются чисто арабским, поскольку арабизация Магриба началась еще в конце прошлого тысячелетия (*Моатассиме Ахмед, 1993, №2. С. 63-68.*)

В 1995-1997 гг. в Кыргызстане работало два преподавателя из АРЕ (в БГУ) и обучалось 16 афроарабских студентов (в КГМИ и КАСИ). В КГМИ обучалось 6 студентов из Марокко и 4 студента из АРЕ. В КАСИ училось 3 студента из Судана, 2 студента - из Алжира и один - из Марокко. В данный период времени наибольшее количество кыргызстанских студентов обучалось в АРЕ в университете "Аль-Асхар" - 22 человека. В 1993-1994 гг. годовое обучение в Рабатском университете (Марокко) прошло 5 студентов из вузов Кыргызстана (*Бюллетень МО КР... С. 1-5.*)

Таким образом, международные связи Кыргызстана в области образования с исламскими странами Азии развиваются неравномерно, если в отношениях с исламскими странами Южной Азии и Магриба не наблюдается особого прогресса, то с арабскими странами Ближнего Востока устанавливаются довольно прочные и перспективные контакты.

Литература:

1. Меморандум между МО КР и Министерством культуры и высшего образования Исламской Республики Иран от 21.10.1993 г.
2. Бюллетень МО КР по информации об обучении, стажировке, курсах повышения квалификации за границей в 1993-1997 гг.
3. Соглашение о сотрудничестве между Академией наук РК, курсами повышения квалификации

специалистов гос.управления при Кабинете Министров РК и институтом Управления и политики г. Лахор Исламской Республики Пакистан от 6.10.1991 г.

4. 1) *Соглашение о сотрудничестве между КГУ РК и Исламабадским университетом Исламской Республики Пакистан от 6. 10. 1991 г. – С. 1-2.*
2) *Соглашение о сотрудничестве между КГУ РК и Пешаварским университетом ИРП от 6. 10. 1991 г.*
5. *Раджи Абу-Шахра. Проблемы высшего образования в арабских странах 1992.*
6. *Абазова Р. Ф., Абазова А. Ф. Исламские университеты и реформирование системы высшего образования в мусульманском мире. Социс., 1996.*
7. *Соглашение о взаимопонимании и сотрудничестве между Министерством образования КР и Министерством высшего образования Иорданского Хашимитского Королевства от 16.01. 1994.*
8. *Анализ выполнения Комплексного плана мероприятий МОНИК КР по выполнению основных направлений по выполнению образовательной программы «Билим на 1996-2000 гг.»*
9. *Моатассиме Ахмед. Культурный плюрализм.*
10. *Моатассиме Ахмед. Культурный плюрализм и образование в странах Магриба, 1993, № 2.*

Бушков В. И.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ Г. ОШ (легенды и реальность)

В последние годы, особенно в преддверии празднования трехтысячелетия города Ош, в печати стали появляться статьи, где поднималась проблема происхождения топонима Ош. Отметим, что ранее эта проблема всерьез практически не рассматривалась из-за отсутствия каких-либо источников.

Имеющиеся в настоящее время точки зрения можно условно разделить на две группы: 1) мифические и 2) научные. Первая группа основывается на народной этимологии, соотносившей слово "Ош" с окриком скота при перегоне "куш" и увязывавшей это значение или же с Александром Македонским или же с царем Соломоном (отсюда средневековое название Сулайман-Тоо/ Тахти Сулейман). Безусловно, эти легенды относятся к области фольклора и не могут иметь никакого научного значения.

Существует несколько научных точек зрения. Первая была высказана в 1959 г. профессором Э. Мурзиевым в книге "Словарь местных географических терминов", где он связывал слово Ош со значением "город", "городок". При этом он опирался на такое же значение слова Ош в языке мурдвы-эрзя, считая его скифским заимствованием. Однако на современном уровне знаний лингвистов эта позиция не может быть поддержана.

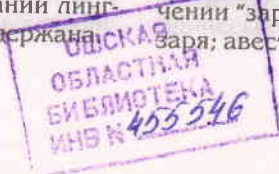
Интересные наблюдения сделал С. Мамытов, сопоставив название г. Ош с аналогичным названием города в Южной Франции. Не пытаясь дать оценку его значения, он тем не менее высказал предположение, что такая близость не случайна и могла восходить к древнеарийскому периоду (Мамытов, Слово Кыргызстана, 16.-2. 99.). Это, на наш взгляд, правильное наблюдение, к которому можно добавить, что во Франции есть еще некоторое количество топонимов, имеющих соответствия в иранских языках.

Наиболее детально попытался разработать эту проблему ошский археолог К. Малтаев, пытавшийся связать название города с древнеиранским словом "вахш". По его мнению, в древности так называлось божество - покровитель вод реки Ак-Буры. В отношении этой версии мы присоединяемся к мнению С. Мамытова о том, что "поиск истоков слова "Ош" в словах "вахш", "охшо..." не имеет достаточного обоснования (Там же). При этом С. Мамытов совершенно справедливо указал, что в древности гидроним "Оксус" ("Вахш") относился к Амударье, а не к Ак-Буре, и сохранился в названии правого притока этой реки. К этому же нужно добавить, что первоначальное значение иранского слова "axs", как впрочем и более древние, древнеевропейские формы Oxs, Ochsus - это "река", "поток" (Гамкрелизе, Иванов, 1984. С. 940). В практике же топонимобразования именно первое, главное значение обычно закрепляется за географическими реалиями, а не его позднейшие переосмысления (ср. древние обозначения водных потоков "дон" и "ра" в современной гидронимии).

Тем не менее ясно, что название г. Ош, следует искать в древнем первоначальном названии местных географических реалий, поскольку Ош как город сложился значительно позднее, чем произошло заселение этих мест индоиранским (т.е. индоевропейским) населением.

На наш взгляд, таким объектом может быть только гора Тахти-Сулейман (Сулайман-Тоо). Это связано с рядом причин. Первое - это расположение горы на самом востоке Ферганской долины. А хорошо известно, что в древности иранцы называли географические объекты, в т.ч. горы, по их особенностям. Такой особенностью для древнего населения Ферганской долины было то, что для абсолютного большинства местных жителей из-за этой горы по утрам вставало солнце. Следовательно, название должно было соответствовать этой специфике расположения. И действительно, такой источник, как Авеста дает нам соответствующее слово. Это - Ушида, Ушидарна, что значит "заревая", "рассветная". Эти вершины (или "двух-головая" вершина) упоминаются в двух яштах - Ормаззд-яште и Замйад-яште и предположительно увязываются с возвышенностью Хаджата-кух к востоку от озера Хамун в современном Систане.

Не исключено, что близким по звучанию словом могла называться и ошская гора, тем более, что общая топонимика Согда-Ферганы, с одной стороны, и Систана, с другой, весьма сходны (Бушков, 1998. С. 64, 66). Между прочим, это слово восходит к общеиндоевропейской основе и в значении "заря" (хет. ais, us - видеть; др. - инд. Usah - заря; авест. Usa - заря, а его основа сохраняется и

в современных индоевропейских языках лит. Austra - заря; рус. - утро и т.д.).

На наш взгляд, именно это обстоятельство определило и значение ошской горы, как крупного культового центра, в трансформированном виде полностью сохранившееся до нашего времени, поскольку почитание солнца было одной из главных составляющих культов древних индоиранцев (и более широкого круга народов).

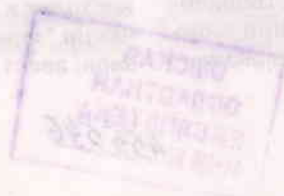
Предположение недавно ушедшего из жизни крупного археолога-ферганиста Ю.А. Заднепровского о том, что Сулайман-Тоо в период существования Ошского поселения выполняла роль культового центра, по крайней мере, для населения Восточной Ферганы и его гениальная догадка, что одним из культов, практиковавшихся здесь было поклонение солнцу, позволяют непротиворечиво и без натяжек постулировать древнейшее название ошской горы, восходящее к общеиранскому иса, и в дальнейшем перенесенное на возникшее здесь поселение.

Кстати, в связи с этим вырисовывается и еще одна проблема, связанная с социальными функциями проживавшего на ошском поселении населения. Дело в том, что его численность и структура, судя по раскопкам, может представлять собой достаточно сплоченную территориально-племенную группу. Эти же данные, подтвержденные 1999 г., свидетельствуют, что отправлением культа занималась не какая-то группа людей, а в нем принимало участие - с той или иной долей специализации - все жители поселения. Таким образом, в данном случае специализированных социальных групп происходило не внутри племени, а путем социальной специализации самих племенных групп. Однако эта проблема выходит за рамки данного сообщения.

И последнее. Говоря о культе солнца в данной конкретной ситуации, не следует называть его зороастрийским, поскольку зороастризм как канонизированная религиозная система к тому времени еще не сложилась.

Литература:

1. В. И. Бушков. К проблеме топонимии авестийских гимнов. //Этнографическое обозрение. - 1998. -№ 1.
2. Т. В. Гамкрелидзе, В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. - Тбилиси: 1984. - Т. 2.
3. С. Мамытов. К проблеме этимологии слова «Ош» // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Отв. ред. В. М. Массон. Бишкек, 1999; Где корни слова «Ош»? //Слово Кыргызстана. 16.02. 99.

Раздел II.

КОЧЕВОЙ МИР В СИСТЕМЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В. М. Массон (Санкт-Петербург)

СТЕПНОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И НОМАДИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Благодаря специфической природной ситуации, евразийские степи стали тем центром, где сформировался как адаптивно-адаптирующая система особый исторический феномен - степной образ жизни. Уже на ранних этапах, восходящих к поре палеометалла сформировался ряд специфических черт этого образа жизни, нашедших прямое отражение в материальной культуре и в наборе типов артефактов. Это, прежде всего, развитие колесных экипажей, а в погребальном обряде курганные насыпи, маркирующие место захоронения в бескрайних плоскостных просторах. Столь же ранним является установка на вершине курганов антропоморфных стелл, бывших первое время скорее всего деревянными. Качественный скачок, связанный с переходом к кочевничеству, может быть по социальной и политической значимости сопоставим с т.н. городской революцией в зоне оседлых культур, когда были заложены основы урбанистических цивилизаций (Массон, 1989 г). С этого времени окончательно утвердился целый ряд показателей в материальной культуре типологически, но не функционально варьирующих в различной этнокультурной среде. Это специфические виды посуды как по форме так и по материалу, учитывая портативность изделий из кожи и дерева. Таковы также легкопереносимые жилища и типичная одежда всадника от шаровар до мягкой бескаблучной обуви. В целом это был устойчивый культурный комплекс, вместе с тем восприимчивый к интегрированию в повседневное бытие типов изделий зоны оседлых оазисов.

Фергана была одним из центрально-азиатских регионов, где особенно ярко проявились взаимодействия традиций кочевого и оседлого мира. Инфильтрация подвижного населения со степным образом жизни начиналась здесь еще в бронзовом веке и была постоянно действующим фактором на протяжении последующих периодов, оказывая заметное, порой систематизирующее воздействие на культурные комплексы, да и на этнические процессы. Такова, например, явно двухкомпонентная культура поры раннего железа типа Актан-Эйлатан, где традиция расписной керамики, берущая начало в чустских памятниках, сочетается с погребальным обрядом явно сакского круга, начиная от курганных насыпей до вытянутого положения костяков. Эти тенденции в дальнейшем отнюдь не ослабевали и естественная сложность для исследователей в разделении в материальной культуре оседлых и кочевых тради-

ций побудили Н.Г. Горбунову вынести эту двухчленность даже на наименование комплекса археологической систематики, названного ею Кугайско-Карабулакской культурой.

Качественный скачок, осуществленный степными обществами, с наступлением номадизма нашел блестящее выражение в формировании особого эпохального типа культуры, который можно именовать скифским, но который разумеется объединяет группировки разного этнического характера. Подобным образом эпохальный тип первых цивилизаций проявляется в самой различной этнокультурной среде и учитывая материалы Нового Света, может даже считаться диахронным. Эпохальный скифский тип культуры - это культура древних конных номадов, только что перешедших от пастушеского общества бронзового века к новым формам хозяйственного бытия. Культурно-новое состояние общества ярко характеризует известная скифская триада - конская упряжь, вооружение и искусство т.н. скифо-сибирского звериного стиля. Скифская триада отражает базовые аспекты новой культурной системы. Таков прежде всего, верховой способ передвижения, многократно увеличивший скорость общения и как бы раздвинувший информационные границы мира. Во-вторых, это новые ценностные и поведенческие ориентации, связанные с психологией вооруженных всадников в обществе, склонном к милитаризму. В третьих, новое художественное восприятие и художественные ориентиры отражали энергию и динамизм общества нового качественного состояния.

В конкретных формах скифский эпохальный тип культуры представлен следующей иерархической структурой-региональным типом, который в свою очередь объединяет ряд локальных археологических культур и макрокомплексов. Для Центральной Азии такое определяющее значение имеет региональный тип культуры, который можно определять как сакский. Для него, помимо скифской триады, имеющей правду и региональные типологические особенности, характерен как наиболее распространенный погребальный обряд, предусматривающий ямные подкурганные захоронения с использованием дерева для перекрытия и порой для самого устройства гробниц, положение погребенных на спине с западной ориентировкой, устройство дромосов в элитных погребениях. Разумеется в рамках регионального типа культуры существовали и местные различия за счет значительной территориальной протяженности и, главным образом, за счет досакского культурного наследия. Эталонным для сакского регионально-го типа являются памятники Северного Кыргызстана и юго-восточного Казахстана с нуклеарным центром в Семиречье. Концентрация гробниц суперлидеров (Бесшатыр, Иссык, курган Шалба в Прииссыкулье) (Зима, 1941; Мокрынин, 1984; Вин-

ник и др. 1977, Винник, 1982) и находки устойчивых наборов художественных бронз (Акишев, 1978; Акишев, Кушаев, 1963; Мокрынин, Гаврюшенко, 1975), связанных с культовой практикой (жертвенный столик, алтарь-светильник, котел для коллективных трапез), характеризуют Семиречье как важнейший политический и идеологический центр сакского общества. Возможно, семиреченских саков тиграхауда следует именовать "царскими саками" по аналогии с термином Геродота, именовавшим скифскую группировку, наиболее приближенную к скифским лидерам, "царскими скифами".

В условиях активного функционирования ранне-кочевнических обществ начинает формироваться такой военно-политический организм как кочевые империи, бывшие социологическим аналогом ранних государственных структур зоны оседлых цивилизаций. Здесь доминирует военно-аристократический путь политогенеза. Подвижное кочевничество с его милитаристскими наклонностями интенсифицировало институционализацию власти, хотя в условиях отсутствия централизованной бюрократии и пережитков родоплеменных традиций в вопросах престолонаследия не способствовало стабильности.

Первой такой кочевой державой была кочевая империя хунну-сюнну, а наибольших военно-политических успехов среди сменяющихся этнических приоритетов достиг в дочингизхановскую эпоху Тюркский каганат. Важным достижением тюркской эпохи было создание местной рунической письменности, поскольку более ранние свидетельства о существовании в сакском обществе "иссыкского письма" или неких хуннских надписей не вполне ясны. Племена развивающие степной образ жизни, раннекочевнические общества и кочевые империи были тремя последовательными структурами, вкладом евразийских степей в мировую историю и культуру.

Особую проблему представляет вопрос о взаимодействии кочевого мира и оседлых цивилизаций. Довольно широко распространено трафаретное суждение о демоническом начале разрушителей, приходящих из кочевого мира. Разумеется, в военных столкновениях и набегах были и потери, и разрушения, за исключением пожалуй монгол-чингизхановской эпохи, в военную доктрину которых входила стратегия устрашения. Это все было в пределах обычных военных противостояний. Среднеазиатские материалы показывают, что более распространено постепенное проникновение групп населения из кочевого мира и соответственное развитие контактов и взаимодействий с оседлыми оазисами. Эти контакты бывали и мирными, и военными. В эпоху бронзового века племена степной бронзы на протяжении нескольких столетий постепенно продвигаются в Среднюю Азию, достигают границ урбанистических цивилизаций и постепенно входят в состав городского населения. Они претерпевают культурную ассимиляцию высокоразвитой культурой и видимо способствуют лингвистической ассимиляции городских аборигенов. Сходные процессы, хотя и не столь растяжимые во времени, происходили в Средней Азии в первые века нашей эры в Фергане и среднеазиатском междуречье. Оседлые оази-

сы включались с разной степенью жестокости в состав кочевых империй и Н. Н. Крадин даже предложил говорить в данном случае о своего рода дистанционной эксплуатации. Бесма показательны некоторые аспекты взаимодействия, связанные с завоеванием кочевым объединением юэчжей Греко-бактрийского царства. После самого завоевания в Бактрии шел активный процесс ассимиляции городской культурой пришлых группировок. В материальной культуре воздействие кочевых традиций может быть отмечено в таких сравнительно ограниченных областях как предметы вооружения, одежда и украшения. Вместе с тем огромный пассионарный потенциал пришельцев, процесс взаимной ассимиляции, в том числе этнической, сыграл огромную роль в общем динамизме Бактрийского общества, в формировании и процветании Кушанской державы.

Литература:

1. Акишев К.А. *Курган Иссык: Искусство саков Казахстана*. – М.: Искусство; 1978.
2. Акишев К.А., Кушаев Г.А. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или*. – Алма-Ата: Наука, 1963.
3. Винник Д.Ф., Лесниченко Н.С., Сонаров А.В. *Новый сакский жертвенник с Иссык-Куля //АО 1976 года*. – М., 1977.
4. Винник Д. Ф. *Клад из Чельпека //По следам памятников истории и культуры Кыргызстана*. – Фрунзе: Илим, 1982.
5. Зима Б.М. *Иссык-Кульские жертвенники*. – Фрунзе, 1941.
6. Массон В.М. *Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий //Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций - Алма-Ата: Наука, 1989*.
7. Мокрынин В.П. *По следам прошлого*. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984.
8. Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. *Курганы сакского времени долины реки Тон //Археологические памятники Прииссыккуля*. – Фрунзе, 1975.

Кененсариев Т.

(Ош)

ИСТОКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВЫХ И ОСЕДЛЫХ ТРАДИЦИЙ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Ферганская долина представляет собой сравнительно маленький оазис и густонаселенный регион, где проживают представители не менее двух рас, двух языковых семей и двух мировых религий. По своему геополитическому положению Фергана занимает важное стратегическое место не только во внешней политике Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана, она не менее важна и для политики миллиардного Китая, беспокойного Афганистана, исламского Ирана, даже далеких России и Турции. Поэтому всякие

события в долине имели резонанс как у ближних, так и более дальних соседей.

Ферганская долина относится к региону, где цивилизация возникла на почве синтеза оседло-земледельческого и кочево-скотоводческого хозяйствования. Издревле здесь политическая сила и меньшая часть экономики была в руках кочевников, а экономическое богатство было в руках оседлых народов. В связи с этим обстоятельством политическая сила и экономическое богатство в Фергане испокон веков балансировались и давали возможность синтеза здесь двух типов жизни: оседло-земледельческого и кочево-скотоводческого, которые диалектически-взаимно дополняли друг друга. В итоге был создан уникальный ферганский вариант сожительства двух типов общности людей, существование одного без другого было практически невозможно.

Разноэтнические и разнохозяйственные общности людей сосуществовали чересполосно, пример который тоже уникален в истории. Оседлый кишлак или город, главными жителями которых были сначала ираноязычные, позднее тюркоязычные народы: турки, таджики, оседлые узбеки и др. в местных исторических источниках их называют «сартийя» – были окружены «кыштоо»- зимовками, «жаздоо» и «жайло» - летовками кочевников: кыргызов, кыпчаков, узбеков, тюрков и др. Этих кочевников и полукочевников называли «илатийя».

Описанный вариант, возникнув в древности, просуществовал почти до начала XX в., не вызвав никаких межэтнических конфликтов внутри Ферганы, потому, что действовал принцип сбалансированности между «сартийя» и «илатийя». Принцип сбалансированности между двумя этносоциальными общностями населения Ферганы был нарушен с установлением российской колониальной системы. Он объясняется следующими коренными изменениями, которые произошли здесь во второй половине XIX в.:

- земля и водные ресурсы по положению 1886 г. были объявлены государственной собственностью, а затем в течение 1890-1910 годов, путем земельноподатной реформы были перераспределены между оседло-земледельческим и переселенческим населением. В итоге в руках местных земледельцев узбеко-таджикского происхождения и русских переселенцев оказалась подавляющая часть полезных, орошаемых и удобных земельно-водных ресурсов. А кочевники «илатийя» получили неудобные, в основном богарные, необрабатываемые земли, пастбища и горы. Попытки кочевников получить землю путем оседания не были поддержаны русскими властями, поскольку колонизаторам нужно было прежде всего землеустроить вновь и вновь пребывающих русских переселенцев, часто бежавших с произвола не совсем цивилизованного капитализма в центральных районах России. Таким образом процесс оседания кочевников продлился почти до 40-х годов советского времени;

- торговля, как прежде, осталась в руках представителей «сартийя». К ним примкнули и российские переселенцы;

- политика и власть от представителей «илатийя» перешла в руки русской администрации.

Местные представители могли в лучшем случае рассчитывать на должность управителя волости в горных районах;

- скотоводство осталось в руках кочевников, но оно попало в зависимость от рынка, которым командовала русская и местная торговая буржуазия.

Таким образом прежний баланс политических и экономических факторов был нарушен в пользу оседло-земледельческого и переселенческого населения. Итогами такой тенденции явились;

1. Постепенное расширение оседлых поселений и кишлаков и вытеснение кочевых зимовок с традиционных мест обитания: Эки-Суу арасы, земли вокруг Маргалана, Кожен-та, Анжыяна, Оша и других.

2. Попытка овладения земельными угодьями кочевников путем ускоренного оседания не была поддержана царскими властями.

Все эти изменения привели к возникновению условий, способствующих конфликтным ситуациям из-за земельного вопроса. Однако накал вокруг земельного вопроса немного разрядился в 1898 и 1916 годах в процессе народных восстаний.

После Октябрьской революции в связи установлением Советской власти, гражданской войной, голодом и восстановлением экономики земельный вопрос был отодвинут назад и на время был забыт.

В 1924 г, в результате, в основном правильного советского мероприятия, - половинчатого присвоения «национальной государственности» земельные отношения между рассматриваемыми этносоциальными общностями в какой-то мере были урегулированы, но глубинные, связанные с историко-традиционными обстоятельствами несоответствия остались.

В течение 1924-36 годов часто случались ссоры между этносоциальными общностями Ферганского региона разделенными теперь на несколько «национальных государственных образований». Подавались жалобы местных общин на соседей из-за территорий и земельных угодий, но вмешательством центральных властей они искусственно погашались. Об этом говорят многочисленные архивные документы. В те годы была создана так называемая «паритетная комиссия» ЦИК СССР, которая рассматривала земельно-территориальные споры, этносоциальных общин из той или иной национальной государственности, имеющие претензии друг к другу. 20-25 марта 1926 г. состоялось заслушивание отчета комиссии в Самарканде, вторая комиссия пыталась урегулировать межэтнические территориальные споры, в каком-то аспекте эти усилия увенчались успехом, но исторические причины поземельных противоречий между бывшими «илатийя» и «сартийя» не были искоренены.

Поземельный дисбаланс остался и внутри государственных образований, например, на юге Кыргызстана между бывшими кочевниками – кыргызами и оседлыми сартами-узбеками. Исторические противоречия между двумя общностями внешне были будто бы улажены половинчатым обретени-

ем кыргызами своей национальной государственности. «Урезанные права на земельно-водные ресурсы и экономические рычаги» бывших «ипатийа», таким образом как бы были компенсированы получением ими «политических рычагов», которое выражалось занятием ответственных государственных постов и должностных мест. Тем самым еще в те годы были положены основы «кадрового перекося», явившимся одним из факторов недовольства узбекской части населения.

К концу 30-х годов вся «ипатийа» осела и современный этнохозяйственный облик Ферганской долины в основном был завершен.

В 1940-70 годы в связи с войной, восстановлением народного хозяйства, культом личности, репрессиями, грандиозными идеями построения коммунизма, а затем «развитого социализма» - земельный вопрос на время был забыт.

Однако, в 70-80-е годы, когда были вскрыты кризисные явления советского строя, симптомы межэтнического конфликта опять всплыли. Теперь они выразились в следующих формах:

- территориальные споры вместо земельного вопроса - они были главными. Отсюда появилась выдуманная проблема о принадлежности Ферганской долины и ее отдельных местностей кыргызам или узбекам;

- кадровые перекося; социально-бытовые неурядицы; языковая политика; трансформация традиций, психологии; разница между кыргызами и узбеками относительно уровня религиозности усиливали конфронтацию двух общин.

В итоге вышеуказанные главные и второстепенные противоречия привели или по крайней мере стали одними из основных причин возникновения так называемого Ошского конфликта, который был спровоцирован экстремистически настроенными и мафиозными группами людей обеих общностей.

В настоящее время этносоциальная обстановка органически связана с формированием рыночных отношений. Возможно, причины межэтнического конфликта еще остались. Для складывания в будущем здоровой этноконфессии требуется ряд мероприятий как объективного, так и субъективного характера:

1. Естественные, само собой действующие пути и средства для создания этноконфессионального общества. Это - земельная реформа конечным результатом которой является создание цивилизованной рыночной экономики. Успешное осуществление ее ликвидировало бы главную причину конфликта - земельный территориальный вопрос; создание правового государства и гражданского общества путем проведения политико-правовой реформы. В результате осуществления этого мероприятия Конституция и законы должны будут реально способствовать складыванию здорового этноконфессионального общества в республике.
2. Активные средства. Их много и они являются активными путями к достижению этнического мира в нашей республике. Имея конкретные методы осуществления их в жизнь, эти средства регулируются ответственными структурами. Активные средства включают следующие мероприятия:

- проведение сбалансированной кадровой политики в республике;

- развитие образования, создание национальных детских учреждений, школ и средних учебных заведений. Большое значение имеет совершенствование преподавания в узбекских школах кыргызского языка и литературы, географии, в особенности истории Кыргызстана;

- регулирование равномерного участия представителей обеих общностей в сфере обслуживания, транспорта и торговли;

- правильное и разумное проведение языковой политики;

- создание пакета законов и законодательной базы для решения и урегулирования межэтнических отношений;

- улучшить и расширить коммуникационное пространство в Кыргызстане, установить более широкие связи с цивилизованным миром;

- широко использовать деятельность различных независимых фондов, НПО, национально-культурных центров и т.д.

Указанные меры и средства принесут действительные плоды и случае их применения в комплексе.

Мовчан И.И

(Киев)

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КИЕВ И КОЧЕВНИКИ

Взаимосвязям Киевской Руси и кочевников уделяли внимание многие исследователи, но эта проблема остается актуальной и на сегодняшний день.

Киев, возникнув в конце V – начале VI вв., быстро развивается, благодаря выгодному географическому положению. Особенно бурному росту города способствовало его расположение на границе славянских союзов племен. Он рос и развивался за счет притока представителей различных восточнославянских племен, что собственно и сыграло решающую роль в превращении Киева в центр восточнославянского государства Киевской Руси. Уже в IX в. Киев становится столицей одной из самых больших и могущественных раннефеодальных держав Европы. Поступательное развитие государства отразилось прежде всего в росте и обогащении его столицы. Письменные источники и археологические исследования красноречиво подтверждают, что Киев от своего возникновения и вплоть до 40-х годов XIII в. никогда не испытывал запустения и упадка, а наоборот строился и накапливал богатство. Иностранцы путешественники, пораженные красотой Киева, оставили о нем восторженные отзывы. В городе возводились величественные храмы, дворцы, создавались шедевры монументальной и станковой живописи, великолепные ювелирные изделия из драгоценных и цветных металлов. В киевских храмах, монастырях, княжеских дворцах и хоромах знати веками собирали книги и летописи, грамоты и договора, архивные документы. В удобной киевской гавани в устье реки Почайны швартова-

лись корабли из самых отдаленных стран, а на многолюдных торгах можно было найти разнообразные товары.

Красота и богатство Киева привлекали внимание не только торгового люда, но и соседей-кочевников.

Степная часть современной Украины с прекрасными черноземами, где находились великолепные пастбища и значительные запасы воды, с древнейших времен привлекала внимание народов, которые вели кочевой образ жизни. Время от времени огромные массы населения из азиатских степей двигались в западном направлении в степи восточной Европы. Их перемещение обуславливалось объективными причинами, главными из которых были: давление избытка населения на производительные силы, частые природные катаклизмы.

Особенно агрессивными становились кочевники в засушливые периоды, когда от знойного солнца выгорали пастбища, пересыхали небольшие степные реки и озера. Это толкало степняков в лесостепные районы, занятые земледельцами. Военные столкновения становились неизбежностью. Эти события отражены в русских летописях, документах других стран, а также подтверждены многочисленными археологическими материалами.

Одно из ведущих мест в соседских отношениях с Киевской Русью занимали народы, входившие в мощное и обширное объединение - Хазарский каганат, просуществовавший с VII по X вв.

В период расцвета, который приходился на конец VII - начало IX вв., власть Хазарии простиралась на Северный Кавказ, Крым, Приазовье, Волжскую Булгарию и другие сопредельные земли. В данническую зависимость от хазар в VIII в. попали также и некоторые восточнославянские союзы племен, в том числе поляне и Киев.

В литературе нередко можно встретить утверждение, что Хазарский каганат оказал исключительно благотворное влияние на культурное и государственно-политическое развитие восточных славян.

Культурное влияние, как показывают раскопки Киева и других полянских центров, не было сколько-нибудь значительным. Встреченные отдельные находки хазарского происхождения, не оказали заметного влияния на местную материальную культуру.

Влияние Хазарии ощущается на формировании экономических и политических структур восточных славян. Хотя, как показывают письменные источники, государство Русь развивалось и крепло не столько под патронатом Хазарского каганата, сколько в постоянном противоборстве с ним. Соседство каганата, как значительной военной угрозы, консолидировало восточных славян и в итоге способствовало формированию и укреплению их государства - Киевской Руси. Именно этот сосед, находившийся под постоянным напряжением многоплеменного объединения, закрыл последнюю страницу хазарской истории. В 965 г. великий киевский князь Святослав Игоревич во время своего волжского похода разгромил войска хазарского кагана и взял столицу - город Итиль на Нижней Волге. Судьба государства была предрешена - оно впоследствии исчезло с исторической карты Европы, а его население

растворилось в других государственных образованиях. С конца X в. полновластными хозяевами степных районов стали кочевые племена печенегов, огчузов, половцев.

Первые русские летописи упоминают о печенегах в 915 г. Естественно, контакты этих кочевых народов с Русью происходили значительно раньше, но они, по всей вероятности, носили мирный характер. На протяжении X в. русско-печенежские отношения складывались по-разному: иногда кочевники выступали союзниками Руси в конфликтах с Византией, но в большей части они воевали с древнерусскими дружинами. Особенно активизировались набеги печенегов на южнорусские земли в период княжения Владимира Святославича. Это вынудило Владимира адекватно оценить печенежскую опасность и принять радикальные меры по защите южных рубежей своего государства.

Смерть Владимира Святославича (1015 г.) и последовавшие за ней годы межкняжеской борьбы за престол, оказались благодатным временем для печенежских вторжений на Русь, о ней красноречиво рассказывают летописи. Последнее крупное столкновение печенегов с дружинами Ярослава Владимировича произошло у стен Киева в 1036 г. После победы русичей в этом сражении печенеги начали играть второстепенную роль, а их ведущее место в степных просторах заняли торки (огузы). К этому времени государственная граница Руси окончательно утвердилась по линии реки Рось.

Господство торков в степях Северного Причерноморья закончилось в 60-х годах XI в. Племена торков растворились среди населения Византийской империи; часть осела на Руси, особенно в Поросье, составляя в XI-XII вв. вооруженные контингенты киевских и переяславских князей под названием "черные клобуки", "торки переяславльские" и др.

К середине XI в. в южнорусские степи, сметая на своем пути печенегов и торкав, хлынули племена половцев. За короткое время они освоили огромное пространство протяженностью с востока на запад в 2 тыс. км., а с юга на север - 400-500 км. Беспokoйными соседями Руси половцы оставались вплоть до монголо-татарского нашествия. Начальный период освоения половцами новых земель характеризуется необычайной их агрессивностью. Они устремлялись к границам земледельческих стран, вторгались в их пределы, грабили население. В дальнейшем, оказавшись непосредственными соседями Руси, половцы получали жесткий отпор и не могли уже рассчитывать на безнаказанные вторжения в ее пределы.

Следует заметить, что между практически всегда воюющими между собой сторонами существовали и мирные отношения, в том числе и брачные. Летописи отмечают многочисленные брачные союзы русских князей с дочерьми половецких ханов. Половцы и Русь два столетия находились в постоянном взаимодействии. Чаще всего оно было антагонистическим.

В начале XIII в. с востока стремительно надвигался всеокрушающий вал монгольских орд. Оставляя за собой сожженные города и села, горы трупов, завоеватели двигались в Центральную Европу. Абсолютной покорности монголы нигде не встречали и это служило им основанием для рас-

правы с целыми народами и государствами. Одной из жертв монгольских завоевателей стала и Русь. Понимая нависшую смертельную опасность, русские князья собрали огромное войско, состоявшее из киевских, смоленских, галичских, волыньских, чернигово-северских, курских и владимира-суздальских полков, и вступили в союз с половцами, которые уже испытали тяжесть монгольского владычества. Битва на Калке 1223 г. закончилась сокрушительным поражением русско-половецкого союза. Большие потери понесли в этой битве и монголы. Разрушив поросские и днепровские крепости, они не решились идти на Киев и повернули назад.

Восстановив боеспособность войска, весной 1239 г. монголы вторглись в пределы переяславльского княжества. Осенью этого же года был уничтожен Чернигов, Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск, Новгород-Северский и др.

Осенью 1240 г. Батый с братьями Бури и Кучек форсировали Днепр у южных границ Руси и прошли "облавой" от Поросья до Киева и в ноябре этого же года осадили столицу. К Киеву были стянуты все силы, участвовавшие в походе на южную Русь.

Главный удар они нанесли с юга, в районе Пядских ворот, которые были возведены еще во времена Ярослава Мудрого. Здесь были поставлены стенобитные машины-пороки, которые днем и ночью разбивали стены. Отчаянное сопротивление киевлян было подавлено массой наступающих. Летописец говорит, что стрелы, тысячами летевшие на защитников, не давали им возможности видеть врагов. Хотя стены и были ими взяты но дорогой ценой. Батый вынужден был дать передышку своим войскам. Киевляне воспользовались этим и закрепились на рубежах более древней крепости "города Владимира", но устоять против хорошо обученных монгольских воинов, обладавших передовой военной техникой, не смогли. Последние защитники города укрылись в каменном Десятинном храме. Летописец отмечает, что от тяжести великого множества людей, укрывшихся в церкви, рухнули своды и стены церкви. Видимо, примененные монголами машины-пороки разбили каменные стены храма, под обломками которых и были погребены последние защитники Киева. Город был подвергнут разгрому и разрушению. Сообщения летописцев и воспоминания путешественников рисуют страшную картину завоевания Киева. Археологические раскопки с документальной точностью подтверждают свидетельства очевидцев. В различных частях города обнаружены огромные братские могилы, насчитывающие тысячи костяков. Скелеты со следами насильственной, смерти находили под толстым слоем пожарищ, в подклетьях жилых домов, хозяйственных постройках и просто на древних улицах. Летом 1999 г. раскопками по улице Владимирской в сотне метров от Десятинной церкви обнаружены следы трагедии декабрьского дня 1240 г. Выявлены остатки трех жилищ, сгоревших в этот день вместе с его жителями. Конечно, монголы не смогли уничтожить Киев полностью, но свели его, так свидетельствовал Плано Карпини, "ниначто". По расчетам П.П. Толочко из более чем 40 монументальных каменных зданий уцелело не более 5-6, из 9 тыс. дворов - 200, а из 50-тысячного населения осталось не более 2 тыс. Формально Киевское княжество продолжало

существовать, но фактически его роль в русской истории коренным образом изменилась. Киев был лишен значения общерусского средоточия. Здесь даже не сидели князья, а правили наместники, что явно снижало статус города. К концу XIII в. Киев, под давлением завоевателей, покинул и киевский митрополит Максим.

Проблема взаимоотношения Киева и кочевников сложна и многогранна. Рассмотрим один из ее аспектов - влияние близкого соседства кочевников на оборонительную систему древнего города. Сооружения, возведенные вокруг Киева и его окрестностей, а также появившиеся многочисленные крепости на рубежах древнерусского государства, предназначались прежде всего против степных кочевников, которые практически постоянно держали в военном напряжении киевских князей. Хотя строительство этих инженерных сооружений и отвлекало значительные материальные ресурсы, но каждый киевский правитель понимал, что это жизненно необходимо для защиты столицы, богатства которой как магнитом тянули к себе кочевников.

В X-XI вв. Киев превращается в неприступную крепость. Древнейшая ее часть - укрепления "города Владимира" ограждали территорию площадью около 8 га.

В 30-е годы XI в. Ярослав Мудрый значительно расширил границы Киева и возвел вокруг него мощнейшие оборонительные сооружения. Вал Ярослава примыкал к крепостной стене "города Владимира" около Софийских ворот. Протяженность этих гигантских деревянно-земляных стен, высота которых достигала 14 м. и ширина около 30 м., была равна 3,5 км. Территория, окруженная новой линией, в семь раз превышала площадь кремля времен Владимира и составляла 72 га. Перед валом, там, где он проходил по относительно ровной поверхности, находился ров шириной до 12 м., глубиной до 4,5 м., а вал дополняла высокая стена из дубовых городен.

Такой мощи не знают фортификационные сооружения любого другого города Киевской Руси. На их сооружение и поддержание в боеспособном состоянии требовались огромные материальные и физические затраты. По расчетам П.А. Раппопорта, в свое время исследовавшего Ярославов вал, для его возведения необходимо было около 630 тыс. куб. м. земли и не менее 50 тыс. куб. м. дубового леса. На строительстве укреплений, при условии, что продолжалось оно 4 года, должно было быть непрерывно и ежедневно занято более 1000 человек. В "город Ярослава" вело трое ворот: Пядские, Жидовские и Золотые. Район Золотых ворот, пожалуй, был самым неприступным местом в оборонительной линии "города Ярослава". Кроме каменных ворот и примыкавших к ним мощных деревянно-земляных стен, в систему входил двойной ров. Раскопки 1998 г. показали, что оба рва шириной около 20 м. и глубиной свыше 5 м, разделяла площадку шириной 5-6 м. Видимо, по ней вдоль рвов проходил дубовый частокол. Такой прием использован, по всей вероятности, только в районе Золотых ворот, поскольку здесь находилось более-менее ровное плато и к тому же учитывалась значимость этого въезда в Киев. То обстоятельство, что каждый или почти каждый, желавший овла-

деть Киевом, главные свои силы направлял в район Золотых ворот скорее всего следует объяснять тем, что этот парадный въезд в город был и символом политической независимости столицы. Летописцы неоднократно указывают, что претенденты на киевский великокняжеский стол направляли свои дружины для взятия Киева в район Золотых ворот. Но достичь победы и здесь было почти невозможно. По крайней мере, летопись ни разу не говорит о захвате Киева со стороны этих ворот. Даже монголы со своим бесчисленным войском не решились испытывать силы своих стенобитных машин на Золотых воротах. Кроме верхнего города неотъемлемой составной частью Киева являлись его торгово-ремесленные посады и окольные районы. Фактически они были форпостами основного ядра города и играли значительную роль в системе обороны столицы Древнерусской державы.

В X-XIII в. вокруг Киева на его околицах создается оборонительный пояс, состоящий из небольших селфорпостов и городищ.

Одной из главных функций пригородных сел с небольшим гарнизоном было предупреждение внезапного нападения степных кочевников или дружин очередного претендента на киевский великокняжеский престол. Анализ письменных источников показал, что села (Предславино, Шелвово, Язынь и др.) пыбедско-сырецкого оборонительного пояса неоднократно подвергались разорению. Но всякий раз возрождалась снова, поскольку их существование обуславливалось жизненными интересами Киева. Это хорошо документируется и археологическими раскопками, проведенными в нескольких районах древнекиевской столицы.

Наиболее опасным было южное направление. По широкой днепровской пойме к стенам города часто подкатывались орды кочевников. Это обстоятельство вынуждало возводить на околице значительные оборонительные сооружения.

Для их строительства подбирался рельеф местности, который сам по себе владел защитными особенностями. Красный двор - пригородная резиденция - крепость господствовала над узкой поймой, которая проходила между Днепром и высоким обрывистым правым берегом.

О значительной роли Печерского монастыря в обороне южной околицы свидетельствуют каменные стены, возведенные вокруг обители в XII в.

Пожалуй, наиболее значительная роль в защите Киева с юга отводилась Китаевской крепости. Древнерусское городище, известное в исторической литературе под названием Китаевское, расположенное рядом селище-посад, курганный могильник и пещерный лабиринт составили единый археологический комплекс. Система фортификации Китаевского городища в значительной степени отвечает топографическим условиям местности. Дно состоит из пяти укрепленных частей. По размерам городища и посада его можно отнести к значительным городским образованиям. Большинство исследователей отождествляют этот комплекс с давнерусским летописным городом Пересечен. Археологические раскопки показали, что Китаевский форпост прекратил свое существование в XIII в.

Форпосты околицы и крепостные сооружения Верхнего города составляли единую оборонительную систему Киева - одну из наиболее могущественных в Европе.

Постоянная угроза со стороны кочевников вынудила жителей древнерусского государства создать еще одно уникальное сооружение, не имеющее аналогов в других государствах - Змиевы валы. Эти гигантские искусственные оборонительные сооружения сходятся в лесостепной зоне южнее и юго-западнее Киева общей протяженностью свыше 950 км. Строительство валов было вынужденной, но необходимой мерой защиты мирного населения среднего Поднепровья, безопасности столицы древнерусского государства - Киева. Оно отвечало интересам всех слоев населения, терпевших произвол, грабежи и порабощение со стороны кочевников.

По мнению М.П.Кучеря, многие годы исследованного Змиевы валы, это супергигантское оборонительное сооружение возводилось в несколько этапов: выделяются валы конца X - начала XI вв., валы построенные между 1015 и 1032 гг., а также между 1032 и 1036 гг. Защитные линии были направлены прежде всего против печенегов. Наиболее поздний Змиев вал по нижнему и среднему течению Роси датируется началом XII в. и связывается со строительством укреплений по Роси для защиты от половцев.

Основную защитную функцию Змиевых валов выполняли деревянно-земляные стены, возвышавшиеся на 3,5 - 4 м. Военно-оборонительная функция валов усиливалась внешними рвами, которые хотя и были 1,5 - 2 м глубиной, но шириной представляли довольно серьезное препятствие. С учетом бермы, их наружный край отстоял от оборонительной стены на 7-12 м.

Специфичность Змиевых валов в том, что они, в отличие от валов городищ, не предназначались для непосредственного ведения боевых действий, тем более силами пеших воинов, а были стационарными укреплениями, рассчитанными на задержание кочевнической конницы в случае ее попытки прорваться к населенным пунктам, в первую очередь, к наиболее важным политическим и экономическим центрам среднего Поднепровья.

О внезапности появления, стремительности грабительских действий и поспешности отступления кочевников сообщают византийские писатели XI-XIII вв. Феофилакт Болгарский характеризовал печенегов следующим образом: "Их набег - удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства". О половцах писал Евстафий Солунский: "Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать". Половец "в одно и то же время близок, и уже отступил... его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз".

Такую тактику набегов кочевников учитывали и строители Змиевых валов, они создавали целый лабиринт препятствий на наиболее уязвимых и стратегически важных участках. Валы расходятся от Днепра к северо-западу и западу веером. Подойдя с юга ближе всего к Киеву, противник вынужден был обходить валы в западном направлении, удаляясь от основной цели. В случае прохода через передовую линию в таком же направлении шли последующие линии. Веерообразные ответвления и поперечные отрезки валов зафиксированы в междуречье рек Ирпень и Тетерев.

Валы задерживали продвижение противника, вносили неопределенность в маршрут движения

и, самое главное, устраняли эффект внезапности, сводили на нет тактические замыслы грабителей избежать встречного боя. Они создавали для противника опасность на обратном пути, если учесть, что кочевники крайне редко возвращались с награбленным тем же путем, по которому пришли. Лабиринты вала создавали возможность организации засад и облегчали преследование кочевников древнерусским войском.

Змиевы валы не только предотвращали набеги печенегов на древнерусские населенные пункты, но и препятствовали захвату земель среднего Поднепровья.

Оборона Киевской Руси от натиска печенежских племен по образному выражению Б.А.Рыбакова, стала для народа в самом прямом смысле слова вопросом жизни и смерти. В этих условиях население южнорусских земель вынуждено было идти на огромные материальные и физические затраты по строительству оборонительных рубежей в среднем Поднепровье. По подсчетам М.П. Кучеры только на строительство ранней очереди Змиевых валов, которое длилось не более 19 лет, при каждодневной работе требовалось около 3500 человек. На возведение отрезка вала в 1 км требовались затраты труда более 70 человек в течение одного года.

Рассмотрев многовековую связь кочевников с Киевом и Киевской Русью мы убедились, что историческая перспектива осталась за земледельцами. Временные победители приходили и уходили, а чаще всего вообще исчезали с исторической арены, а побежденные продолжали, хотя иногда и с большими потерями, поступательное развитие на своих землях.

Этническое обогащение древнерусского народа за счет периодического вхождения в него кочевого элемента сопровождалось также и некоторыми культурными приобретениями. Это ощущается в военном деле, художественном ремесле, одежде и т.д.

Соседство Древней Руси с кочевыми племенами способствовало консолидации славянских племен, формированию и укреплению Древнерусского государства.

■
З.Э. Эралиев

(Бишкек)

СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА

Хроники и летописи караханидского Кагана до нас не дошли, они известны лишь по упоминаниям или в лучшем случае по небольшим цитатам из них, сохранившимся в поздних сочинениях мусульманских историков. Почти всеми нашими сведениями о Караханидах мы обязаны династийным хроникам западных соседей каганата: Газневидов, Сельджукидов и других. Поэтому сведения о восточных областях каганата еще более скупы, чем о западных.

В период создания и существования Караханидского каганата большое развитие получили миграционные процессы. Если с запада на восток миграции носили характер мирного экономического и культурного проникновения оседлого ираноязычного населения западных регионов Средней Азии в тюркоязычную среду Кыргызстана и Восточного Туркестана, то миграции на запад были связаны в основном, с военными и захватническими мероприятиями первых Караханидов и имели характер массовых вторжений тюркских кочевых племен. Если в миграции на восток счет шел на десятки и сотни, но были они длительными (возможно постоянными), то в миграциях на запад счет шел на многие тысячи человек, зато они были кратковременными. Естественно, что Восточный каганат имел свою специфику, особенно в области этнокультурной. В области истории политической и социально-культурной различий было меньше, но и здесь они существовали. Прежде всего на землях Восточного каганата было совсем иное соотношение оседлого и кочевого населения (преобладали кочевники), а также ираноязычного тюркского этноса (большинство составляли тюрки). В западных областях каганата пришлые тюркские кочевые племена почти не подвергались иранизации, сохранялись язык, культура, уклад жизни, обычаи. В восточных же областях переселенцы Запада подвергались тюркизации.

Так, в XI в. Махмуд Кашгари писал, что люди, поселившиеся в Баласагуне, "они из того Согда, что между Бухарой и Самаркандом, только они приняли одежду тюрков", и что "жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски, таким же образом жители Тараза и Баловогогорода, т.е. Исфаджаба (Бартольд, 1963. С. 454-455). Если тюрки и подвергались в какой-то мере иранизации, то это была, главным образом, феодальная верхушка, попадавшая под обаяние арабо-иранской культуры, перенимавшая образ жизни и обычаи ираноязычной знати.

В западных областях каганата известный, по выражению О. Припака, "спор" между степью и городом, т.е. противоречия между кочевым и оседлым населением обострялись тем, что эти две группировки были чужды друг другу по языку, нравам, обычаям, мировоззрению. В восточных же областях каганата кочевники и, частично, оседлое население принадлежали к одному этносу, а иногда даже и племена и отличались, главным образом, способом введения хозяйства. Языкового барьера между ними не существовало. Все эти обстоятельства должны были в какой-то мере сглаживать противоречия между оседлым и кочевым населением.

В западных областях каганата пришлые тюрки-кочевники, бывшие носителями крупной военной силы, претендовавшие на привилегированное положение, склонные вести себя, как в завоеванной стране, рассматривались местным оседлым населением, как источник смут, волнений и беспорядков. Совсем другим было отношение к мирным переселенцам с запада в восточных частях каганата. Они рассматривались как носители высокого уровня развития ремесла, земледелия, торговли и вообще культуры. Степь знала их не только как торговцев и ремесленников, но и создате-

лей оросительных сооружений, строителей земель, приносивших столь необходимые кочевникам продукты земледелия, без которых им трудно было бы существовать. Не случайно в одном из кочевых эпосов был создан образ богатыря Сартактая, "строителя чудесных плотин и запруд" (*Бартольд, 1963. С. 460*). Такой взгляд на ираноязычных переселенцев из западных регионов Средней Азии, бытовавший у тюркского населения Семиречья и Восточного Туркестана, нашел отражение в распространенной здесь тюркской пословице, записанной в XI в. Махмудом Кашгари: "Нет тюрка без тата, нет шапки без головы" (*Бартольд, 1963. С. 460*). По сообщению В.В. Бартольда, тюрки называли татами представителей оседлого, главным образом ираноязычного населения" (*Там же*).

Было бы, однако, неверным предполагать, что население городов и земледельческих поселений Семиречья состояло только из ираноязычных переселенцев, пришедших с запада Средней Азии, или их натурализовавшихся потомков. Определенный контингент составляли представители тюркского этноса, основная часть их, несомненно, состояла из осевших тюрков-кочевников, могли быть также пришельцы из оазисов Восточного Туркестана, в которых земледелие имело древнюю традицию.

После создания Караханидского каганата и провозглашения ислама государственной религией, восточную часть каганата, помимо земледельцев, ремесленников и купцов стали заселять в большом количестве представители интеллигенции.

Важные сведения дают в этом отношении эпиграфические памятники караханидского времени, найденные на территории Кыргызстана. Они позволяют судить о составе и происхождении интеллигенции этого региона. На надгробных камнях-кайраках обычно писали полное имя усопшего, которое также включало "нисбу" - прозвище, дающие сведения о принадлежности человека к какому-либо племени, роду, местности, профессии и т.д. Так вот, среди служащих культа, богословов, юристов, катибов (писцов, секретарей) и т.д. много выходцев из западных регионов Средней Азии и даже более удаленных стран.

Например, судя по нисбе, среди шейхов, имамов, богословов, законовевов, живших и умерших в Кыргызстане в XII- начале XIII вв. были выходцы из иранских городов Бейхака и Нишапура, из городов западных регионов Средней Азии - Шаша (Ташкент) и Самарканда. Один из законовевов Баласагуна умерший в 557/1161-1162 гг. имел прозвище "ал-Гариб" (странник, пришелец, чужеземец), указывавшее на то, что он прибыл и был родом из других мест (*Горячева, Настич., 1983. С. 224-225*).

Необычайно интересные сведения дает юридический документ, написанный на арабском языке в месяце зу-л-хиджа 474 или 494 г.х. (2-31/У-1082 или 27/IX -25/X-1101) "в палате управления и правосудия провинции Яркенд" и "засвидетельствованный шейхом, кадием и имамом Абу Бакром Мухаммадом ибн Абу ас-Самадом ибн Исмаилом ал-Бухари". Отсюда следует, что кадием Яркенда был богослов и законовед, происходивший из Бухары. Что касается истца, ответчика, свидетелей, то они были тюрками-мусульманами. Доку-

мент дает интересный набор тюрко-мусульманских имен: Хаджи Инал, Харун, сын Тогчаха, Юсуф Инал, Сукман-бек, Джубаз Инал, Абд ал-Джалал Чагра Субаши, абу Бакр сын Бурака, Джыбраил сын Мусы сына Бахчара и т. п. Среди упомянутых лиц были земледельцы, офицеры и т.д. Иск был об участке земли, который можно было купить и продать (т.е. речь шла о милковой земле, а не об икта), приносившем урожай в тридцать викров (ослиных вьюков) пшеницы. Нормальный вес викры или харвара составляет 83,2 кг. Один джариб (около 960 кв.м.) давал урожай в 4 харвара зерна (*Хинц, 1970. С. 43*). Таким образом, речь идет об участке примерно в 7,5 джерибов (около 0,75 га), приносившем урожай около 25 центнеров зерна, что могло стоить от 12 до 18 динаров (при нормальном уровне цен от 2 до 3-х гр. золота за центнер пшеницы (*Большаков*)).

Этот интересный документ и еще 14 других, датированных временем от 474 до 529 г.х. (1081-1135 г.), были найдены в 1911 г. под деревом в саду около Яркенда. Из них семь было на арабском языке, пять - на тюркском, но уйгурской письменностью (*Там же. С. 424*). Факт сам по себе тоже интересный, говорящий о многом:

1. Судебное производство в Яркенде опралялось согласно мусульманскому юридическому праву, велось на арабском языке или местном, но арабской письменностью.
2. Арабский язык и письменность в судебном и, надо полагать, административном делопроизводстве сильно потеснили уйгурский язык и письменность. Между прочим, то обстоятельство, что среди документов, найденных в Яркенде, не было ираноязычных совсем не значит, что в восточной части Караханидского каганата деловые документы на этом языке не составлялись. Так, известная купчая грамота, составленная в 1107 г. в Хотане на иранском языке (*Чехович, 1984. С. 126*). А ведь Хотан находился ещё дальше на восток, чем Яркенд.

Арабский язык имел сильные позиции как язык религии и мусульманской идеологии, а также, как видим, делопроизводства. Однако разговорным языком, средством живого общения в Восточном Караханидском каганате он никогда не был. Со всем иначе обстояло дело с иранским языком, с его наречием, употреблявшемся в Семиречье и в Восточном Туркестане. Тюрко-иранский билингвизм был широко распространен во многих городах и селениях восточных областей каганата, в том числе и на территории Кыргызстана, являясь отражением древних традиционных связей народов Кыргызстана и западных регионов Средней Азии.

Употреблялась в восточных областях Караханидского каганата и согдийская письменность. Причем не только потомками согдийцев, но и тюрками. Так, в начале XX в., на территории Кыргызстана в ущелье Терек-Сай, недалеко от Таласа были обнаружены наскальные надписи на согдийском языке. Это была посетительская эпиграфика караханидских князей. Одна из надписей гласила: "Прибыл (сюда) счастливый (?) государь Культегин Алп-тархан" (*Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 137*).

Особо плодотворными в караханидский период были культурные связи народов Кыргызстана и других регионов Средней Азии. В XI-XIII вв. в Средней Азии шел процесс взаимовлияния и взаимообогащения тюркской и иранской культуры, причем в беспрецедентных масштабах. Формировавшаяся тюркская интеллигенция обогащалась не только достижениями иранской, но через нее и арабской культуры. Создавались труды по тюркской лингвистике и этнографии на арабском языке, по истории тюркской династии Караханидов на арабском языке. На тюркском языке были написаны дидактические произведения об управлении государством и нормах поведения феодальной знати, разработанных в оседлой таджико-иранской среде. Происходили параллельные и связанные между собой процессы становления средневековой тюркской и дальнейшего развития ирано-язычной литературы, взаимообогащения тюркского и таджикского языков.

Тюрки-караханиды выступали покровителями ирано-язычных поэтов, писателей, ученых. Так, при дворе Шамс ал-Мулка в Бухаре и Самарканде работал великий поэт и ученый средневекового Востока Омар Хайям (*Розенфельд, Юшкевич, 1961. С. 22-23*). Брат Шамс ал-Мулка Хизр-хан был большим знатоком иранской поэзии "и величайшим любителем поэтов". Устад Рашиди, Эмир Амак, Наджиби Фаргани, Наджар Сагирджи, Али Банизи, писар-и Даргуш, Писар-и Исфараини, Али Сипахри на службе у него получили ценные дары и снискали высокие почести (*Низами Арузи Самарканди, 1963. С. 77-78*).

Как видим, Хизр-хан собрал при своем дворе целую плеяду ираноязычных поэтов со всех концов своего государства. Например, Рашиди происходил из Самарканда, Амак - из Бухары, Наджиби - из Ферганы, Наджар - из Сагарджа, (примерно 30 км. к северо-западу от Самарканда), Писар - был родом из Исфары в Ферганской долине и т.д. При дворе Хизр-хана устраивались состязания поэтов. Как-то раз за удачный экспромт поэту Рашиди была пожалована тысяча динаров (стоимость 1000 овец) (*Там же. С. 79*).

Для Караханида Клыч Тамгач-хана Масуда был написан один из лучших памятников иранской прозы XII в. "Синдбад-наме". Автор этой книги Мухаммад ибн Али аз-Захири ас-Самарканди в награду за труды был пожалован высокой должностью "сахиб-и диван-и инша" (начальник государственной канцелярии) (*Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди, 1960. С. 298*). Меценатами были не только караханиды, но и ближайшее окружение: в первом десятилетии XIII в. для вазира караханидского правителя Самарканда было написано "Бахтияр-наме" (*Даканики, 1977. С. 166*). В восточном Караханидском каганате культурные процессы имели другой характер. Именно здесь шло наиболее интенсивное взаимовлияние и взаимообогащение тюркской и ирано-арабской культуры. Именно Восточный каганат в силу своей специфики стал родиной средневековой тюркской науки и культуры. Причем оба крупнейших представителя тюркской науки и литературы по своему происхождению связаны с Кыргызстаном. Жусуп Баласагын - уроженец Баласагына, отец Махмуда Кашгари родом из Барсхана на южном берегу Иссык-Куля (*Бартольд, 1968, Т. V. С. 84*).

Шедевр средневековой тюркской поэзии "Кутадгу билик" был завершен в 462/1069-1070 гг. в Кашгаре. Его создатель Жусуп Баласагын родился в Баласагыне между 1015-1018 гг. Он писал свою книгу 18 месяцев, завершил ее в Кашгаре и приподнес Тафгач-Бограхану Хасану, который пожаловал ему придворный чин улуг-хасхаджиба.

Поэма "Кутадгу билик" - дидактическое и этико-моралистическое сочинение, дающее советы о правильном образе жизни, обращении с людьми, об управлении государством, этикете, обычаях и т.д. Она написана на "бограхановском", т.е. письменном литературном тюркском языке, распространенном в Караханидском каганате, и включает 13290 строк, оформленных в виде бейтов (двустихий). Помимо поучений и советов в поэме содержатся глубоко философские размышления о смысле и значении жизни, об обязанностях и нормах поведения человека в обществе (*Кононов, 1983. С. 495-516*).

Жусуп Баласагын понимал величие совершенного им: "Да, книг у арабов, таджиков немало, а нашей речью сия - лишь начало. В восточных краях и у тюрков повсюду ей равная книга неведома люду. О, ты, кто начнет эту книгу читать, познаешь ты тюркских речей благодать" (*Юсуф Баласагунский, 1983. С. 8-11*).

По мнению В.В. Радлова, которое разделяет большинство ученых, поэма была написана арабской письменностью, а Тафгач бограхан, коему она была преподнесена, велел переписать ее для распространения в народе уйгурским алфавитом" (*Кононов, 1983. С. 513*). Весьма интересны в этом отношении следующие слова Жусупа Баласагына о его книге: "Полезна во всем безупречна она, но многим из тюрков понять ее трудна: на слух ее суть всем внимающим внятна, а запись не всем грамотеям понятна" (*Юсуф Баласагунский, 1983. С. 8*). Под "грамотеями", коим книга Жусупа Баласагына была непонятна, надо понимать носителей старой грамотности, владевших уйгурской, но не знающих арабской письменности. "Кутадгу билик" дошла до нас в трех рукописях. Из них две (Ферганская и Каирская) написаны арабской, а Гератская или Венская - уйгурской письменностью (*Кононов, 1983. С. 510*). Жусуп Баласагын предстает перед нами не только выдающимся поэтом, но и глубоким философом, ученым-энциклопедистом, знатоком мусульманского богословия, права, арабо-иранской литературы и науки стихосложения, астрономии, математики, медицины и, конечно же, тонким знатоком тюркской лингвистики, фольклора и обычаев.

Другим выдающимся представителем тюркской поэзии был Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари, автор "Дивану лугат ат-Тюрк" ("Словарь тюркских наречий"). Он происходил из династии Караханидов. Отец его уроженец Барсхана, на берегу Иссык-Куля переселился в Кашгар, где судя по нисбе и родился Махмуд. Он получил хорошее образование в Кашгаре, затем совершенствовал его в других культурных центрах, в том числе и в Багдаде, где между 1072-1075 гг. и написал свой выдающийся труд, который намеревался преподнести халифу ал-Муктади (*Бартольд, 1968. Т. V. С.83-84*).

Словарь составлен на хорошем арабском языке и является ценнейшим источником по средневековым наречиям тюрков, туркмен, огузов, чигилей, карлуков, кыргызов; народной тюркской поэзии, пословицам, поговоркам. Он содержит интереснейшие исторические, географические и этнографические данные. Махмудом Кашгари составлена также карта мира, в центре которой он поместил Кашгар и Баласагын. "Дивану лугат ат-Тюрк" дошел до нас в рукописи, законченной 27 шаввала 664 г.х. (1 августа 1266 г.), причем по словам переписчика, он использовал автограф сочинения (Там же. С. 84).

Из других ученых Восточного каганата следует упомянуть историка второй половины XI в. (умершего до 1093 года) Абд ал-Гаффара Алмаи, который жил в Кашгаре и написал историю этого города на арабском языке. Ему также принадлежит сочинение "Муджам аш-Шуйух" ("Словарь шейхов") (Бартольд, С. 64).

Примерно в это же время для Караханида Мамуна ибн Хасана, сына Кашгарского хана Тафгач Богра-хана Хасана, был написан трактат по медицине (4-Pritsak, P. 41). Вообще создается впечатление, что время правления Тафгач Богра-хана Хасана было своего рода "золотым веком" расцвета искусства и науки Восточного Караханидского каганата, куда входил Кыргызстан.

Литература:

1. Бартольд В.В. Таджики //Соч. - М., 1963. - Т.1, Кн.2.
2. Бартольд В.В. Богра-хан, упомянутый в Кудатгу билик//Соч., М., 1968. - Т. V.
3. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии //Соч., - М., 1968, Т. V.
4. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Соч., - М., 1968.
5. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII - середина XIII. М.
6. Горячева В.Д., Настич В.Н. Эпиграфические памятники Узгена XII-XIX вв. //Киргизия при караханидах. - Фрунзе, 1983, Настич В.Н. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана: //Киргизия при Караханидах. - Фрунзе, 1983.
7. Дакаики. Улада душ или Бахтияр-наме /Пер. М.Н. Осмонова. - М., 1977.
8. Кононов А.Н. Поэма Юсуфа Баласагунского "Благодатное знание" // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. -Пер. С.Н. Иванова, М., 1983.
9. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута //Страны и народы Востока. - М., 1971.
10. Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбад-наме /Пер. М.Н. Осмонова, М., 1960.
11. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы, /пер. с перс. С.И. Баевского и З.Н.Ворожейкиной. - М., 1963.

12. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом и на метрическую систему. - М., 1970.

13. Чехович О.Д. О дипломатике и периодизации среднеазиатских актов //Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. - М., 1984.

14. 4-Pritsak O. Die Karachaniden....

А.К. Абетеков

(Бишкек)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО КЫРГЫЗСТАНА (Этапы и узловые проблемы)

Более семидесяти лет тому назад родоначальники кыргызской советской археологии М.В. Воеводский и М.П. Грязнов, раскопав вблизи г. Токмака в Чуйской долине могильник Бурана, Чильпекскую и Кара-Кольскую группу курганов на Иссык-Куле, впервые выделили археологическую культуру древних усуней (Воеводский, Грязнов, 1938. С. 162-179). Позже А.Н. Бернштам создал периодизацию основных этапов истории развития древних и средневековых культур Центрального Тянь-Шаня, Памир-Алая и Семиречья. В ней определенное место отведено памятникам ранних кочевников (Бернштам, 1940. С. 3-125, 1949. С.52-83; 1950. С. 58-70.)

В настоящее время, благодаря усилиям советских ученых, созданы фундаментальные труды по истории и археологии древних скотоводов, обитавших некогда на территории Средней Азии и Казахстана*.

Ограниченные возможности журнальной статьи не позволяют отобразить эволюцию взглядов всех исследователей этой проблемы. Речь пойдет лишь о некоторых узловых проблемах и основных этапах истории изучения археологических памятников кочевого населения древнего Кыргызстана.

Интерес к памятникам истории культуры древнего Кыргызстана возник в русской науке после вхождения Киргизии в состав России во второй половине XIX в. С этого времени в периодических изданиях появляются сообщения об отдельных памятниках старины. Ряд русских краеведов-любителей археологии опубликовали путевые заметки о результатах раскопок и наблюдений (Зеланд, 1888. С. 18, 22-23, Фетисов, 1893. С. 109-117; Пантусов, 1904. 65-67). Сведения о тюркских ру-

*Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., 1948; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; Акишев К.А., Кушаев Г.В. Культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963; Массон В.М. Средняя Азия и древний Восток. М., 1964; Мандельштам А. М.

нических текстах из долины р. Талас вызвали большой интерес в кругу русских востоковедов и лингвистов. В связи с этим в 1893-1894 гг. Санкт-Петербургский университетом и Российской Академией наук в Среднюю Азию для поисков древнетюркских надписей и археологических раскопок направляется В.В. Бартольд. Он посещает Северную Киргизию, где осматривает развалины оседло-земледельческих поселений раннего средневековья, привлекает к их изучению данные исторических письменных источников, вводя их в научный оборот впервые. Попутно он упоминает о бронзовых находках и описывает курганы времени древнего железа (*Бартольд, 1897 С. 28-30, 41-49 и др.*). Однако из-за отсутствия археологических навыков он не раскопал ни одного кургана. Он писал об этом с огорчением, что "каждая новая попытка в этом направлении (имеются в виду раскопки курганов – А.А.) лишний раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ "в поле" над вещественными памятниками истории" (*Бернштам, 1943. С.3*).

Тем не менее, глубокое знание древних и средневековых источников позволило В.В. Бартольду еще в 1898 г. создать первую периодизацию истории народов Кыргызстана, не потерявшую своей научной значимости до наших дней.

В конце XIX в. благодаря деятельности Туркестанского кружка любителей старины, который находился в г. Ташкенте, возникает положительная тенденция по изучению древней и раннесредневековой археологии Семиречья. Так, один из членов этого кружка В.А. Калаур, занимавшийся регистрацией и описанием памятников долины р. Талас, опубликовал статью о наскальных петроглифах (*Калаур, 1899. С.265-270*).

Собранные им вещественные источники привлекли внимание ученого Финно-Угорского общества Н.Г. Гейкеля. Получив специальное разрешение у русской археологической службы, он в 1898-1899 годы организует свою экспедицию в Таласскую долину. Здесь ему удается раскопать одиннадцать курганов сакского и гунносарматского времени в могильниках Чий-Доюе, Айри-Там, Коен-Токой и Джоон-Добе. Однако, материалы Н. Гейкеля были опубликованы лишь в 1918 г. в г. Хельсинки на немецком языке, причем без научного анализа и интерпретации (*Heikel, 1918. С. 1-47*).

Хотя дореволюционные ученые в целом правильно понимали значение археологических и письменных памятников для науки они все же не смогли в полной мере изучить памятники эпохи железа. Их публикации страдали односторонностью, само представление о железном веке в его конкретном историческом истолковании у них не сложилось вообще. Так, например, вышедший и свет еще в 1851 г. фундаментальный историко-ведческий труд И.Я. Бичурина (Иакинфа) "Собра-

ние сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена" и книга Г.В. Григорьева "О скифском народе саках" (1878 г.), несмотря на свою научную ценность, не отражали историю и историю материальной культуры кочевых народов, хотя в них были собраны исчерпывающие для своего времени сводки письменных источников о кочевниках. Эти емкие книги русских востоковедов XIX в. лишь служили определенной историко-ведческой базой для дальнейшего изучения истории кочевых народов Средней Азии.

Таким образом, основные этапы истории кочевых народов, населявших территорию Кыргызстана в древнейшие времена в той мере, в какой это было необходимо для понимания исторического процесса, не были разработаны ни ориенталистами, ни археологами-любителями. Что же касается общего уровня исследования археологических памятников Кыргызстана до установления советской власти, то здесь следует вспомнить характеристику С.М. Абрамзона, данную им этнографическому исследованию края. Она, нам кажется, в полной мере определяет степень изученности и археологии. Этнографическое изучение Кыргызстана в дореволюционное время, – писал он, – можно рассматривать как период накопления фактического материала, введения в науку, хотя и не всегда полных и точных, но все же полезных сведений, имеющих большое познавательное значение (*Абрамзон, 1972. С.4*).

Дальнейшее развитие изучения истории кочевников было связано с Великой Октябрьской социалистической революцией. Новый общественный строй изменил подход к науке вообще и к исторической науке, в частности, изучение древней культуры народов Средней Азии, в том числе кыргызского народа, которое раньше было занятием отдельных исследователей, краеведов, любителей археологии, постепенно превратилось в работу государственного и политического значения. Оно имело задачу воссоздать достоверную историю ранее угнетенных народов, населявших окраины царской России.

В первые годы советской власти, особенно до середины 30-х годов, авторы многих раскопок все еще придерживались старой методики, часто не ставили перед собой задачу дать анализ исторического процесса, протекавшего на той или иной территории в глубокой древности. Это было связано с тем, что, во-первых, еще не была разработана новая методика археологических исследователей, во-вторых, археологи еще недостаточно глубоко знали важнейшие законы диалектического развития и историю материализма. Поэтому на начальном этапе становления археологической науки в стране, и особенно на периферии, комплексы материальной культуры учеными часто интерпретировались не во взаимозависимости от производства и в соответствии с законами развития диалектики, а оторванно от них, путем простого описания вещей. Таким образом, основные моменты и объективные законы диалектики, имеющие первостепенное методическое значение, не всегда находились в поле зрения исследователей.

Советские историки и археологи вооружались идеями диалектического материализма постепенно, в ходе накопления новых материалов и скру-

* Кочевники на пути в Индию. М., 1968; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; Литвинский Б.А. Кочевники "Крыши мира". М., 1972; Акишев К.А. Курганы Иссык-Куля. М., 1978; Шер Я.А. Петроглифы Центральной и Средней Азии. М., 1980 и др.

пулезного анализа вещественных и других нарративных источников. В этом смысле существенное значение для историков имели труды крупнейших ученых и мыслителей XIX-XX вв. В. И. Ленина "отвосительно материалистического понимания истории, диалектического метода познания общественных явлений, их прием использования источников" (*Ленинские идеи*. С. 5).

С конца 30-х годов на базе диалектико-методологических принципов успешно начала развиваться советская историческая наука, в том числе археология, изучающая историю материальной культуры прошлых эпох.

С момента национального размежевания Средней Азии (1924 г.) начинается быстрый рост исследовательских работ по истории и культуре народов Средней Азии и Казахстана. В 1926 г., когда Кыргызстан был преобразован в автономную Советскую Социалистическую Республику, были образованы Научно-исследовательский институт и Музей национальной культуры при СНК Киргизской АССР, которые способствовали накоплению археолого-этнографических материалов и их изучению. В 1928 г. впервые на территории Кыргызстана было начато изучение памятников ранних кочевников М.В. Воеводским и М.П. Грязновым. Обследованные ими курганы в долине р. Чу и Иссык-Кульской котловины дали интересный материал по культуре древних кочевников. Авторами этих раскопок в 1938 г. была опубликована важная статья, где предпринята серьезная попытка историко-археологического анализа проблемы культуры кочевников, добытый археологический комплекс отождествлялся с древним этносом усуней, обитавших некогда в Киргизии и Семиречье (*Воеводский, Грязнов, 1938. С. 162-179*). Их научные выводы, датировка и другие наблюдения до сих пор сохраняют свою ценность.

Определенный научный интерес представляют исследования древностей Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины П.П. Иванова (*Иванов, 1957. С. 12, 67 и дальше*), А.И. Тереножкина (*Тереножкин, 1929. С. 130-154*) и С.А. Теплоухова*, положившие начало систематическому изучению памятников этих регионов. В их научных отчетах, полевых документах и картах зафиксированы курганы ранних кочевников – саков и усуней. В 1937 г. в тесном научном контакте с Институтом истории материальной культуры и Государственным Эрмитажем проводила большую работу археологическая экспедиция Киргоспединститута под руководством Б.М. Зима. Им был открыт ряд новых памятников древности. Среди них большой научный интерес представляют находки бронзовых предметов сакской культуры. Материалы о них вышли отдельной брошюрой перед войной (*Зима, 1941. С. 3-45*).

Почти двадцать лет неутомимым исследователем Кыргызстана был А.Н. Бернштам. В его научной деятельности особое место занимала история

кочевого населения от саков до тюрков. Его исследования 1933-1960 гг. внесли большой вклад в археологическую науку. В 1938 г. в верховьях реки Талас А.Н. Бернштам открыл могильник Кенкол, а через год по поручению Государственного Эрмитажа частично его исследовал. В результате этих изысканий им была выдвинута интересная научная концепция о появлении гуннов на территории Средней Азии в начале нашей эры (*Бернштам, 1951*). Эти его исследования положили начало изучению культуры кочевых племен, оставивших катакомбно-подбойный тип захоронений. Однако гуннская теория А. Н. Бернштама подверглась аргументированной критике со стороны археологов (*Сорокин, 1958. С. 3-14*):

Одним из плодотворных периодов деятельности А.Н. Бернштама была надзорная работа в зоне строительства Большого Чуйского канала /БЧК/ в 1941 г. в Северной Киргизии. На 150-ти километровой трассе канала им был собран значительный вещевой материал /более 3 тыс. единиц. В дальнейшем он лег не только в основу классификации и хронологии культур Северной Киргизии (*Бернштам, 1950. С. 58-71; 104-110*), но и послужил базой для создания историко-археологического отдела Кыргызского государственного исторического музея в г. Фрунзе.

С началом Великой Отечественной войны археологические работы в Кыргызстане почти полностью прекратились. Организация в конце 1943 г. Кыргызского филиала АН СССР и в его составе Института языка, литературы и истории послужила стимулом к расширению исторических, этнографических и археологических исследований. С конца 1944 г. и после окончания войны вновь возобновляются многолетние работы А.Н. Бернштама как на севере, так и на юге республики. Следует подчеркнуть, что А.Н. Бернштам всегда стремился изучить памятники археологии и истории Ферганы и Алая в синтетическом плане. Его научные взгляды получили отражение в его фундаментальном труде "Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая" (1952 г.), Глубоко прав Б.А. Литвинский в том, что вклад А.Н. Бернштама в изучении истории и археологии Ферганы и Памира трудно переоценить. Именно ему принадлежит честь открытия курганной могильников на Восточном Памире и атрибуция их как сакских, первые раскопки курганов-поселений на Алае, изучение нескольких могильников и поселений на Алае, изучение нескольких могильников и поселений в Фергане" (*Литвинский, 1969. С. 4*).

Накопленный А.Н. Бернштамом богатый материал дал ему возможность более конкретно характеризовать и уточнить периодизацию древней истории Кыргызстана. Все основные идеи А.Н. Бернштама нашли отражение в его работах, вышедших в 1947-1952 гг. В них он подвел итог своим археологическим работам довоенного времени, внеся весомый вклад в разработку древней истории Кыргызстана. Разработанная им классификация и периодизация древних памятников Кыргызстана выдержала испытание временем и, несмотря на отдельные уточнения и дополнения, остается до сих пор основой хронологии истории древних культур Кыргызстана и Южного Казахстана.

*Архив С.А. Теплоухова хранится в фондах Музея этнографии народов СССР в Ленинграде (ф.3, оп. 1, ед. хр. 121 и дальше). К сожалению, собранный им вещественный материал утрачен, а неполные записи дневников в настоящее время не могут быть прочитаны для восстановления хода и результатов раскопок.

Отдавая дань глубокого уважения талантливым начинаниям А.Н. Бернштама, следует отметить, что он, будучи эрудированным ученым, небольшие порой данные археологических раскопок, как всегда, рассматривал на широком историческом фоне, "сделал много историко-культурных и этногенетических заключений" (*Литвинский, там же*). Для методики А.Н. Бернштама было характерно отождествлять тот или иной рекогносцировочно изученный могильник с конкретным древним этносом, известным по письменным источникам. А это вело за собой не всегда апробированные этногенетические и исторические выводы.

Важным и новым этапом в археологическом изучении истории кочевников Кыргызстана является организация в 1953 г. Кыргызской комплексной археолого-этнографической экспедиции, руководимой А.П. Окладниковым, а затем Г.Ф. Дебецем. Первостепенной задачей ее было выяснение всех вопросов, связанных с этногенезом кыргызского народа в свете новых данных археологии и палеоантропологии. В составе этой экспедиции в 1953-1955 годах работал Тянь-Шаньский археологический отряд под руководством А.К. Кибирова, уделивший основное внимание памятникам кочевого населения древнего Тянь-Шаня – сакам, усуням и носителям катакомбно-подбойной культуры. В результате было выявлено много могильников ранних кочевников, ранее неизвестных в археологической литературе (*Кибиров, 1959. С. 63-138*).

Раскопки по изучению курганов саков и усуней проводились в Иссык-Кульской котловине Л.П. Зяблиным (*Зяблин, 1955. С. 1-29*), Д.Ф. Винником (Винник, 1982. С. 1-29), В.П. Мокрыниным (*Мокрынин, 1975. С. 52-81*), а также в долине р. Чу А.К. Абетековым (*Абетеков, 1978. С. 59-65*). В середине 50-х годов памятники сакской культуры оказались в поле зрения Л.Р. Кызласова, собравшего в одной из своих поездок на Иссык-Куль коллекцию бронзовых предметов сакского времени (*Кызласов, 1972. С. 102-10*).

Большим энтузиастом в изучении культуры nomadов высокогорных районов Кыргызстана был Ю.Д. Баруздин. Им было успешно начато изучение памятников древнего Алая и юго-западной Ферганы. Еще в 1954 г. он открыл эталонный памятник катакомбно-подбойной культуры – могильники Кара-Булак и Тура-Таш I-IV вв. (*Баруздин. С. 43-82*), содержавшие исключительно богатый и своеобразный комплекс вещей, характеризующих культуру кочевого населения Южного Кыргызстана.

Таласский археологический отряд (1956-1957, 1960 гг.) под руководством П.Н. Кожемяко, наряду с исследованиями оседлых поселений, провел значительные работы по изучению погребений кочевых племен (V в. до н.э. – IV в. н.э.). Их результаты позволили нам выделить наиболее раннюю группу памятников (*Абетеков, Баруздин, 1963. С. 17-32*) – культурный ареал усуней.

В связи со строительством уникального гидротехнического сооружения – Токтогульской ГЭС, в долине р. Нарын с 1958 г. по 1973 г. работала Кетмень-Тюбинская археологическая экспедиция, руководимая И. Кожомбердиевым, которая собрала значительный материал, позволяющий по-новому рассматривать многие вопросы истории и культуры ранних кочевников этого региона (*Кожомбердиев, 1975. С. 168-174*).

Несомненный интерес представляет опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода, который провел Ю.А. Заднепровский (*Заднепровский, 1971. С. 27-34*). Его попытка выделить этнокультурные комплексы по материалам погребального обряда древних кочевников заслуживает пристального внимания. Однако возведение некоторых комплексов в ранг "эталонных" на самом деле связано не столько с четкой хронологической и этнокультурной принадлежностью данных памятников, сколько с тем, что при их раскопках были найдены разнообразные и взаимоисключающие материалы. Потому единственным способом проверки представленной классификации может быть рассмотрение ее внутренней непротиворечивости на содержательном уровне (*Абетеков, 1989. С. 11-14*). Следовательно, некоторые положения статьи Ю.А. Заднепровского, по свидетельству самого автора, являются гипотетическими, требующими дальнейшего обоснования и серьезной аргументации.

Для решения этой проблемы наиболее оптимальным вариантом является путь детальной классификации имеющихся материалов и систематизации их в соответствии с атрибутами погребальных сооружений, с учетом всех признаков, сопровождающих вещей, а также антропологического облика погребенных. Здесь существенное значение имеет сопоставительный анализ одних типов могильников с другими. При этом постоянно надо иметь в виду насколько эти однородные группы близко располагаются друг от друга в географическом плане. Обобщив археологические материалы, в какой-то степени можно выявить ареалы типов могил и способов захоронений. Сопоставление археологических комплексов с данными письменных источников позволяют осветить археолого-генетические связи того или иного памятника.

В течение многих лет в 1960, 1990 годы в Таласе, 1961-1964, 1974 годы в долине р. Чу, 1966-1968, 1973, 1976-1978 годы в Юго-Западном Тянь-Шане (Кетмень-Тюбинская, Папанская котловина и Алай) и 1987-1988 годы во Внутреннем Тянь-Шане (Кочкорская долина) и, наконец, в 1998 г. на Иссык-Куле, автором этих строк изучались памятники, где удалось обследовать одно поселение и более шестидесяти могильников.

В результате этих работ произошел качественный сдвиг в накоплении материала, в степени изученности могильников до и после рубежа н. э. Большой интерес представляет открытое нами Кара-Балтинское поселение, относящееся к III-II вв. до н.э. Находки подобного рода имеют важное значение для выяснения возникновения оседлой культуры в долинах Северного Кыргызстана с рубежа н.э. (*Абетеков, 1970, С. 67-70*).

Исследование грунтовых и катакомбно-подбойных захоронений юга республики в последние годы велись Ю.А. Заднепровским (*Заднепровский, 1975. С. 33-35*) и Г.А. Брыкиной (*Брыкина, 1981. С. 118-125*). Накопленный ими материал может послужить хорошим подспорьем для выяснения вопросов о генетической связи между ранними и поздними катакомбными памятниками.

Важными представляются новые памятники саков, выявленные К. Табалдиевым на Тянь-Шане в 1989 г. В могильнике Кичи-Арча в специально сооруженной поминальной ограде ими были обнаружены конские упряжи из бронзы. Они расширяют наши представления о новом высокогорном ареале культуры саков тиграуды (Табалдиев, 1996. С.356-360).

Таковы некоторые итоги истории изучения памятников культуры древнего населения Кыргызстана. Они отражают в какой-то мере эволюцию становления археологической науки в крае, в эпоху социалистического общества в стране.

Археологическое изучение Кыргызстана условно можно разделить на четыре этапа.

I этап (1850-1900 гг.) – сбор и описание так называемых “любопытных” находок. В этот период, наряду с выявлением случайных находок и регистрацией курганов, появляются первые публикации материалов, сводные, источниковедческие исследования, посвященные истории древних кочевников Средней Азии, в том числе и Кыргызстана.

II этап (1920-1940 гг.) – специальное изучение памятников ранних кочевников, когда на севере республики работали археологи А.И. Тереножкин, М.П. Грязнов, М.В. Воеводский, С.А. Теплоухов, П.П. Иванов и др., с деятельностью которых связаны определения историко-культурных рамок памятников кочевого населения древнего Кыргызстана.

III этап (1940-1960 гг.) – период работы Семиречинской, а также Тянь-Шано-Алайской экспедиции под руководством А.Н. Бернштама. В результате ее работ основные проблемы периодизации древней истории Кыргызстана решались уже с привлечением и на основе

новых значительных археологических материалов, которые были собраны указанными экспедициями. Это был очень важный этап в становлении кыргызской археологии.

IV этап (1953-1990 гг.) начался с организации Кыргызской комплексной археолого-этнографической экспедиции, когда было организовано широкое изучение разновременных памятников древнего Тянь-Шаня и Притяньшанья. Благодаря этим исследованиям, в конце 1956 г. была созвана Всесоюзная научная сессия, посвященная такой важной проблеме, как этногенез кыргызского народа. Итоги и рекомендации сессии значительно оживили деятельность вновь сформированной Кыргызской археологической экспедиции. Уже к 60-м годам археологическая служба в республике не только принимает широкий размах, но меняет свой характер, намечается переход к многолетним стационарным раскопкам разновременных памятников прошлого с целью глубокого изучения всех этапов древней и средневековой истории. Появляется ряд обобщающих трудов по древней и средневековой истории Кыргызстана, основанных, главным образом, на археологических источниках. Таковы, например, I-й том двухтомной “Истории Киргизии” (1956 г.), позже дважды переизданной (1963, 1968), “Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции” в пяти томах (1956-1960), “Археологические памятники Таласской долины” /1963/. “Древняя и раннесред-

невековая культура Кыргызстана” (1967), “Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана” (1975), “Кетмень-Тюбе” (1977), “Памятники культуры и искусства Киргизии” (1983) и, наконец, первый том фундаментального патитомного издания “История Киргизии” (1984).

Таким образом, краткое знакомство с историей изучения археологических памятников ранних кочевников Киргизии показывает, что за сравнительно небольшой исторический срок проделана значительная работа по изучению древней истории и культуры народов Кыргызстана как дореволюционными, так и советскими исследователями. Вместе с тем, указывая на определенные заслуги дореволюционных ученых, надо подчеркнуть, что заслуга археологов советской эпохи несопоставимо велика.

Именно в советское время исследователи добились серьезных успехов во всестороннем освещении исторического прошлого кыргызского народа. В настоящее время археологическими исследователями охвачена все территория республики, изучены основные этапы исторического развития человеческого общества на ее территории.

Несмотря на достигнутые успехи в деле изучения археологических памятников кочевников еще предстоит решить ряд важных проблем первостепенного научного значения.

Изучение процесса миграции крупных племен (юэджи, гуннов, усуней и др.), путей их проникновения на запад и степень их воздействия на развитие культуры местных племен – актуальные проблемы, требующие дальнейшего углубленного исследования.

Раскопки курганов древних кочевников, произведенные на территории Кыргызстана и других сопредельных стран Центральной Азии, показывают, какие неисчислимые богатства таят памятники древних культур (Абетеков, 1994. С. 23-33). При этом исследователи сталкиваются с рядом проблем. Многие здесь еще не ясно, отдельные страницы древней книги истории читаются неожиданно ярко и убедительно, в других случаях проясняются лишь перспективы дальнейших изысканий, выкристаллизовываются нерешенные вопросы и проблемы.

Такова, прежде всего, проблема роли кочевников в мировом историческом процессе. Кочевые объединения, процветавшие на территории современной Средней Азии, были лишь составной частью кочевых культур огромного пояса степей, протянувшегося от глубин Центральной Азии до степей Дуная. Формирование этих раннекочевнических обществ существенно сказалось на общем развитии племен и народов Евразии.

На границах древневосточных государственных образований появилась новая могучая сила, массы прекрасно вооруженных и слаженно действующих воинов-конников. Уже в раннем периоде своего развития кочевые племена активно вторгаются на территорию оседлых оазисов, нередко образуют здесь достаточно прочные политические союзы. Хорошо, например, известны успехи киммерийцев и скифов в Передней Азии, а после рубежа н.э. – юэчжийцев в Средней Азии.

Раскопки древних могильников, позволяющие полнее представить уровень развития кочевничес-

ких объединений, должны способствовать более глубокому изучению роли кочевников в древней истории Средней Азии и соседних областей.

Вторая важная проблема перспективных изысканий – это вопрос о происхождении самых ранних кочевников. Сокрушители древних империй родились отнюдь не на пустом месте: до них обширные степи и полупустыни Азии занимали племена скотоводов и земледельцев бронзового века. Именно в их среде началось приручение коней и обучение верховой езде. К бронзовому веку относятся также истоки развития оружейного дела, достигшего расцвета в эпоху ранних кочевников. Свидетельствующие об этом памятники культуры скотоводов бронзового века открыты и на территории Кыргызстана.

Третьей важной проблемой является их глубокий, систематический, конкретно-исторический анализ. Возможности для этого создает сама массовость новых материалов и сплошной охват исследованиями обширных территорий.

Известно, что всех кочевников греческие авторы, прежде всего Геродот, называли скифами, но наиболее пронизательные из историков и географов древнего мира хорошо знали, что это лишь самый общий, как бы мы сейчас сказали, генерализованный подход. Страбон писал: "Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим племенем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя" (Страбон, кн. XI. С. 6-7).

У нас не так уж велики шансы восстановить все древние названия племен, но выделить территории обитания многих из них, наметить их основные центры, локализовать в определенном регионе, – задача вполне реальная. Так, например, в результате раскопок последних двух десятилетий вырисовывается облик культуры племенной группы (саков и племен носителей катакомбной культуры), освоившей Кетмень-Тюбинскую котловину. Постепенно можно подготовить детальную карту археологии ранних кочевников, которая подскажет нам и древние племенные границы.

И, наконец, весьма существенным является изучение уровня развития древнекочевнических обществ, степень формирования в их среде раннекочевнических отношений и развития государственности. На серебряной чаше сакского кургана Иссык обнаружена надпись, очень четкая, но еще не прочитанная, поскольку использованный здесь алфавит еще не известен ученым (Акишев, 1978. С. 53-60). Короткие тексты из подобных знаков были встречены на некоторых других объектах из раннекочевнических комплексов. Но еще более поразительно то, что подобная надпись, выполненная этим же алфавитом, обнаружена на территории Афганистана (Айханум), т.е. там, где засырдарьинские кочевники во II в. до н.э. одержали победу над Греко-Бактрийским царством, где вскоре создали свою собственную державу – знаменитое государство кушан.

В этой связи возникает вопрос не была ли эта письменность создана именно в среде сакских политических объединений, в недрах которых происходил процесс формирования государства

с его первоначальным примитивным аппаратом? Разумеется, эти тексты предстоит еще расшифровать и осмыслить и лишь после этого решать вопрос об их историческом значении. Но сам факт появления неизвестной письменности за пределами культур оседлых племен весьма интересен.

Решение узловых проблем истории кочевников, конечно, потребует привлечения многочисленных источников, новых археологических данных и комплексного подхода ученых разных специальностей.

Литература:

1. Абрамзон С.М. *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи*. Л., 1971.
2. Абетеков А.К. *О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине*. – КСИА, вып. 154, М., 1978.
3. Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д. *Сако-усуньские памятники Таласской долины*. – В кн.: *Археологические памятники Таласской долины*. – Фрунзе, 1963.
4. Абетеков А.К. *К методическому аспекту классификации курганов ранних кочевников Тянь-Шаня и Семиречья при помощи ЭВМ*. // *Скифо-сибирский мир*. Кемерово, 1989.
5. Абетеков А.К. *Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней*. // КСИА. Вып. 122. М., 1970.
6. Акишев К.А. *Курган Иссык*. – М., 1979.
7. Бартольд В.В. *Отчет о поездке с научной целью в Среднюю Азию в 1893-1894 гг.* СПб.
8. Бернштам А.Н. *Кенкольский могильник*. Л., 1940.
9. Бернштам А.Н. *Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня*. // СА. Т. XI. М., 1949.
10. Бернштам А.Н. *Сако-усуньская культура ранних кочевников Чуйской долины*. // *Чуйская долина*, МИА, № 14). М., Л., 1952.
11. Бернштам А.Н. *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, (МИА, № 26. М., Л.)
12. Бернштам А. Н. *Очерк истории гуннов*. Л., 1951.
13. Брыкина Г.А. *Могильник Кайрагач в Южной Киргизии* // КСИА. Вып. 170. М., 1981.
14. Воеводский М.В., Грязнов М.П. *Усуньские памятники на территории Киргизской ССР* // *Вестник древней истории* (ВДИ, № 3-4). М., 1938.
15. Винник Д. Ф. *Клад из Чильпека*. // *По следам памятников истории и культуры Кыргызстана*: Фрунзе, 1982.
16. Заднепровский Ю.А. *Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода*. (I в. до н.э. – V в. н.э.) // *Страны и народы Востока: Средняя и Центральная Азия. География, этнография и история*. Вып. 10. М., 1971.
17. Зима Б.М. *Иссык-Кульские жертвенники*. Фрунзе, 1941.
18. Зяблин Л.П. *Отчет о полевых работах Иссык-Кульского отряда Киргизской археологической экспедиции летом и в 1954 г.* Архив Института археологии АН СССР. М., 1955. Ф. I, д. 106.
19. Зеланд Г. *Кашгария и перевалы Тянь-Шаня: Путевые записи*. Омск.
20. Иванов П.П. *Материалы по археологии котловины Иссык-Куля*. – Тр. Института истории АН Киргиз. ССР. Вып. 3. – Фрунзе.

21. Калаур В.А. Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде – Зап. Вост. отд. Русского археолог. Общества. Спб. 1899. Т. XI.
22. Кожомбердиев И. Саки Кетмень-Тюбе. //Страницы истории и материальной культуры Киргизстана досоветский период. Фрунзе, 1975.
23. Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля. Новое в археологии. М., 1972.
24. Кибиров А.К. археологические работы в Центральном Тянь-Шане, 1953-1955 гг./ – Тр. Киргиз. археолого-этногр. экспедиции. Т. 2. – ч., 1959.
25. Литвинский Б.А. История и культура Восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок Памиро-Ферганских могильников). Автореф. докт. дисс. М. 1962.
26. Мокрынин В.П. Курганы сакского времени долины р.Тон. //Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975.
27. Пактусов Н.Н. Заметки о древностях Семиреченской области //ИАК за 1902 г. 1964.
28. Сб. статей. Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. – М., 1970.
29. Тереножкин А.И. Археологические разведки по р. Чу 1929 г. //Проблемы истории докапиталистических обществ № 5-6. М.-Л., 1935.
31. Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника КСИМК. Вып. 64. М. 1956.
31. Страбон, кн. XI. М.
32. Фетисов А.М. Раскопки в Семиреченской области. ОАК за 1891. Спб., 1893.
33. Abetkov A. 1994, *Ancient Iranian Nomads in Western Central Asia History of civilization and nomadic civilizations: 700 B. C. To A. D. 250.* UNESCO Publishing, Paris.
34. Von Kuvat S. Tabaldiev, 1996, *Neue Funde der Sakanzeit aus dem Tien Shan. EURASIA ANTIQUA ZEITSCHRIFT FUR ARCHAEOLOGIA EURASIENS BAND 2 1996/ BERLIN.*
35. Heikel H. *Die Altertumer aus der talas in Turkistan.* Travaux Ethnographique. Helsinki.

К.И. Ташбаева

(Бишкек)

КУЛЬТУРА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ОШСКОГО ОАЗИСА

Ферганская долина является одной из крупных областей древнеземледельческой культуры. Однако о ней ничего не упоминается в письменных сочинениях персидских и греческих авторов. Ни в одном из древних источников исследователи не находили упоминаний страны или народа, которые можно было бы безоговорочно отождествить с Ферганой. Хотя одно время ряд ученых отождествляли племена париканиев, перечисляемых Геродотом, с населением древней Ферганы (Herzfeld, 1932. С. 11; Бернштам, 1997. С. 247; Заднепровский, 1962. С. 196-198). Однако позже была до-

казана неправомочность такого отождествления и в настоящее время никто из ученых не придерживается этой точки зрения (Литвинский, 1965. С. 266-267; Лившиц, 1962. С. 85; Gorbunova, 1986.) и видимо, позже Ю.А.Заднепровский согласился с этим (Заднепровский, 1984. С. 178).

Отсутствие сведений о Фергане в древних персидских и греческих источниках, видимо, объясняется тем, что она оставалась вне основных политических событий середины I тыс. до н.э., происходивших в этом регионе Центральной Азии.

Так основатель государства Ахеменидов Кир II во время своего завоевательного похода против саков (VI в. до н.э.) дошел только до западных границ Ферганской долины. Обширные владения Ахеменидского государства, куда в VI в. до н.э. вошли Парфия, Маргиана, Бактрия и, видимо, Согд и Хорезм, на севере ограничивалась рекой Сырдарьей. Впоследствии держава Ахеменидов распалась под ударами армии Александра Македонского, войска которого в 329 г. до н.э. также дошли до Сырдарьи. Как и ахемениды, греко-македонские войска не смогли продвинуться вглубь территории Ферганы.

Фергана оставалась не подвластной ни ахеменидам, ни греко-македонянам. Это независимое положение она сохраняла и в последующие периоды, когда в середине III в. до н.э. в южных районах Центральной Азии образовалось Греко-Бактрийское царство, а на рубеже н.э. – могущественная Кушанская империя. Этим и объясняется особенность древней культуры Ферганы, демонстрирующая преемственное развитие земледельческой культуры на протяжении длительного периода и ее отличие от культур соседних оазисов.

В результате походов Александра Македонского греки получили сведения о ряде центрально-азиатских областей. Эти сведения были отражены в «Географии» Эратосфена, частично дошедшей до нас в изложении Страбона, а также в ряде других работ античных авторов, как Плиний, Арриан, Плутарх, Птолемей и др. Вот некоторые из них, которые касаются нашей темы.

«С тех же самых Индийских гор, откуда текут Ох, Окс, и многие другие реки, вытекает Яксарт и, подобно тем рекам, впадает в Каспийское море – это самая северная из всех этих рек. Реку Яксарт они называли Танаи-сом...» (Страбон, XI, 7, 4).

«Наиболее известные из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, именно Асии, Пасианы, Тохары, Сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Яксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками» (Страбон, XI, 8, 2), далее «Саки отделены от согдианов Яксартом, а Согдиана от Бактрианы Оксом» (Страбон, XI, 8, 8). Или «... дальнейшему их движению препятствовала река Яксарт, которую скифы зовут Силисом, а Александр и его воины принесли за Танаис...», «За этой рекой живут скифские народы. Персы им дали общее название – саков – от ближайшего народа» (Плиний, VI, 49-50) и т.д.

Таким образом, древние тексты античных авторов помимо других данных, четко свидетельствуют, что именно Яксарт (Сырдарья) разделяет Согдиану и страну саков. Это значит, что территория расселения последних охватывала и Ферганскую долину, оставшуюся за - Яксартом». Эта точка

зрения о территории Ферганы как о месте расселения сакских племен, а точнее даже «Саков, которые за Согдом» персидских и античных авторов, сейчас принята большинством исследователей Ферганы (*Литвинский, 1972. С. 158-174; Gorbunova, 1986.*)

Население древней Ферганы и Ошского оазиса, как ее части, а также ряда горных долин юга Кыргызстана, окаймляющих Ферганскую долину, прошло одни и те же исторические этапы. Археологические материалы свидетельствуют о культурной близости или даже однородности населения этих территорий во второй половине 1 тыс. до н.э.

В это время в Фергане складывается самобытная культура эпохи раннего железа, названная эйлатано-актамской по первому исследованному поселению и самому крупному могильнику этого времени. Своеобразие этой культуры выражается в тесном взаимодействии культуры земледельцев и скотоводов.

Когда на рубеже VIII-VII вв. до н.э. чустские поселения эпохи бронзы Ферганы прекращают свое существование, это однако не означало прекращения развития земледельческой культуры здесь. Отныне она развивалась при тесных контактах с культурой скотоводов, обитавших по соседству с ними, в предгорных и горных районах. И это взаимовлияние и смешение двух разных типов культур дало новую – эйлатанскую – культуру Ферганы эпохи раннего железа, относимую исследователями к VII-IV вв. до н.э.

Смена исторических этапов и эпох всегда характеризуется резкими изменениями, охватывавшими все основные сферы жизни и деятельности населения края. В Фергане повсеместно возникают отдельные укрепленные дома и небольшие поселения, на которые указывают обособленные могильники. На смену бронзовым орудиям труда и оружию приходят железные. Лепная посуда в большинстве своем окрашивается карминно-фиолетовой или темно-красной красками. Впервые появляется посуда, изготовленная на гончарном круге, что свидетельствует о техническом прогрессе. Меняется облик расписной керамики, как и всей материальной культуры этого времени. Основным мотивом орнамента на керамических сосудах становятся треугольники и углы, заштрихованные косой клеткой, косыми линиями, иногда залитые сплошь.

В Восточной Фергане, как и в Западной, в это время появляется большое количество оседлых поселений. Самым известным и эталонным для их изучения является городище Эйлатан (VII-IV вв. до н.э.), расположенное в междуречье Нарына и Карадарьи. Оно занимало площадь в 20 га, а внешние его стены ограждали огромную территорию около 200 га. На крепостной стене толщиной 4 м располагались башни. Раскопками Б.А.Латынина в 1934 г. был получен своеобразный комплекс керамики, состоящий из лепной крашеной и расписной посуды, а также станковой, изготовленной на гончарном круге. Первоначально эта керамика была отнесена к эпохе бронзы, позднее убедительно передатирована эпохой раннего железа (*Латынин, 1935, Оболдуева, 1962; Она же, 1981; Заднепровский, 1962.*)

Эйлатанская керамика была найдена и в слоях городища Шурабашат. Оно расположено в 10 км к северо-западу от г. Узгена, на правом берегу реки Яссы. Это – самое крупное поселение древней Ферганы, открытое в 1954 г. Ю.А.Заднепровским. Памятник многослойный и основная часть его керамики представляла следующий этап развития эйлатанского комплекса, названный шура-башатским периодом - IV-I вв. до н.э. (*Заднепровский, 1985; Он же, 1996. С. 21-22.*)

Материалы могильников значительно расширяют наши представления о культуре Ферганы эпохи раннего железа. Курганы в могильниках располагаются в цепочках, в направлении север-юг. Захоронения совершены в грунтовых могилах или каменных наземных постройках.

Погребенные лежат на спине, в вытянутом положении, головой на запад, под голову им положены каменные «подушки». В одной могиле захоронены от одного до несколько человек. Погребальная посуда помещалась в специальных нишах или на краю могил, справа от погребенных. Умерших сопровождали предметы украшения – браслеты, бусы, кольца, подвески; бытовая утварь – железные булавки, ножи, глиняные пряслица конической формы, косметические приборы в виде сурьматашей и кусочков графита для подведения бровей. Предметы вооружения встречаются редко. В основном это бронзовые наконечники стрел скифского типа. Количество железных предметов, положенных в могилы, значительно многочисленнее изделий из бронзы (*Амбург, Горбунова, 1957; Горбунова, 1961; Она же, 1962; Она же, 1969; Салтовская, 1975; Она же, 1977 и др.*)

В Ошском и Узгенском оазисах памятники кочевого сакского населения встречаются повсеместно. Непосредственно в Ошском оазисе исследованы два могильника этого времени – Тулейкен и Озгор II. Тулейкен находился в 10 км к западу от г.Ош и был исследован еще в 1947 г. экспедицией А.Н.Бернштама. Из 22 каменных полусферических насыпей было раскопано две. В них прослежен интересный погребальный обряд: следов могильных ям и погребений не было обнаружено. На дневной поверхности под насыпью были найдены по одному сосуду: полусферическая лепная чаша сако-усуньской формы и небольшой кувшин, украшенный резным орнаментом в виде трех поясов треугольников, расположенных вершинами вниз. Треугольники раскрашены в шахматном порядке красной и желтой красками. Нижняя часть тулова окрашена в красный цвет (*Бернштам, 1952. С. 189, Ташбаева, 1996. С. 69.*)

Это один из первых раскопанных могильников Ферганской долины, датированных сакским временем. Несмотря на единичность находок, по своеобразию расписного орнамента на тулейкенском сосуде, А.Н.Бернштам уже тогда отметил здесь особенность развития сакской культуры.

Второй могильник – Озгор II, находится в 10 км к югу от Оша, на невысокой террасе левого берега р. Акбура. Исследован Ю.А.Заднепровским в 1979-1980 гг. Из 25 курганов, расположенных бессистемно, 18 - подверглись раскопкам. При этом были обнаружены захоронения в грунтовых могилах, окаймленных каменными выкладками или двумя каменными кольцами из крупных валу-

нов. В большинстве могил костяки погребенных оказались сильно разрушенными. Погребальный инвентарь состоял из лепных и станковых сосудов, бронзового и железных наконечников стрел, различных украшений, костяных поделок и обломков железных предметов. Весь комплекс находок и обряд погребения позволили Ю.А. Заднепровскому отнести могильник Озгор II к кругу памятников актамского типа и датировать его VII-VI – IV вв. до н.э. (*Заднепровский, 1980, Он же, 1997, С. 106*).

Таким образом, расположение двух могильников вблизи Оша, одного к западу, другого к югу от современного города, свидетельствует о достаточной заселенности оазиса в эпоху раннего железа. Ю.А.Заднепровский даже предположил возможное существование здесь поселения эйлатанского периода (*Заднепровский, 1980, С. 483*), однако специальных работ в поисках такого памятника не проводилось.

Курган сакского времени был раскопан и в Узгенском оазисе, в местности Кошэтер, в долине р. Яссы, в 15 км. от с. Мирза-Аки. Под насыпью кургана располагались две могилы. Одна из них, центральная, была полностью разграблена. Вторая могила сохранилась нетронутой. Здесь в грунтовой могиле, на глубине 1,5 м находилось погребение взрослого мужчины, на спине в вытянутом положении, головой ориентированного на северо-восток. Часть лица была покрыта пластинками из листового золота. В могиле обнаружены серебряный кувшинчик, бронзовый котелок с двумя ручками, два железных ножа, две бронзовые пряжки и бронзовый наконечник стрелы. Здесь же был шаровидный кувшин, покрытый красным ангобом – наиболее ранний экземпляр красноангобирванной посуды в Ферганской долине. Впервые такой сосуд был найден в комплексе с сакскими стрелами и котлом. Это наиболее богатое захоронение сакского времени на юге Кыргызстана и оно датировано VI-IV вв. до н.э. (Винник, 1970)*.

Большое количество памятников ранних кочевников было найдено и в горных районах, примыкающих к Ошскому оазису с юго-востока. Это долины, связанные с Алайским хребтом и сама Алайская долина. Тремя археологическими экспедициями: А.Н.Бернштам в 1946-1948 годы, Ю.Д.Баруздина в 1961-1962 годы и А.К.Абетекова в 1967-1968 годы выявлено большое количество курганных групп, давших разновременные захоронения. Часть из них оказалась погребениями сакского времени. Они обнаружены в могильниках Чакмак, Кара-Швак, Шарт I и II, Чак, Кургак, Дараут-Курган, Нура I и II, Чагыр, Эльтеке, Кок-Суу и др.**

Две трети захоронений совершались в неглубоких грунтовых ямах (65%), а одна треть – в каменных ящиках (20%) и на дневной поверхности (12%). Все они одновременны. Захоронения на

древней поверхности, встречающиеся на Алае, известны и в других памятниках Ферганы, а также в Приарале по памятникам Тагискен и Уйгарак (*Gorbunova, 1986, P.37; Обельченко, 1980, С. 254-257; Вишневская, Итина, 1971, С. 127*).

Грунтовые могильные ямы овальной или прямоугольной формы, иногда перекрывались деревянным накатом. Погребения одиночные, парные и коллективные, иногда скорченные. Среди парных и коллективных захоронений встречаются как однорядные, так и многорядные, положенные ярусами. Такое положение погребенных – ярусами – является особенностью памятников Алая сакского времени (*Ташбаева, 1987*).

Так в могильнике Шарт II в одной могиле кургана I оказалось четыре костяка. При них найдены лепной горшок с двумя петлевидными ручками и чаша с расписным узором в виде заштрихованных решеткой треугольников в комплексе с железным ножом и двумя бронзовыми наконечниками стрел – черешковым трехлопастным и втульчатый трехлопастный с расщепленной втулкой (*Заднепровский, 1962; Ташбаева, 1996, С. 70*).

Курганы с каменными ящиками немногочисленны. Ящики сооружены из поставленных на ребро больших плит или крупных валунов. Внутри них находился, как и в грунтовых могилах, один или несколько погребенных. Состав инвентаря и прежде всего керамики тот же, что и в грунтовых могилах.

Инвентарь сакских погребений Алая не так многочислен и разнообразен. Он состоит из лепных и станковых сосудов эйлатано-актамского типа, частью окрашенных, частью расписных и орнаментированных. Видимо, последние попадали сюда из оседлых поселений Ферганы. Из наиболее интересных предметов отметим следующие: железный кинжал с треугольным навершием и брусковидным изогнутым перекрестием, бронзовые черешковые и втульчатые наконечники стрел, с так называемыми «папками», бронзовые браслет и зеркало с боковой ручкой, колючаные крючки и т.д. Все эти предметы датируются VI-IV вв. до н.э. и бесспорно являются сакскими.

Эти памятники Алая несомненно тяготеют к Ферганским. Н.Г.Горбунова даже объединяет их в одну группу памятников среди среднеазиатских локальных вариантов, называя фергано-алайской группой памятников (*Gorbunova, 1986, P. 54*). А. Н. Бернштам в свое время отмечал связи Алая с Центральным Тянь-Шанем, но через посредство опять таки Ферганы. Мало того, он считал, что часть сакского населения переселилась на Алай с Тянь-Шаня (*Бернштам, 1952, С. 204*). Дополнительных археологических свидетельств этому пока нет. Более конкретно, видимо, можно говорить о наличии связей Алая с Памиром, хотя многие исследователи считают культуру Памира совсем обособленной. Но захоронения в каменных ящиках, наряду с захоронениями в грунтовых могилах и на древней поверхности, а также скорченные положения отдельных погребенных Алая имеют аналогии именно в памятниках Памира, находящегося по соседству. Некоторая общность прослеживается и в материальной культуре, особенно в керамике.

* К сожалению материалы могильника Кошэтер не получили отражения в других публикациях, кроме кратких сообщений в «Археологических открытиях» и поэтому невозможно более подробно охарактеризовать их.

** Материалы Ю.Д.Баруздина и А.К.Абетекова также не опубликованными.

Но наиболее убедительные доводы дают нам антропологические материалы, свидетельствующие, что часть населения Алая в рассматриваемое время по расовому типу была близка населению Памира (т.е. нередко алайские черепа были средиземноморского типа и отличались допихокранией, как и саки Памира (*Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 133-135*). Наряду со средиземноморским типом, здесь отмечены и типы среднеазиатского междуречья с мезобрахикранией и переходные формы со средиземноморского типа к типу среднеазиатского междуречья (*Перевозчиков, 1970. С. 122-132; Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 133 - 135; Ходжайов, 1980. С. 154-155*).

Антропологические материалы Алая наглядно подтверждают о проживании здесь в рассматриваемое время разных этнических групп населения сакской общности. Пастбища просторной Алайской долины с богатой кормовой растительностью и обилием пресной воды привлекали население соседних близлежащих и даже отдаленных территорий во времена господства кочевого скотоводческого хозяйства. Этим и объясняется, видимо, существование разных обрядов погребения: в грунтовых могилах, на древней поверхности как в Фергане и в каменных ящиках, как на Памире, как результат пребывания здесь разных групп населения и отражающий различные направления их культурно-экономических связей. Это наложило отпечаток в целом на раннекочевническую культуру Алая.

Еще одним, наиболее хорошо изученным районом, примыкающим к северо-восточной Фергане, является долина Кетмень-Тюбе, расположенная в среднем течении р.Нарын. Это довольно замкнутая долина, расположенная между Атойнокским, Таласским, Сусамырским и Ферганским хребтами. Выход к Ферганской долине пролегал только по узкому ущелью, по дну которого несся мощный поток Нарына, а в долины Таласа и Чу можно было попасть только через горные перевалы. И.Кожомбердиев в 60-70-е годы раскопал здесь целую серию памятников, часть которых дала разнообразный и наиболее яркий материал по сакской культуре Кыргызстана.

Могильники Кетмень-Тюбе отличаются своим компактным расположением. Часто основу больших могильников составляют целочки крупных курганов, вокруг которых бессистемно расположены насыпи меньших размеров, что отражало существовавшую социальную дифференциацию в обществе ранних кочевников. Устройство же внутримогильных конструкций и погребальный обряд одинаков в больших и малых курганах. В долине отмечались и так называемые «длинные» курганы, наличие которых является характерной особенностью памятников ранних кочевников Ферганы (*Горбунова, 1961. С. 5; (Gorbunova, 1986. P. 30, 37; Ташбаева, 1981. С. 92-93*).

Насыпи курганов, в основном, земляные или каменно-земляные округлой формы. Захоронения совершались в простой грунтовой яме овальной или прямоугольной формы, ориентированной в основном по линии запад-восток. Очень часто могильные ямы имели перекрытия из дерева, а в северных стенках имелись ниши, в которых ставился погребальный инвентарь. Большинство за-

хоронений были одиночными, но изредка встречаются двойные захоронения или две-три могилы под одной насыпью (*Ташбаева, 1981. С. 93*). Погребенные лежали вытянуто на спине, обычно головой на запад, их сопровождал многочисленный и разнообразный инвентарь.

Мужчинам в могилы клали оружие: железные или бронзовые кинжалы, мечи, чекан, стрелы в колчане и др. Женщин сопровождали разнообразные предметы туалета, бытовой утвари, зеркала и украшения: серьги, кольца, подвески-амулеты, булавки, разнообразные бусы, раковины-каури и т.д. Несмотря на разграбленность захоронений еще в древности, в них обнаружены единичные предметы из золота, серебра и бронзы. Это, в основном, украшения или предметы конской сбруи.

Погребенных обязательно сопровождали глиняные сосуды, поставленные в изголовье, вдоль плеча или в специальных нишах, от одного до пяти-шести, редко до восьми-девяти сосудов в могиле. Изредка встречались каменные зернотерки и каменные жертвенники-алтари, а также другие предметы.

Самыми массовыми находками в сакских могилах Кетмень-Тюбе являются глиняные сосуды. Их найдено около 500 экземпляров. Это самая многочисленная и самая разнообразная коллекция керамических сосудов ранних кочевников Кыргызстана. В ней преобладают лепные круглодонные миски, чаши, горшки, кувшины грушевидной формы и кружки с петлевидными ручками. Интересную группу среди них составляют сосуды крашенные карминно-фиолетовой или красной краской, а также расписные. Расписная керамика Кетмень-Тюбе особо примечательна. По стилю росписи выделяются три группы орнамента сосудов: 1. Орнамент строго геометрический: треугольники, углы или ромбы, расположенные в один, два или три пояса. Они заполнены сплошной заливкой, косой штриховкой или сеточкой. 2. Орнамент, не имеющий геометрически правильных схем, а в виде извилистых, вертикальных косых линий и каплевидных подтеков, идущих сверху вниз, иногда от окрашенного венчика. 3. Третий тип росписи - негативный - представлен одной чашечкой из могильника Боз-Тектир. Его темно-серая хорошо заглаженная поверхность разделена на три пояса, в которых расположены короткие вертикальные полоски в цвете глины. Создается впечатление, что роспись нанесена как бы негативным способом (*Ташбаева, 1996. С. 73*).

Различие в типах росписи, вероятно, является результатом различных истоков их происхождения, что указывает на различные направления связей кочевников Кетмень-Тюбе. Группа сосудов с геометрическим орнаментом по качеству изготовления, мотивам росписи находит полные аналогии в материалах Актамского, Кунгайского и других могильников Ферганы VI-III вв. до н.э. и она происходит из Ферганских поселений. Сосуды же с росписью второго стиля, вернее сама роспись, видимо местного происхождения. Это подтверждается отличиями и в технологии изготовления. Если первые сосуды отличаются высоким качеством изготовления, роспись на них нанесена темной краской, четкими и правильными линиями, то вторые сосуды более грубоваты, роспись на них

нанесена небрежно, в виде мазков, простых или извилистых линий.

В Кетмень-Тюбе немало сосудов, изготовленных на гончарном круге, которые являются типичными для той же эйлатанской культуры. Она представлена также всеми типами посуды: мисками, чашами горшками, кувшинами и некоторыми оригинальными формами. Станковые сосуды и расписные геометрическим орнаментом, несомненно, ферганского происхождения и попали к кочевникам Кетмень-Тюбе в результате обмена или иных связей скотоводов с оседло - земледельческими племенами Ферганской долины.

Особую группу составляют чернолащенные сосуды, представленные почти всеми формами лепной керамики Кетмень-Тюбе. Их немалое число и они не встречаются в таком количестве в других районах, что является особенностью кетменьтюбинской керамики сакского времени. О происхождении этой группы сосудов нельзя сказать ничего определенного.

Таким образом, керамическая коллекция Кетмень-Тюбе, где имеются разные формы сосудов, часто окрашенные, расписные, чернолащенные, станковые и лепные, наиболее разнообразна и находит близкие аналогии, в некоторых случаях тождественность именно в керамике Ферганы, хотя она отличается от последней еще большим разнообразием, что отличает ее от других керамических комплексов синхронных культур. В Кетмень-Тюбе ярко представлены и другие категории вещей. Особо интересны предметы вооружения, которые состоят из бронзовых и железных кинжалов разных типов, бронзовых черешковых наконечников стрел и чекана. Немногочисленное конское снаряжение представлено прекрасным образцом стремячковидных бронзовых удил, различными подпружными и наременными бляхами и пряжками.

В Кетмень-Тюбе ярко представлены и предметы прикладного искусства ранних кочевников, выполненные в зверином стиле. Это серебряная полуферрическая бляха с изображением крылатых воинов, золотая серьга с фигурками двух соколов, украшенная цветными вставками и мелкой зернью, золотая фигурка петушка на подставке. Интересны маленькая нашивная бляшка с рельефным, очень четким изображением тигра, готовящегося к прыжку, объемная фигура стоящего льва из листового золота. Две бронзовые бляшки с изображениями тигров с оскаленной пастью, вероятно, являющиеся украшениями конской узды. В эту же группу входят и бронзовый кинжал с навершием украшенным двумя головками горных баранов и т.д. Все эти находки подтверждают, что раскопанные в Кетмень-Тюбе культуры были оставлены одной из грепп сакских племен, а также демонстрируют высокий уровень развития их культуры здесь, особенности художественного мастерства ювелирного дела. Эти предметы наряду с очень богатейшим комплексом керамической коллекции, ярко характеризуют сакскую культуру Кетмень-Тюбе и ее отличия от многих синхронных культур Центральной Азии (Кожомбердиев, 1986; Ташбаева, 1987. С. 16).

Горная и предгорная зона, примыкающая к Ферганской долине, археологически изучена далеко не равномерно. Огромная территория от

Алайского хребта на юге до западных отрогов Ферганского хребта на северо-западе является фактически белым пятном в археологическом плане, что еще не позволяет достаточно полно охарактеризовать сакскую культуру Восточной Ферганы.

В целом же в эпоху раннего железа на территории Восточной Ферганы с Ошским оазисом и в прилегающих к нему горных и предгорных зонах проживало этнически родственное население сакского круга. Его представители имели много общих черт в культуре, но проявляли и свои некоторые особенности, обусловленные многими причинами географического, климатического характера и, конечно, разными направлениями культурно-экономических связей.

Литература:

1. Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Ташкент. 1951
2. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, М., Л., 1952.
3. Винник Д.Ф. Работы в Узгенском оазисе. //Археологические открытия 1969 года. М., 1970
4. Вишневецкая О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья. // Проблемы скифской археологии. МИА, 177. М., 1971.
5. Гамбург Б.С., Горбунова Н.Г. Ак-Тамский могильник. //КСИИМК, вып. 69. М., 1957.
6. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972
7. Горбунова Н.Г. Кунгайский могильник. //АСГЭ, 3, Л., 1961.
8. Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. //АСГЭ, 5, Л., 1962.
9. Горбунова Н.Г. К истории Ферганы в эпоху раннего железа. //СА, 4, М., 1962а
10. Горбунова Н.Г. Суфанский могильник. //АСГЭ, 11. Л., 1969.
11. Горбунова Н.Г. Фергана в кушанское время. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. П. М., 1975
12. Горбунова Н.Г. Фергана по сведениям античных авторов. //История и культура народов Средней Азии (древние и средние века). М., 1976
13. Гумбах, Г. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. П. М., 1975
12. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА-118. М., Л., 1962
13. Заднепровский Ю.А. Ошский оазис в древности. // Археологические открытия 1979 года. М., 1980.
14. Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана. // История Киргизской ССР. т. 1. Ф., 1984.
15. Заднепровский Ю.А. Фергана. //Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.
16. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории и культуры Южного Кыргызстана в свете новых данных (1976-1984 гг.). // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1997.
17. Заднепровский Ю.А., 1997. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек.
18. Кожомбердиев И.К. Работы в зоне водохранилища Токтогульской ГЭС. // Археологические открытия 1969 года. М., 1970.

19. Кожомбердиев И.К. Новые данные о сакском периоде в долине Кетмень-Тюбе. // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
20. Кожомбердиев И.К. Новые данные могильника Ак-чий-Карасу. // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.
21. Кожомбердиев И.К. Саки Кетмень-Тюбе. // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. Фрунзе, 1975.
22. Кожомбердиев И.К. Искусство саков Тянь-Шаня. // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975а.
23. Кожомбердиев И.К. Основные этапы истории и культуры Кетмень-Тюбе. // Кетмень-Тюбе. История и археология. Фрунзе, 1977
24. Кожомбердиев И.К. Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н.э. – VII в. н.э. долины Кетмень-Тюбе). АҚД. П., 1986
25. Кожомбердиев И.К., Ташбаева К.И. Глиняных дел мастера. // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.
26. Латынин Б.А., 1935. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане. // Отчет о работах ИГАИМК, вып 10. С. 120-157.
27. Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. Юридические документы и письма. Чтение, переводы и комментарии В.А.Лившица. М., 1962.
28. Литвинский Б.А. Саки, которые за Согдом. // Труды АН Тадж.ССР. т. 120., 1960.
29. Литвинский Б.А. Рецензия: Ю.А.Заднепровский. Древне-земледельческая культура Ферганы. // СА, 4. М., 1965.
30. Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.
31. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957.
32. Массон М.Е. К вопросу о северных границах государства «великих кушан» // Центральная Азия в кушанскую эпоху. П. М., 1975.
33. Обельченко О.В. Курганы ранних кочевников в низовьях Зеравшана. // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
34. Оболдуева Т.Г. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан. // КСИА, вып. 91. 1962.
35. Перевозчиков И.В. К палеоантропологии населения Алая в сакское время. // ВА, вып. 34. 1970.
36. Салтовская Е.Д. Некоторые новые данные о «ферганских кочевниках», // УСА, 3, с.36-39. 1975.
37. Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане. // КСИА, вып. 154, с.35-99. 1978.
38. Ташбаева К.И. Раннекочевнический могильник Джаргата. // КСИА, вып. 167, с.91-94. 1981.
39. Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (вопросы хронологии и локальных вариантов). // АҚД. П., 1987.
40. Ташбаева К.И. О расписной керамике ранних кочевников Тянь-Шаня. // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.
41. Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
42. Gorbunova N.G. 1986. The culture of Ancient Fergana VI century B.C. - VI century A.D. // BAK International Series 281. Oxford.
43. Herrmann., 1916. Jakartes - Paulus. Real Enciclopedie der classiscaen Altertums-sissenschaft. Neue Realbeitung begonnen von Georg Wiscowr 13. IX.
44. Herzfeld, 1932. Sakastan. AMI. Bd. 1Y. Berlin.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- АКД - Автореферат кандидатской диссертации...
АСГЭ - Археологический сборник Гос.Эрмитажа.
ВА - Вопросы антропологии.
ИГАИМК - Известия Гос. Академии истории материальной культуры
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
МИА - Материалы и исследования по археологии. СССР.
СА - Советская археология\
УСА - Успехи среднеазиатской археологии.

СРЕДНИЕ ВЕКА

НОВОЕ ВРЕМЯ

признаки	ранг	средний ранг	%	место	ранг	средний ранг	%	место	разность рангов	разность %
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ДРЕВНИЙ ЭТНОС										
Запад. иранцы	5,25	4,68	29,8	УП	6,9	5,84	25,7	УШ	-1,65	-4,1
Согдийцы	4		40,3		3,6		49,1		+0,4	+8,8
Турки	5		29,9		7,04		25,2		-2,04	-4,7
НОВЫЙ ЭТНОС										
Таджики	1,5	2	40	Ш-IV	1,66	1,8	36	II	-0,16	-4
Сарты	3		20		2,12		28		+0,2	+8
Кочев. скотовод.	1,5		40		1,66		36		-0,16	-4
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ										
Зороастризм	6,25	5,15	16,2	УШ	4,43	4,53	18,8	УП	+1,82	-2,6
Культ огня	5,5		18,3		3,77		26,2		+1,73	+7,9
Идолопоклонст.	5		20,3		3,77		26,2		+1,23	+5,9
Кочевн. культы	4,25		24,4		4,54		17,6		-0,59	-6,8
Ислам	4,75		21,2		6,12		11,2		-1,37	-10
ПОСЕЛЕНИЯ										
Город	3	3,1	52	У	2,45	3,32	63,6	UI	+0,55	+II,6
Селак	3,2		48		4,2		36,4		-1	-II,6
ВОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ										
Большая река	4,5	4	43,75	UI	3,18	3,12	49,04	У	+1,32	+5,29
Малая река	3,5		56,25		3,06		50,96		+0,44	-5,29
ЛАНДШАФТ										
Оазис	1,75	1,75	100	П	2,79	2,79	100	IУ	-1,4	=
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ										
Классовое об-во	2	2	100	Ш-IV	1,98	1,98	100	Ш	+0,02	=
ХОЗЯЙСТВО										
Земледелие	I	I	100	I	1,5	1,5	100	I	-0,5	=

Общий средний ранг 2,96 51,32

3,11 48,68 -0,15 -2,64

Раздел III.

ФЕРГАНА И ЕЕ СОСЕДИ В ДРЕВНЮЮ ЭПОХУ

Е. Г. Дэвлет

(Москва)

ЛАБИРИНТЫ СУЛАЙМАН-ТОО

В уникальном комплексе петроглифов Сулайман-Тоо особо выделяются изображения лабиринтов. Эти фигуры геометрических очертаний выбиты широкими линиями на ориентированной на северо-восток большой горизонтальной площадке в верхней трети восточного склона. Первый лабиринт крупный, размером около 0,7 м., внутреннее пространство округлого контура проработано несколькими витками, в верхней части, возможно, прошлифована пунка, вход показан двумя довольно длинными параллельными линиями. Рядом расположен второй лабиринт значительно меньших размеров, проработанный, вероятно, в виде серии незамкнутых линий-скобок подовальных очертаний. К сожалению, в результате природного и антропогенного воздействия в настоящее время не представляется возможным достоверно выявить очертания этих изображений. Имеющиеся копии отличаются друг от друга. Хранящаяся в музее отливка, выполненная по инициативе Е. В. Дружининой, и прорисовки Л. Ж. Жусупакутова являются по сути дела авторскими реконструкциями. Наши, совместно с Б. Э. Аманбаевой, полевые наблюдения также дали несколько отличные результаты.

Изображения лабиринтов представляют устойчивый мотив наскального искусства. Они встречаются по всему миру и их можно отнести к универсальному набору знаков-символов. С древности и до наших дней лабиринт остается иконографическим, мифопоэтическим и философским мотивом, скальная поверхность - лишь один из материалов, на который наносились подобные фигуры. Изображения лабиринтов появились, возможно, еще в эпоху верхнего палеолита, когда они еще не обрели своей "классической" формы и представляли собой свободно переплетающиеся линии - "макароны". Лабиринты могли создаваться и как архитектурные сооружения, широко известные загадочные выкладки из камней, распространенные на европейском севере от Ирландии до Новой Земли. Многочисленные лабиринты на Кавказе, в частности в качестве элементов архитектурного декора. Встречаются лабиринты не только в Евразии, но и в Америке, а также в Австралии, где связаны с обрядом инициаций и выполнялись на дереве, песке, керамике и пр.

Иконография лабиринта различна, но исходной простой его формой был незамкнутый контур вокруг обозначенного центра. В центр или в "привходную" часть лабиринта могут быть вписаны дополнительные фигуры-антропоморфные изображения, кресты, змеевидные и спиралевидные линии. С лабиринтом смыкаются еще две графические формы - спираль (или волюта) и меандр, ко-

торые иногда рассматривались как сильно стилизованные варианты мотива лабиринта (Кабо). Как лабиринты описывает, более простые криволинейные фигуры Д. Г. Савинов (изображения на тесинских плитках).

Лабиринты Сулайман-Тоо интересны тем, что, возможно, демонстрируют графическое становление этой формы. Большой лабиринт имеет "классические" очертания - прямой раскрытый вход, плавно изгибающаяся кривая, повторяя линию подокруглого контура и, стремясь к центру, образует запуганные ходы. Меньший по размерам лабиринт близок к более архаичной "скобочной" форме.

Не рассматривая многочисленных вариантов меандрирующих и спиральных мотивов в наскальном искусстве, остановимся на аналогиях "классической" формы ошским лабиринтам. Элементы сходства с лабиринтами Сулайман-Тоо демонстрирует лабиринтоподобная фигура из урочища Мойнак в Восточном Казахстане, в которую вписаны схематические антропоморфные изображения. Еще одна близкая аналогия отмечается среди петроглифов Найдупали, памятника, расположенного в штате Андхра Прадеш на юго-востоке Индии. Встречаются лабиринты и в долине Вал Камоника на севере Италии, где этот знак даже выделен Э. Анати в перечне типичных мотивов в качестве отдельной категории. На западе Иберийского полуострова есть несколько изображений лабиринтов, им часто сопутствуют стопы и древовидные фигуры. Изображения лабиринтов на скалах и каменных плитах известны в Великобритании (Корнуолл) и Ирландии ("Голливудский камень"), несколько удивительно схожих с ними фигур отмечено на Американском континенте.

Лабиринт - это образ бесконечности, Вселенной, разворачивающейся вокруг центральной точки. Устойчивость мотива лабиринта в культуре определялась, скорее всего, воплощенными в нем и не утратившими актуальности идеями вечного движения, синтезом тайны конечного и бесконечного, способностью этого знака к моделированию жизни тела и души, пути в самом широком понимании, но не прямого, а предполагающего блуждание в потемках, скитание и, в конечном счете, переход в потусторонний мир, из жизни в смерть.

По-видимому, возникновение мотива лабиринта изначально связано с путем в неизведанные глубины пещер. Семантическая связь лабиринта, пещеры, иного мира нашла отражение в культах пещер, гор и камней. Возможно, что лабиринт был олицетворением пути в иной мир, в обитель мертвых. Форма лабиринта могла придаваться погребальным и поминальным объектам, или в них включались его изображения. Символика лабиринта выходит за рамки простого противопоставления мира живых и мира мертвых. Его вход и выход, совпадая графически, семантически соотносятся с разными сферами мироздания. Пройдя лабиринт

со всеми его тупиковыми закоулками, выйти из него можно было лишь в ином качестве или, попадая в другой мир. В этом аспекте лабиринт становится эквивалентом инициации, приобщения к миру мертвых, смерти в одном качестве и возрождения в другом. Сложность, синкретичность семантики лабиринта, его загадочная, запуганная форма привели к тому, что выдвигались многочисленные трактовки этого знака. В частности Д.Ж. Жусупакматов трактовал ошские лабиринты как свидетельства астрономических наблюдений древнего населения этого региона.

Г. Ф. Коробкова (Санкт-Петербург)

МЕЗОЛИТ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ И ЕГО МЕСТО СРЕДИ СИНХРОННЫХ КОМПЛЕКСОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Восточная часть Средней Азии являлась объектом пристального внимания со стороны разноплеменных групп охотников и собирателей, осваивающих эту благодатную территорию с древнейших времен и оставивших здесь свыше 200 стоянок с разрушенным культурным слоем, 6 стоянок открытого типа, в том числе многослойных. В плане насыщенности археологическими памятниками первобытной эпохи особенно выделяется Ферганская долина. Хотя ее заселение началось со времен раннего палеолита, однако, наиболее активное освоение пришлось на эпохи мезолита и неолита.

Первоначально мезолитические охотники и собиратели облюбовали для своих поселений северо-восточную часть Ферганской долины, заняв благоустроенную пещеру Таш-Кумыр, исследованную кыргызскими археологами М.Б. Юнусалиевым и О. Омуралиевым. Она расположена в предгорьях на левом берегу р. Кара-Суу при впадении ее в р. Нарын. Затем мезолитические охотники и собиратели двинулись в долину р. Сох с юга, найдя там не менее комфортабельное, чем Таш-Кумыр, пещеры Обишир 1,2,3,4,5. Научные изыскания пещер провел узбекский археолог У.И. Исламов. Своим названием они получили от сая Обишир, на котором расположены пещеры. Позднее группы мезолитических охотников проникли в центральную часть долины, раскинув свои стоянки и поселения вокруг древних озер Дамкуль, Ащиккуль, Иттак-кала, Шоркуль, Узунккуль, Тайпаккуль, на песчаных грядах Кызыл-Тюбинского массива, вблизи родников и в уютных песчаных котловинах. В целом таких стоянок и местонахождений насчитывалось свыше 120.

В настоящее время, на базе обнаруженных и исследованных памятников, выделена особая обиширская мезолитическая культура. Впервые вопрос о своеобразии Ферганского мезолита был поставлен автором еще в 1968 г. Но тогда еще не было открыто ни пещеры Таш-Кумыр, ни Обишир 1-5. С их появлением удалось выделить обиширский мезолитический комплекс (Коробкова, 1970) и заострить внимание на возможном выделении выходящей там особой мезолитической культуры.

Стал очевидным и более поздний возраст открытых ранее центрально-ферганских стоянок и местонахождений и доказательств выделения обиширской культуры. Точку в последнем вопросе поставил У.И. Исламов (1977).

Позднее после тщательного анализа полученного материала У. Исламов и В.И. Тимофеев, которому принадлежит открытие многочисленных памятников в центральной части Ферганы, выделили два последовательных периода в развитии обиширской культуры – ранний и поздний (Исламов, Тимофеев, 1986). К раннему были отнесены Обишир 1-5 и стоянки Иттак-кала 1 и 2, Аччик-куль 7, Янгикадам 21, Тайпак 3, 5, 7, 13, Аччик-Куль 3, Замбар 2 и др. Оба исследователя определили возраст обиширской культуры средним и поздним мезолитом. Памятники переходного периода авторы отнесли к особой центрально-ферганской культуре, связанной генетически с обиширской.

По мнению автора, обиширская культура, включающая и пещерные и равнинные стоянки и месторождения, объединяет все три группы памятников, в том числе переходную от мезолита к неолиту, неразрывно связанные между собой. Эти группы являются этапами последовательного развития обиширской культуры (Коробкова, 1989).

Каменные индустрии всех трех этапов различаются использованием разного сырья, соотношением ряда заготовок и типов изделий, размерами геометрических микролитов или отсутствием концевых скребков на крупных пластинах, скребел, острий типа шательперрон и др. Все это свидетельствует о хронологических, а не культурно-генетических различиях. В то же время их характеризует единство пластинчатой техники расщепления с микропластинками в качестве типичных (средний этап) и определяющих (поздний) заготовок, техники оформления изделий и набора орудий (за исключением тех расхождений, что отмечены выше).

Автор выделяет три периода в развитии обиширской культуры: ранний, средний и поздний. Первый характеризуют материалы пещер Таш-Кумыр и Обишир 1-5. Основными заготовками орудий служили крупные и средние пластины, реже отщепы и гальки или их осколки.

Пластинчатые заготовки снимались с округлых, плоских призматических и конусовидных нуклеусов. Орудия отделялись крупной грубой чешуйчатой и мелкой затупливающей, краевой, односторонней ретушью. Изредка использовалась краевая встречная "гелуанская" ретушь, широко представленная в синхронных индустриях Ближнего Востока. Набор орудий включал пластины с ретушью, выполнявшие функции вкладышевых инструментов, и скребки на отщеплах и макропластинах. Среди последних есть концевые, в том числе с ретушью по периметру, нуклевидные и микроскребки (чуть более или около 2%). Показательны острия типа шательперрон с крутым выпуклым дугообразным боковым краем, типа граветт, низкие крупные единичные сегменты с утолщенной пологой дугой, оформленной встречной ретушью. Единичны чопперы, чоппинги, скребла, костяные иглы, шилья, ложила. Практически нет микропластин.

Индустрия Таш-Кумыра, хотя и носит идентичный характер, но по сравнению с Обиширами 1-5 выглядит более архаичной за счет острий типа

шательперрон и сегментов очень крупных размеров и грубости заготовок.

К среднему (второму) периоду отнесены стоянки Янгикадам 21, Аччик-Куль 7, Тайпак 1 (ранний комплекс), Иттак-Кала 1 и 2, Ащик-Куль, Мадьяр и др. Техника расщепления и изготовления орудий повторяет традиции раннего этапа. Здесь тоже характерно сочетание пластинчатой и отщеповой техники. Но уже 35-40% всех заготовок составляют микропластинки. В наборе изделий сокращается число концевых скребков на целых макропластинах и увеличивается количество скребков на отщепах и микро-скребков (до 35%). Сегменты и трапеции сохраняют асимметричность очертаний, призмистость пропорций, размеры их уменьшаются. Из других орудий повторяются острия стержневидной формы и типа шательперрон, чопперы, чоппинги, скребла. В ряде стоянок появляются двусторонне обработанные наконечники стрел, долотовидные изделия на нуклеусах и отщепах с подтеской концов.

Поздний, заключительный период обиширской культуры характеризуют материалы переходного этапа от мезолита к неолиту: стоянки Аччик-Куль 3, Замбар 2, Тайпак 13, Мадьяр 11, Бекабад 3 и 4, Шоркуль 2 и др. Индустрия названных памятников выделяется усиленной микролитизацией техники расщепления и изготовления орудий (50-60% орудий выполнены из микропластин). Широко используется вкладышевая техника. Снятие заготовок по-прежнему происходило с плоских призматических и подклиновидных нуклеусов, но появились карандашевидные формы, как показатель полного срабатывания конусовидных ядрищ, используемых еще в раннем периоде. Продолжали использоваться, хотя и единично, крупные и средние пластины и отщепы. В наборе орудий по-прежнему определяющими типами являлись скребки, разных форм и размеров: концевые, округлые, нуклевидные, микроскребки. Единичны отщепы с подтеской концов, острия типа шательперрон и граветт. Трапеции и сегменты приобретают миниатюрные размеры при сохранении призмистых пропорций. Галечных орудий нет.

Время раннего периода обиширской культуры хорошо синхронизируется со временем мезолитического горизонта "2а" поселения Туткаул (Таджикистан), который ориентировочно датирован по вышерасположенному горизонту 2, имеющему радионуклидную дату 6090±170 лет до н.э., IX-VIII тыс. до н.э. Стадиально начальный этап можно сравнивать с мезолитической стоянкой Ошхона VIII тыс. до н.э., 11-28 слоями пещеры Гари-Камарбанд (Иран), пещерой Али-Таппех (Иран), датированными по с 14 IX-XI тыс. до н.э. Время позднего периода обиширской культуры ориентировочно можно сопоставить с материалами джейтунской раннеземедедильской культуры конца VII-начала VI тыс. до н.э. и пещеры Мачай VI тыс. до н.э. Но это сравнение на стадильном уровне, т.к. прямых аналогий с какими-либо конкретными синхронными памятниками обиширская культура не имеет.

Таким образом, вся обиширская культура с большой осторожностью охватывает рамки IX-VII (может быть и начало VI) тыс. до н.э. Ее генетические корни пока не прослеживаются.

ФЕРГАНА. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (второе тысячелетие н. э.)¹

Наши знания об историческом прошлом населения Ферганской долины, на первый взгляд, для создания реальной истории насельников этой части Средней Азии, вполне достаточны. Тем не менее обилие исследований археологов, антропологов, этнографов и других специалистов - историков, далеко не полно освещает историю Ферганы, особенно это заметно при элементарной формализации наших знаний. Строгий отбор достоверного материала, исключающего какое-либо двойственное толкование событий и ситуаций, показывает существование больших белых пятен в рассматриваемом сюжете. В первую очередь, это относится к унификации содержания используемых понятий.

Наиболее четкие дефиниции дают географы, определяя Фергану как обширную впадину, ограниченную с севера, востока и юга горными хребтами. Но и географическое определение недостаточно четкое для исследования истории населения. Где проходит граница - по вершинам хребтов или по их подошвам? Это принципиальный вопрос, без решения которого невозможно определение границ историко-культурного ареала (ИКА). Ставить знак равенства между историческим прошлым горцев и жителей равнины без доказательств их культурного тождества нельзя. Но на этот шаг пока никто не решился. В данном случае требуется доказательство тождества между двумя понятиями - Ферганская долина как объект географической науки и Фергана как историко-культурный ареал. Тождественность границ этих понятий не доказана. Много неясного и дискуссионного в историческом прошлом этого ИКА. Применительно к прошлому Ферганы историческая наука в большей мере имеет дело с территориально-политическими дефинициями как: Давань, хунну, арабы, Караханиды, Сасаниды, Тюркский каганат и т. д. "Этническая нагрузка" этих терминов применительно к Фергане требует специальных исследований. До сих пор вызывает дискуссии историческая "иерархия" соподчинения политических и этнических образований и уровни их "самостоятельности". Спорным остается вопрос и об их внутривнутриполитическом обустройстве. Если для кочевых обществ это направление в исторической науке имеет весьма заметные успехи (Марков, Масанов), то применительно к оседло-земледельческим обществам особого прогресса пока не видно. В одинаковой мере это касается характеристики всех аспектов ферганского общества. На протяжении последних более чем 2000 лет чехарда названий династий, народов, племен и царей не выстроена в мало-мальски удобоваримую систему. Нет до сих пор сколько-нибудь внятной истории населения ("народа") Ферганы.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 98-2-1а/20.

на хлеб). Применительно к Средней Азии, энергетический кризис усугубляют и циклические катаклизмы в виде чередования сухих и влажных периодов. Последние несколько тормозили развитие кризисных явлений, но не могли (и не могут) полностью восстановить потенциал поверхностных, а порой и подземных вод. У нас нет свидетельств ни государственных (письменных) до завоевания Средней Азии Россией, ни "традиционных" (этнографических) о природоохранных действиях населения в регионе.

Активному использованию водных ресурсов в Фергане способствовали природные условия. Для орошения полей использовалась (разбиралась) вода из многочисленных речек и ручьев, стекавших с гор ("самотек") к Сырдарье. Здесь не требовалось сооружения больших заборных сооружений, как, например, на Заравшане. Это способствовало быстрому освоению, без особых трудовых затрат, больших площадей. Крупные оросительные каналы в Фергане (БФК и СФК) были построены только в XX в.

Экономическая выгода всегда ставилась населением превыше всего. Один из близких к нашему времени пример - постановление Туркестанского генерал-губернатора о запрещении прогона скота по предгорьям, где сохранялись остатки лесов. Несмотря на штрафы, размеры которых, порой, достигали стоимости самого "прогоняемого" животного, запреты практически не соблюдались.

В этой связи соотношение земледельческого и скотоводческого населения на формирование жизненной среды населения долины выступает достаточно важным фактором. Подробно, применительно к западной части Ферганы это исследовано В.И. Бушковым. Обращает на себя внимание и хозяйственная поливариантность при моноэтничности скотоводческого населения. Это само по себе становится этнообразующим фактором. Различия в типе скотоводческого хозяйства тех же кипчаков создали несколько групп, у которых этнообразующим фактором стал тип хозяйственной деятельности. При этом часто воспринимался этноним соседнего "древнего" (т.е. раньше поселившегося здесь) населения, имевшего тот же хозяйственный уклад.

Примечательно, что большинство авторов XVIII-XIX вв., писавших о населении Ферганы, для обозначения какой-либо группы населения использовали чаще топоним, нежели этноним. Этнонимы чаще применялись для обозначения больших групп скотоводческого ("кочевого") населения, расселенного преимущественно в горной части котловины. Что же касается жителей городов и больших сельских поселений, то здесь топонимы абсолютно преобладали, источники сообщают о жителях Коканда (кокандцы), Маргелана (маргеландцы), жителях Чуста и т.д. Скотоводов чаще называли по имени предводителя ("старшины") или по месту выпаса скота ("кочевания"). Часто в источниках, применительно к сельским местностям, в добавлении к топониму указывался и этноним - «таджики Чадака» и т.п. Этнонимы чаще использовались для обозначения населения отдаленных от места жизни респондента территорий. Такое развернутое предисловие потребовалось не

для дискредитации и опровержения существующих конвенций (конструкций) истории формирования ферганцев, в том числе и кыргызов Ферганы. Даже если бы это и ставилось целью, то достичь ее в рамках одной работы нереально. Я преследую другое: показать место населения Ферганы в более масштабной системе - в пределах Средней Азии.

Главное внимание в данном случае уделяется последним временным этапам в формировании населения Ферганы - средним векам и новому времени, именно в этот период складывалось "новое" оседлое земледельческое и скотоводческое население долины. К сожалению, мы не располагаем в необходимой мере наиболее объективными "материальными" (т.е. археологическими) источниками по истории скотоводческого населения и должны довольствоваться лишь фрагментарными письменными свидетельствами о нем.

Применительно к историческому прошлому оседло-земледельческого населения Ферганы, массовый археологический материал - средневековые погребальные сооружения - позволяют с большей мерой достоверности проследить процесс формирования населения. В этой связи мною используются только те данные, которые признаны подавляющим большинством исследователей и главное, против которых не выдвинуты сколько-нибудь серьезно обоснованные контраргументы. Были отобраны восемь факторов (см. таблицу), которые разделены на 30 признаков. На территории Ферганы из 50 факторов зафиксировано лишь 18. Подробно использованная методика обработки материала опубликована в "Российском этнографическом журнале" (вып. 13 и 14, 1993г).

Приводимые в таблице цифры показывают значение того или иного фактора и признака, а не его "массу", при этом надо иметь в виду, что в таблице приведены данные, отражающие значение того или иного фактора (признака) применительно лишь к Фергане. Для Средней Азии их значение будет иным.

В средневековье (до XII в. включительно) наибольшее значение в формировании населения имел главный вид хозяйственной деятельности - земледелие. Уровень его развития определял и значимость сразу трех факторов - "ландшафта", представленного признаком "оазис", "социальной структуры" общества в виде признака "классовое общество" и фактора "новый этнос", который состоит из трех признаков - "таджики", "сарты", "кочевые узбеки". Последний признак имеет условное название. Он введен для отличия тюркоязычных скотоводов "средневековья" от древних "тюрков", занимавших значительные территории Ферганы в первом тысячелетии н.э. При этом два антипода - показатель оседло-земледельческих "таджиков" равновелик показателю "кочевых скотоводов". Внутригрупповой ранг "сартов" вдвое меньше, нежели ранги таджиков и скотоводов. Наши материалы подтверждают концепцию, исповедуемую частью исследователей, которые считают тюркоязычных сартов Ферганы результатом отторжения местного ираноязычного населения, оседавшими в оазисе тюркоязычными скотоводами.

“Новому этносу” по значимости равен фактор “социальные отношения”, представленный здесь признаком “классовое общество”. Следует оговориться, что термин “классовое общество” отнюдь не подразумевает “феодалы” или “патриархально-феодалы” отношения. Применительно к рассматриваемой ситуации следует использовать термин “общинно-деспотическая” формация.

Поселенческий фактор представлен «городом» и «кишлаком». Значение мест поселений достаточно велико. Преимущество «города» небольшое. Применительно к Фергане между сельскими и городскими поселениями разница не велика. Здесь нет различия в организации типа поселений. Город отличается от села лишь количеством махалля и наличием в нем того или иного ранга чиновников. Хозяйственные занятия жителей были одинаковыми. Ремесло не было исключительно городским занятием, как и сельское хозяйство – занятием только сельчан. Наиболее яркий тому пример - Ходжент XVIII - начала XIX вв. тот же Чуст в XIX в. Как правило, статус города получали места поселения правителей разных рангов. Поэтому на территории Ферганы было очень много поселений без «определенного» статуса - Пап, Чадак, Чуст и др. Это и не села, и не города по современной номенклатуре.

Важнейший фактор, являющийся по мнению ряда исследователей, ведущим – и это “водные источники”. В Фергане они являлись организующим фактором жизнеобеспечения. При этом роль небольших рек («малая река») заметно выше, нежели «большой реки» – Сырдарьи. Воду из последней поднимать на поля в доиндустриальную эпоху было невозможно. Здесь следует иметь в виду, что рассматривать воду только в качестве фактора хозяйственной деятельности неправомерно. Вода, это прежде всего, условие жизни вообще. Без нее невозможно существование органической жизни вообще.

Значительно меньше влияние на формирование средневекового населения Ферганы оказывали древние насельники долины или “древний этнос” (традиция). Здесь преимущество имеют «согдийцы», древнейшее (из известных этнонимов) земледельческое население. Можно с уверенностью утверждать, что западно-иранский и тюркский компоненты значат в формировании средневекового населения Ферганы значительно меньше, чем согдийцы.

На последнем месте в иерархии факторов разместились идеология - «религиозные верования». Здесь выявляется наибольшее разнообразие. Самые древние системы - «зороастризм», “культ огня” и «идолопоклонство» (не исключено, что два последних признака можно будет в дальнейшей работе объединить) значительно по влиянию уступают новым, пришлым системам - «кочевническим культурам» и «исламу». Скорее всего это следует объяснять политическим господством носителей этих религиозных систем. С одной стороны, это влияние «кочевого» Тюркского каганата (V-VI вв.), с другой - Арабский халифат и завоевание Средней Азии арабами (VIII в).

В целом средневековое население Ферганы, как сложившийся социум в системе ИКА, следует оценивать достаточно высоко.

Его ранг равен 2,96, т.е. на условной иерархической лестнице он находится не на много выше третьего места.

В новое время в этноформирующих процессах произошли заметные изменения. Они касаются не столько очередности размещения факторов, сколько их внутреннего содержания (оценки в рангах). На первом месте сохранилось земледелие как основа существования общества. В то же время ранг «земледелия» существенно - на треть - опустился по ступенькам». Очень заметно в новое время выросло значение этнической принадлежности, т.е. «нового этноса». Это, по-видимому, может отражать культурную нивелировку ферганского социума и языковые различия, сохраняющиеся в некоторых регионах, отходя на второй план. На первое место выходят «сарты». Одинаково снижается уровень показателей «таджиков» и «узбеков». Можно предполагать, что если бы не события начала 90-х годов XX в., то через какое-то время процесс фактического формирования ферганского социума был бы завершен.

Социальные структуры несколько отступили в общей субординации, но увеличили свое ранговое значение. Это событие произошло на фоне резкого снижения «веса» географического фактора. «Оазис» опустился на 4 место в общей иерархии и, что особенно важно, на ранг снизилось его значение.

В качестве компенсации значимости природных факторов очень заметно увеличилось влияние «водных источников». Если в эпоху средневековья главенствовали в орошении и вообще в водоснабжении «малые реки», то в новое время увеличилась значимость «большой реки» - Сырдарьи, что, вероятно, отражает строительство двух больших каналов - БФК и СФК. На фоне водного голода увеличилась и значимость малых рек.

Заметно увеличилась значимость «города» не только в ранге, но и в процентном соотношении «города» и «кишлака». Вероятно отразилось развитие промышленного производства в городах и нивелировка всех сторон традиционной культуры и ее интернационализация.

Весьма примечательно ведет себя фактор «религиозные верования». Все «старые» религиозные системы - «зороастризм», «культ огня» и «идолопоклонство» увеличили свое ранговое значение в противовес «кочевническим культурам» и «исламу». Возобладала традиция земледельческого общества Ферганы над привнесенными извне посторонними завоевателями системами. Об этом же свидетельствует и фактор «древнего этноса». Здесь заметно увеличилась значимость самого древнего (из рассматриваемых) этнического (языкового и культурного) компонента - согдийского.

В целом же приходится констатировать достаточно печальную ситуацию - деградацию ферганского общества от средневековья к современности. В ранговом выражении это 2,95 в средние века и 3,11 в новое время. Для сравнительно (с точки зрения истории) непродолжительного временного отрезка это немало. В процентном выражении общество стало на 2,64% менее гармонично, нежели оно было в средние века. Энергетический потенциал населения Ферганы не только не увеличился, но даже уменьшился. Это общая тенденция обществ древних цивилизаций.

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ФЕРГАНЕ

Наиболее ранние письменные известия о Фергане, как и о целом ряде государств Дальнего Востока и Центральной Азии, содержатся в китайских источниках. Официальная китайская историография, явившаяся поистине золотым вкладом Китая в мировую культуру, базировалась на идеологическом постулате всевластия императора Поднебесной, которому помимо ханьцев подчинялись либо потенциально готовы были подчиниться все прочие народы, живущие на земле. Такой подход обусловил структуру китайских династийных историй, где, в первую очередь, в разделе "Основные записи" (Бэнь цзи) рассматривались в хронологическом порядке основные внутриполитические события в периоды царствования отдельных монархов, затем в разделе "Таблицы" (Бяо) излагалась детальная хронология событий, в разделе "Трактаты" (Чжи) - конкретные вопросы жизни государства, связанные с науками, землеустройством, календарем, административно-территориальным управлением и т.д. и, "наконец", в "Биографиях" (Ле чжуань) приводились жизнеописания видных исторических деятелей, начиная с представителей императорской фамилии и выдающихся подданных и заканчивая сведениями о бунтовщиках, выступавших против правящей династии ("злодеях"), а также о народах, которые находились в сфере китайского влияния или могли быть в нее вовлечены. Известия о некитайских народах включали обычно указание (описание) местопребывания правителя, расстояние от китайской столицы, сведения о численности населения и армии, иногда информацию исторического и этнографического характера, т.е. представляли собой набор данных, необходимых для эффективного управления народом или местностью.

Рассмотрение традиционной китайской идеологией вселенского пространства как единого политического целого формировало практику международных отношений и внешнеполитическую доктрину Китая. Так, в Китае никогда, вплоть до новейшего времени, не существовало министерства иностранных дел, а все вопросы внешней политики решались, как правило, палатой ритуала. В исторических источниках применительно к некитайским народам использовалась китайская титулатура, а названия государств иногда воспроизводились по имени (собственному или родовому) местного правителя, иногда фиксировались по-китайски, иногда воспроизводились в соответствии с местным наречием, иногда на языке третьих народов. Подробное географическое отождествление территорий и населенных пунктов с ныне существующими было сделано в работах А. Хулсвэ и М. Леве (*Hulwese, Loewe, 1979*), Л.А. Боровковой (*Боровкова, 1989*) А.Г. Малявкина (*Малявкин, 1989*).

Согласно китайским историческим сочинениям, наиболее раннее название Ферганы - Даюань, так она названа в "Исторических записках" Сыма

Цяня (145-86 гг. до н. э.) (*Ши цзи, цз. 123.63. С. 1а-3а*) и "Истории династий Ранняя Хань" (*Цянь Хань шу, цз.96.66. С.14а*) составленной Бань Гу (32-93 гг.н.э.). Вслед за Н.Я. Бичуриным (1777-1853), основоположником отечественного научного китайеведения, употребившем для второго иероглифа этого слова допустимое чтение "вань", в отечественной литературе до сих пор употребляется название "Давань" (*Малявкин, 1989. С. 186*). В более позднем источнике «История северных династий» указано, что "государство Лона есть и древнее владение Давань с резиденцией в городе Гуйшань" (*Бэй ши, цз.97.85. С. 96*), а также имеется глава о государстве Бохань, которое отождествляется с древним владением Цюйсоу (по транскрипции Н.Я. Бичурина - Кюйсэу) (*Бэй ши, цз. 97.85.С.166*). В "Новой истории династии Тан" (составитель Оуян Сю, 1007-1072) сказано: "Нинъюань - это прежние Баханьна или Бохань, во времена ранней Вэй (386-534) (она) называлась Полона" (*Синь Тан шу, цз. 221.146. С.6250*). Сведения о древней Фергане имеются также в сочинении буддийского паломника Сюань-цзана (ок. 600-664) "Записки о Западном крае во времена великой Тан", законченном в 648 г. (*Сюань-цзан*).

Определенная "хаотичность" изложения данных в разделах династийных историй о некитайских народах объяснялась тем, что в качестве основных источников государственного историописания использовались докладные записки чиновников, адресованные трону. Поскольку в древности у Китая не было постоянных контактов с Давань - территория Ферганы лишь однажды в 658 г. была номинально провозглашена китайской областью, подчинявшейся наместнику в Аньси (Куча) (*Сыма Гуан, цз. 200. С.6310-6311*), то официальные данные об этой территории основывались на доношениях китайских посланников или военачальников и не имели систематического характера.

Н.Я. Бичурин первым осознал значение китайских источников для изучения Западного края и осуществил полные переводы соответствующих разделов династийных историй на русский язык. Эти переводы до сих пор не теряют научного значения и используются исследователями (*Бичурин, 1950. С. 147-150, 186-188, 260, 274, 285, 319*). Позже появились переводы на французский язык, выполненные Э. Шаванном (*Chavannes, 1903*) и С. Жульеном (*Julien, 1857-1858*). Специфика работы с переводами китайских источников такова, что требует обязательного сопоставления текста перевода с оригиналом. Ниже мы намерены обратить внимание на частности, которые вызывают вопросы.

В переводах из "Ши цзи" указано, что в Давань находилось 70 больших и малых городов (*Бичурин, 1950. С. 149*), в "Синь Тан шу" упомянуто 6 больших городов и более 100 малых (*Бичурин, 1950. С. 319*). В.В. Бартольд указал, что речь идет, несомненно, о деревнях (*Бартольд, 1965. С. 528*). По данным Ю.А. Заднепровского, на территории Ферганы в древности "часть известных памятников представляла собой сильно укрепленные поселения с крепостными стенами и рвами, имеющие цитадели. Большие поселения, такие, как Шурабашатское и Кара-Дарьинское городища, по характеру укрепле-

ний и наличию цитадели, по размерам и расположению среди группы небольших поселений и теле, вероятно, могут быть признаны за "древние города" (Заднепровский, 1962. С. 182). В китайском тексте употреблено слово чэн, основные значения которого "крепостная стена" и "город". Новейший "Большой словарь китайского языка" дает пояснение к первому значению: "Стена, окружающая город с четырех сторон. Она бывает двух видов: внутренняя называется чэн, внешняя – го. Иероглиф чэн в обычном употреблении означает и то, и другое (Да цыдянь, 1988. С. 1094). Кроме того под чэн подразумеваются городской ров и поселение, обнесенное земляной или каменной стеной. Исследователи, изучавшие общественный строй Ферганы, обращали внимание на термин «старейшины», воспринятый из переводов Н. Бичурина (Заднепровский, 1962. С. 188). В китайских оригиналах за этим словом скрываются два китайских термина гуй жэнь (уважаемое, влиятельное лицо, знатный, именитый человек) и шоупин (вождь, глава, предводитель). Уточнение этого термина невозможно без новых данных, проливающих свет на социальную структуру Ферганы и других древних государств региона, а до тех пор слово, предложенное Н. Мичуринным, кажется достаточно нейтральным эквивалентом.

В целом же состояние источниковедения государств Западного края, в том числе древней Ферганы, свидетельствует о том, что данные китайских источников, благодаря усилиям ряда зарубежных и отечественных исследователей, соотнесены и приведены в соответствие с результатами современной науки в целом. Дальнейшее и более углубленное их историко-филологическое изучение находится в теснейшей зависимости от новых данных, прежде всего археологической науки.

Литература:

1. Бартольд В.В. Сочинения. Том III. Работы по исторической географии. М., 1965.
2. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. – Л., 1950.
3. Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.
4. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М. – Л., 1962.
5. Маявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Отв. ред. д.и.н. Ю.М. Бутин. Новосибирск, 1989.
6. Ханьюй да цыдянь (Большой словарь китайского языка. Отв. ред. Ло Чжу-фэн). Том II. Шанхай, 1988.
7. Бэй ши (История северных династий) // Сост. Ли Янь-шоу. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936.
8. Синь Тан шу - Синь Тан шу (Новая история династии Тан // Сост. Оуян Сю. Пекин, 1986.
9. Сянь-цзан. Да Тан Си юй цзи (Записки о Западном крае во времена великой Тан». Сер. Сы бу цун кань. Шанхай, 1928.
10. Цянь Хань ису (История династии Ранняя Хань) // Сост. Бань ГУ. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936.
11. Ши цзи (Исторические записки) // Сост. Сыма Цянь. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936.

12. Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. St. Petersburg, 1903.
13. China in Central Asia. The Early Stage: 125 D. C. - A. D. 23. An annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty. Tr. By A. F. P. Hulsewe. With an Introduction by M. A. N. Loewe. Leiden, 1979.
14. Hsuan-Tschuang (Hiouen-Tshang). Memories sur les contrees occidentales. Ed. S. Julien. 2 vols. Paris, 1857-1858.

Б.Аманбаева, Д.Абдуллоев

Ю.Кутимов

(Ош, Санкт-Петербург)

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У ЗДАНИЯ ГТС В ОШЕ

В октябре 1998 г. в центральной части г.Ош на перекрестке улиц Ленина, Г. Айтиева у здания ГТС при закладке кабеля было открыто частично разрушенное погребение.

Погребальная конструкция представляла собой катакомбное или подбойное сооружение, имеющее в разрезе трансшевидную форму высотой 95 см. и шириной по уровню пола 140 см. Длинная ось погребальной камеры имела направление по линии ЮЗ-СВ. Вход в камеру находился с юго-западной стороны и был заложен круглой речной галькой.

В следствии разрушения строительными работами нижняя часть костяка от уровня тазовых костей отсутствовала. Верхняя часть сохранилась полностью и находилась в положении in sit. Погребенная лежала на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой ориентированной ко входу в камеру - на юго-запад. Череп был несколько повернут вправо. Под костяком была подсыпка из мелкого щебня, под голову был подложен плоский округлый камень-подушка. Погребальный инвентарь составляли два бронзовых замкнутых браслета одетых на запястье рук, а также большое количество разнообразных бус - лазуритовых, бирюзовых, пастовых, деревянных и костных. Особое внимание обращают на себя несколько керамических бусин с процарапанным орнаментом в виде ромбовидных фигур. С левой стороны от погребенной, около головы, отсеяли два плоскодонных керамических сосуда вытянутой формы с узкой горловиной и небольшим, отогнутым наружу венчиком. Оба сосуда гончарные. Внешняя поверхность одного из сосудов сохранила следы красного ангоба, второй сосуд был более простой выделки с черными пятнами от обжига на тулове.

Хронологически данный комплекс относится, безусловно, к доарабскому периоду истории Ферганы. В предварительном порядке ошское погребение можно датировать эпохой раннего средневековья или V-VI вв. н.э.

ТРАДИЦИИ ОРНАМЕНТАЦИИ ФЕРГАНСКОЙ КЕРАМИКИ

На протяжении более чем тысячелетия (с конца II тыс. до н.э. до IV-VI вв. н.э.) в Фергане существовала непрерывная традиция орнаментировать глиняную посуду, причем, элементы орнаментации порой сохранялись.

Самая ранняя орнаментированная керамика относится к эпохе поздней бронзы, когда в Фергане одновременно существовали две культуры: земледельческая Чустская и скотоводческо-земледельческая Кайрак-кумская. Для чустской керамики характерна роспись лепной посуды, главным образом, бокаловидных сосудов и глубоких чаш. Роспись черная по красному фону. Основные элементы орнамента: узкие, клиновидные треугольники и ромбы, реже - вертикальные полосы. Все они сплошь или с сетчатым, или шахматным заполнением. Кроме того, встречаются штрихи, косые кресты, линии, вертикальные, сужающиеся к низу полосы с различным заполнением покрывают весь сосуд целиком, без разграничения на пояс. Штриховка очень тонкая и частая. Отдельные изображения животных (козлы) есть - только на Омском поселении (*Заднепровский, 1997*).

Орнаментирована часть керамики Кайрак-кумской культуры. Орнамент наносился только на плечики горшков гребенчатым или гладким штампом, овальными или круглыми ямочками. Преобладают ломаные линии, «ёлкжи», отрезки косых и горизонтальных линий. Реже встречаются треугольники, иногда незамкнутые, иногда заштрихованные. Редкие элементы - ямочки или денные шпечки-выступы.

Следующий период - актамский (VI или VII) - III вв. до н. э.). Расписана также лепная посуда: чаши, реже миски. Роспись коричнево-красная по светлому фону. Основные элементы орнамента: короткие широкие треугольники со сплошной заливкой или (чаще) с различным заполнением; косая штриховка, клетчатое. Реже встречаются дуги и мелкие кружки. Орнамент расположен в один, два или три пояса только в верхней части сосуда, нижняя иногда покрыта красной краской. Изредка орнамент состоит из вертикальных полос, как на чустской керамике. Особо выделяется кувшинчик из тулейкенского могильника, где сочетаются прочерченные треугольники с заливкой внутри красной краской.

Шурабашатский вариант - существует на востоке Ферганы и довольно долго (с VI-III веков до н. э. до II-IV веков н. э.). Расписывается лепная посуда самых различных форм: миски, горшки, кувшины, баночные сосуды, вазы и пр. Роспись яркая, красная, карминно-фиолетовая по светлому фону. Основные элементы орнамента: ромбы, реже треугольники с сетчатой штриховкой, образованные ломанными линиями с «ресничками», дуги, штрихи, веточки, волюты, цепочки, кружки, горизонтальные и вертикальные полосы, крестовидные фигуры. Штриховка мелкая и частая, орнамент, в основном, криволинейный.

Кугайский вариант - появляется несколько позднее шурабашатского, распространяется по всей Фергане (III-II вв. до н.э. - V-VI вв. н.э.). Теперь орнаментируется посуда, сделанная на гончарном круге, покрытая красным ангобом, в основном, горшки, реже крупные широкогорлые кувшины. Орнамент процарапан по подкрашенному ангобу до обжига. Основные элементы: треугольники широкие и вытянутые, заполненные косыми, зигзагообразными линиями, горизонтальные или вертикальные полосы со штриховкой: дуги, спирали, квадраты с сетчатым заполнением, зигзагообразные линии, крестовидные фигуры, флажки: изображения деревьев, солнца, лошадей, птиц.

Узор наносится по плечикам, четко ограничен кольцевыми линиями, бордюром с зигзагообразными линиями. На сосудах из погребений орнамент более однообразен, чем с поселений. Орнаментированные сосуды в могильниках, в основном, из женских погребений.

Анализ орнамента на протяжении всего указанного времени показывает, что наиболее близки чустский и актамский орнамент, но в актамском меняется гамма красок, появляется небрежность исполнения, меньшее разнообразие композиций, появление криволинейных элементов. Совершенно меняется стиль росписи в мурабашатском варианте - вместе строгого геометрического орнамента появляется криволинейный, более живописный и богатый. По стилю ближе к актамскому кугайский - больше строго геометрических элементов, но очевидно и влияние шура-башатского. Использование в кугайском варианте процарапанного, прочерченного узора - не есть ли это реминисценция орнамента Кайрак-кумской культуры?

Таким образом, очевидна традиционность орнаментации керамики с устойчивым сохранением некоторых элементов.

В кугайский период известны также небрежная грубая роспись сосудов ангобом, прочерченные по сырой глине волнистые линии, наколы, зооморфные ручки, изображения голов иди рогов козла. В основном, это прослеживается в западных районах Ферганы и, скорее всего, является влиянием культур соседних племен.

Орнаментация (роспись) керамики прерывается в VII-VIII вв. и затем возрождается в эпоху Саманидов, но это уже совсем новая техника и стиль.

Раздел IV.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПОХА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ГОРОДА, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

Д. Абдуллоев (Санкт-Петербург)

ПОСЛЕДСТВИЯ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ И ГОРОДА ФЕРГАНЫ

Фергана периода раннего средневековья играла заметную роль. Ферганские правители носили титул "их-шид". Судя по сведениям письменных источников, в канун арабского завоевания столицей Ферганы был город Касан или Ахсикет. Арабы после захвата Тохаристана, Согда и Хорезма естественно обратились к подчинению других областей Средней Азии.

Первый поход - набег арабов на Фергану был весной 713 г. Его возглавлял Кутейба ибн Муслим против коалиции Согда, Чача, Ферганы и тюрок. Он захватил Чач, Фергану и вытеснил тюрок в степь. В начале 715 г. Кутейба второй раз совершил поход на Фергану. В том же году в Фергане Кутейба поднимает мятеж против халифа, который заканчивается его поражением и смертью. Следующий поход арабов на Фергану возглавил Муслим б. Сайд в 724 г., но на обратном пути понес большие потери от нападения тюрок. Однако в 739 г. арабы под руководством Насра б. Сейяра на берегу Сыр-Дарьи разбили войска предводителя тюрок Курсуля. Он был взят в плен и казнен после чего Наср заключил договор с правителями Уструшаны, Чача и Ферганы и оставил там своих представителей. Затем наступает почти 4-летнее затишье. Лишь в 777 г. возобновлен поход арабов на Фергану, который возглавил Ахмад б. Асад. Он захватил столицу Ферганы, г. Касан и потребовал покорности ферганского "ихшида". Окончательное покорение Ферганы произошло в начале IX в. при Саманидах. В результате правящая династия Ферганы прекратила существование.

Городская культура в Фергане в предисламское время исследована еще недостаточно. Наиболее определенно выявлены следы арабского завоевания археологическими работами на городище Кувы и в ходе раскопок 1998 г., на городище Ак-Буура в г. Ош.

Город Кува известен по данным письменных источников с конца IX-X вв. Однако о более раннем периоде мы не имеем никаких сведений. Важные сведения о нем дали лишь археологические работы. Как показали эти исследования в VII-VIII вв. город Кува имел свой пригород-рабад. В результате раскопок, на территории рабада были вскрыты остатки жилого массива и буддийский храм. Жилые кварталы в рабаде Кувы были плотно застроены, как и в древнем Пенджикенте. Они были отделены друг от друга узкими улочками. Каждый квартал представлял собой массив построек, которые состояли из жилых комнат и отдельных помещений производственного характера. Как показали раскопки, Кува подвергалась разорению и разрушению арабами. В ряде жилищ квар-

талов Кувы были обнаружены следы большого пожара. Буддийский храм был на высокой платформе. Из айвана узкая дверь вела в зал, где размещался алтарь-подиум. В храме были обнаружены остатки большого количества скульптур, выполненных в глине, изображавших различные персонажи буддийского пантеона. В том числе найдены и части фигур Будды. Стены храма были покрыты живописью. Как показали раскопки, храм был беспощадно разорен и разрушен. На полу было обнаружено большое количество угля от упавших и сожженных деревянных частей перекрытия. Буддийские статуи были разбиты. После этого погрома храмовые сооружения не восстановились. Иной была судьба жилых массивов. Судя по нумизматическим данным, во второй половине VIII в. на территории рабада Кувы жизнь возобновилась. При восстановительных работах использовали остатки стен первого периода либо стены зданий возводились заново.

Средневековый Ош, видимо, располагался, по сведениям арабских и персидских письменных источников, на территории современного города. Однако местоположение города преарабского времени до сих пор не было установлено. После раскопок на Ак-Бууре (летом и осенью 1998 г. начальник экспедиции - Б. Аманбаева, научный консультант В.М. Массон) можно сказать, что перед нами руины города Ош преарабского времени. В результате этих исследований выяснилось, что городище имело три линии обороны, а на цитадели и примыкающем участке одна, общегородская. Общая площадь городища 5-7 га вместе с цитаделью. Цитадель находилась в юго-западной части городища, внутри городской стены. Как показали раскопки городская стена была построена из сырцового кирпича (55x25x8 см.) и достигала толщины 12 м. Цитадель возвышается над шахристаном на 18 м и состоит из двух частей: верхней и нижней. Верхняя часть цитадели почти непригодна для раскопок, так как разрушена земляными работами и занята современным кладбищем. В нижней части были обнаружены остатки монументальных построек. Видимо, здесь находились постройки престижного характера. На территории шахристана юго-восточнее цитадели был обнаружен прямоугольной формы зал с очагом у северной стены. Помещение, видимо, предназначалось для культовых церемоний. Во свех раскопанных участках городища Ак-Бууры зафиксированы следы сильнейшего пожара, видимо, горели деревянные конструкции от перекрытия. Слой пожара, возможно, относится либо ко времени похода Кутейбы на Фергану в 713 г. и 715 г., либо связан событиями с антихалифских восстаний народов Средней Азии в 20-30-е годы VIII в. Здесь, как и в Куве, развитию городской культуры был причинен немалый урон и город пришлось строить на новом месте ниже по течению р. Ак-Буура.

КАРАХАНИЛЕР ДООРУНДАГЫ ФЕРГАНА ЖАНА МАВЕРАННАХР КАЛКЫНЫН ЧАРБАСЫ

Караханийлер мамлекетинин пайда болушу жана алгачкы саясий жетишкендиктери көбүн эсе Борбордук Тянь-Шандын элдерин өздөрүнө каратып алуу жана аларды мусулманчылыкка өткөрүү менен шартталган.

Алгач ислам дини Борбордук Тянь-Шандын түштүк-батыш тарабындагы элдерге тарала баштаган. Бул аймактагы Ош шаары IX кылымда эле мусулмандардын башка диндеги түрк элдерине каршы күрөшүнүн аскердик-саясий борборуна айланган. Араб географтарынын кабарларына караганда Кара-Дарыя жана Нарын сууларынын ортосунда жайгашкан Миян-Рудан чөлкөмүнүн Бискент жана Салат шаарлары мусулмандардын чек ара чептеринен болгон. Ал эми X кылымда мусулмандар Өзгөн шаарына караштуу Хефтцех жайын (жети-кыштак) түрки калктарынан тартып алган.

Карахани мамлекетинин чыгыш чек арасы Черченден башталган ушул боюнча Кучадан батышы-раак, Сасык-Көл, Ала-Көл жана Балхаш аркылуу өткөн. Караханийлер мына ушуга чейинки жерлерди негизинен X кылымдын экинчи жарымында ээлеп алышканын эскертип кетсек болот. Бирок бул жерлердин кээ бир бөлүктөрүн, өзгөчө түштүк-чыгыш аймактарын алар XI кылымдын биринчи чейрегинде ээлеп алышкан.

Караханийлердин Фергананы Шаш жергесине чейин (азыркы Ташкен) качан багындырып алганы жөнүндө жазма эстеликтерде маалыматтар жок. Бирок Караханийлердин акими илек Насрдын Фергана шаарында (990-91-жылдары чектирген эки тыйыны белгилүү). Демек, бул аймакты Караханийлер 992-ж. Харун Бугра-хандын Букарага жасаган жортуулунан бир канча мурда эле багындырып алган. Бирок, жазма эстеликтерде күбөлүктөндүрүлгөн аныктамалардын жоктугунан, Караханийлер Фергананы 990-жылы ээлеп алган деп кесе айтууга болбойт. Бул окуялар андан мурдараак болушу да ыктымал. Чегилген тыйын боюнча Фергананын акими Наср ибн Али десек болот, себеби Караханийлер бийлик жүргүзгөн шаарлар менен аймактарда өздөрүнүн наамынан тыйын чыгарышкан. Андан кийин Караханийлер өздөрүнүн туруктуу жери Ферганадан батыш тарапты көздөй Орто Азиядагы Саманилердин бийлигин жоюуга багыт алышкан.

Караханийлер Фергананы басып алганда анча деле катуу кыйынчылыктарга учурабаса керек. Анткени себеби, X кылымда Куба жана Касрабал сыяктуу айрым шаарлар эмес, бүтүндөй Фергана ар кайсы мезгилде ар кандай өз алдынча бөлүктөрдөн турган. Мына ушундай бытырандылыктын салакасынан Караханийлер Фергананы жана Саманилер ээлеген баардык аймактарды тез эле басып алган.

Араб жана перс авторлорунун маалыматтары боюнча, Караханийлер келгенге чейин эле Ош, Өзгөн жана башка шаарлардын чет жакаларында көп сандаган түрк элдери жашаган.

Караханийлердин Чыгыш Фергананы ээлеген өкүмдөрү Наср ибн Али, учурдагы саясий кырдаалды ийкемдүү пайдаланып, 999-ж. Саманилердин династиясынын бийлигин кулатты да алар бийлеген өлкөнүн Аму-Дарыяга чейинки аймагын каратып алган.

Борбордук Тянь-Шань менен Жети-Сууда жашаган калктардын X кылымдагы коомдук өнүгүү деңгээлдери бирдей болгон эмес. Көчмөн элдерде патриархалдык-уруучулук мамилелердин бузулуусунун интенсивдүү процесси жүргөн. Көчмөндөрдүн мал чарбачылыгынын шартында феодалдык мамилелердин өсүшү өтө эле жай жүргөн. Алардын социалдык уюмдашуусунун таптык маңызы архаикалык патриархалдуу уруучулуктун салттарынын алкагында болгон. Аларга үстөмдүк кылган төбөлдөр патриархалдык турмуш-салтты өз бийлигин бекемдөөнүн жана эксплуатациянын куралы катарында пайдаланышкан. Борбордук Тянь-Шань менен Жети-Суунун көчмөндөрүнүн турмушунда эң маанилүү окуялар XI-XII-кылымдардан тартып башталат. Ошол аймактарда жашаган кембагалдар отурукташкан дыйканчылык жашоо ыңгайына өтө баштайт. Ошол эле учурда мартабалуу көчмөндөрдүн чарбасы мал багуу менен гана чектелбестен, дыйканчылыкты да өнүктүрөт. Борбордук Тянь-Шань менен Жети-Суунун отурукташкан, дыйканчылык менен оокат кылган калкында социалдык мамилелер эми биротоло, таза феодалдык мүнөзгө өткөндүгү аныкталат.

Орто Азияда карлук каганатынын жана Саманилердин ээлеген жерлерин Караханийлер мамлекетине бириктирүү ушул аймактын экономикасынын жогорулашына, шаарларынын өнүгүүсүнө өбөлгө түзгөн. Ошол мезгил феодалдык шаарлардын гүлдөп-өсүшүн тездеткен, өндүрүштүк күчтөрдү өрчүткөн шаар эмгегин кыштак эмгегинен кол өнөрчүлүктү, устачылык, соодагерчиликти дыйканчылык кесиптен ажыратуунун учуру болгон.

Жазма булактардын жана археологиялык изилдөөлөрдүн маалыматтарына караганда Караханийлер каганатынын калкы мал чарбачылык, дыйканчылык, кол өнөрчүлүк, аңчылык жана соода кесипчиликтерин жүргүзүшкөн.

Өлкөнүн кээ бир тоо-талаалуу аймактарында жарым көчмөн, толук көчмөн мал чарба кесипчилиги басымдуулук кылган.

Ибн Хаукалдын айтымы боюнча Фергана өрөөнүнүн бир эле айылы жайыттарынын көптүгүнөн жана күтүрөгөн малдуулугунан улам баш аягын бир күндө араң басып өтүүчүдөй жерге созулуп жайгашуучу экен. Маселен бир эле айылдын кыштоо айылы, ошого улай эле тоо таяна кеткен аштык айдоочу, чөп чабык жерлери, анан андан нары ашуу-белдерди ээлеген жайлоолору болгон. Бул жерде автордун айтканы, Чүй, Талас, өрөөнүндөгүдөй жана Кара-Тоонун түндүк этектери дегидей эле башка аймактардын баарындагы отурукташкан жана жарым жартылай отурукташууну баштаган жерлердин калкы да дыйканчылык иштерин мал чарбачылыгынын интенсивдүү өсүүсү менен эле катар, айкалыштыра кармаган деген сөз. Караханийлер убагындагы Кара-Булак эски шаарчасын (Исфана-Сай менен Кожо Бакырган-Сай өрөөндөрүн кошулган жеринен орун алган) жана Кан-Жайлоо, Шахристандан 22 км.

аралыкта турган, Түркстан тоо кыркаларынын түндүк этегиндеги Актагни капчыгайынын түпкүрүнөн орун алган шаарчаны казуудагы археологиялык табылгалардын негизинде Карабулак-та жашоочулар негизинен дыйканчылык кесибин жана кол өнөрчүлүктүн кээ бир түрлөрүн иштешсе, Кан-Жайлоолуктар жапа тырмак мал багып оокат кылышып, азыноолак гана аштык эгин айдамыш болушкан деген тыянакка келет. Мына ушундай жаратылыштын климаттык шарттарынын айрымалык күчү астында бири-биринен кесипчилек жагынан айырмаланып турушкан калк отурукташкан пункт ар Караханийлер мамлекетинин башка жерлерине да мүнөздүү болгон.

«Худуд ал алам» аттуу чыгарманы жазып калтырган адам ягмалардын, карлуктардын, чигилдердин, тухсилердин жана кыргыздардын негизги байлыгы кой, уй, жылыкы, деп айткан. Жылкынын саны койдукунан кийинки эле орунду ээлеген. Мындай ой ушул эле чыгармада чаткалдыктардын кесиби жөнүндөгү жазылган билдирүүлөрү боюнча (жогоруда айтылган) ырасталат. Ошондой эле археологиялык материалдар да ал ойдун акыйкаттыгын аныктап турат. Караханийлик окумуштуу Баласагындык Жусуптун поэмасында мал чарбачылыгы менен байланыштар көп учурайт: кымыз, сүт йүн (жүнү, йаг (май), курут, курут (йугурт), (сүзмө); эчки, кой; кийиз, ала кийиз; айгыр, сүлүг (бээ), кевел (жорго); аттар жашы боюнча жана турпаттык сыны боюнча айтылуучу - кэвэл тазы (таза жорго), богтэл (байтал) тагы (тай), аркун (аргымак), жана тазы тай (таза тай); тэтир (төө), катыр (качыр), кой, сүрүг (ири малдын үйүүр), котуз (топоз) уд (бука), энек (уй), өкүз (огуз) ж.б.у.с. Ушулардын көбү түрк элдеринде бүгүнкү күнгө чейин сакталуу, мисалы, кыргыз тилинде кымыз, сүт курут, кой, тон ж.б.

X-XIII кылымдардагы көчмөндөрдүн отурукташууга, дыйканчылыкка өтүүсү Караханийлердин каганатынын доорунда аябагандай өнүгүп өркүндөгөн.

Караханийлер каганатындагы отурукташкан дыйканчылык маданиятынын эң өнүккөн өрөөндөрү Фергана жана Мавереннахр эсептелген. Накуттун айтуусуна караганда Фергана берекеси төгүлгөн, кесиби жагынан чарбалуу өрөөн болгон. Ибрахим тамгач хандык документинде Самаркан-жакын жерлерде жүзүмзарлар, чарбак, кырман-дар жөнүндө айтылат. Жогоруда белгиленгендей X-XIII кылымдардагы Фергананын жана Мавереннахрдын калкы жашаган көптөгөн жерлери үчүн мүнөздүү болгон Кара-Булак шаарында тургундардын кесиби дыйканчылык менен кол өнөрчүлүктүн айкашы эле ушул чөлкөмдөрдө жерди сугаруу жолу менен дыйканчылыкка кеңири айлануусун Самаркан көк жайыгындагы Дарг сугат системасы жана Вахш өзөнүнөн суу алуучу Кафыв каналы ырастайт.

Кашкарлык Махмуд чарба куралдарынан: буурсун, темир шиш, бүкүрчү-соконун тиши, кетмен жана орулган эгинди кургактоо үчүн жасалган (азри) айрыны атап кеткен. Кашкари кырман басууда кырмандын борборуна “мамы” бука байланып, анан аны менен кошо айлануу үчүн калгандарын, кырманга салынган аштыктарды бастырууга ылайыкташтырылып чиркешчү – деп эскертет. Бука-өгүздөрдү “оп” же “мамы” деп атоо маанисин кийин –черээк кырман бастырган өгүз, ат, эшек

сыяктуу малды да “темин” деп атоо менен туура келет. “Оп майда” деген сөз байланышын кырман бастырууда колдонуу байыртадан эле чиркелген малды айдоо маанисинде түшүндүрүлгөндүгү мына ошондон:

Орой-орой, оп майда,
Ороо толсун, оп-майда,
Кырча-кырча басканың
Кырман толсун, оп майда.

Бул жерде эгинди мол алып, бастырууда малдын кеңири колдонулганы сөз болуп жатат. Баласагындык Жусуптун жана Кашкарлык Махмуддун эмгектеринде дыйканчылыктын тигил же бул маселелерине тиешелүү башка дагы бир топ далилдер келтирилет. Мисалы, эки арыктын аралыгындагы айдоо аянтын “атиз” деп аташса, пахта талаасын кабазлик-кебездик дешкен ж.б.у.с.

Ошентип Караханийлер мамлекетинин калкы чарбачылыктын ар кандай кесипчилигин жүргүзүшкөн.

*З.Э. Эралиев
М.Н. Федоров*

*(Бишкек)
(Ташкент)*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА. СВЯЗИ НАРОДОВ КЫРГЫЗСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X В.

В сочинении Джамала Карши “Мулхакат ас-Сурах”, написанном в начале XIV в., сохранился отрывок из составленной в XI в. “История Кашгара” Абд ал-Гаффара Алмаи (умершего до 1093 г.). В нем повествуется о распространении в Кашгаре ислама. Правитель Кашгара Огульчак Кадыр-хан, сын Карлукского хана Бильге Куль Кадыр-хана дал убежище опальному саманидскому царевичу Насру б. Мансуру, бежавшему в Кашгар от своего брата Исмаила б. Мансура. Огульчак назначил его правителем селения Артуч (Аргыш), расположенного приблизительно в 20 км. к северу от Кашгара. К Насру стали приходиться караваны мусульманских купцов с товарами из Бухары и Самарканда. Эти товары очень нравились хану, особенно атлас и сахар, которые Огульчаку ранее не были известны и к которым он скоро привык. Добившись расположения хана, Наср попросил у него участок земли величиной с коровью шкуру, чтобы построить на этом участке мечеть. Получив согласие, Наср заколол корову, разрезал шкуру на тонкие ремни, обвел ими участок земли, на котором была возведена мечеть (Бартольд, 1966. Т. IV. С. 375).

Сведения эти не лишены легендарных подробностей, но в них есть рациональное зерно, позволяющее утверждать, что неподалеку от Кашгара, в артуче сложилась мусульманская колония, во главе которой стал опальный саманидский царевич, и была построена одна из первых, если не первая мечеть в Кашгарии; что Артуч был важ-

ным центром распространения ислама и мусульманского влияния в Восточном Туркестане. С миссионерской деятельностью этого саманидского царевича и было связано обращение в ислам будущего основателя Караханидского каганата, Сатука, племянника Огульчака.

В. В. Бартольд справедливо отмечал, что имена упомянутых саманидов не соответствуют времени жизни Сатука, и если опального саманидского царевича звали Наср, то это мог быть сын Нуха б. Насра (*Там же, С. 375; Бартольд, С. 316*). Другим, на наш взгляд, более вероятным в смысле хронологии, претендентом мог быть саманидский царевич Ильяс б. Исхак, поднявший в Фергане в 922 г. восстание против центрального саманидского правительства и бежавший затем в Кашгар (*Бартольд, 1898. С. 301*).

В Конце концов, подлинное имя саманидского царевича не так уж важно. Главным в сообщении Алмаи для нас являются сведения, позволяющие утверждать, что обращение Сатука в ислам, захват им власти и возникновение Караханидского каганата были в какой-то мере следствием вмешательства внешних и внутренних сил, коим утверждение ислама в Семиречье сулило немалые выгоды экономического и политического характера. Это было мусульманское купечество и духовенство западных регионов Средней Азии и, в первую очередь, Ферганы, откуда Сатуку пришла вооруженная помощь, а также местные мусульмане Семиречья и Восточного Туркестана, стремившиеся захватить главенствующее положение в регионе. Там, где мусульмане не смогли этого добиться их экономические и политические интересы ущемлялись представителями господствующей религии. Например, в местах, где власть оставалась в руках христиан, мусульманские купцы были вынуждены платить большие налоги (*Бартольд, 1926. С. 288*).

Основателем Караханидского каганата был Сатук, выходец из племени Чигиль, сын Базира Арсланхана и внук ягбу Бильге Куля, принявшего в 840 г. титул хакана (*Кляшторный, 1970, № 4. С. 84*). По мнению О. Припака, Базир наследовал Бильге Кулю и правил в Баласагуне. Его брат Огульчак Кадыр-хан владел Таразом, после захвата Тараза, в 893 Исмаилом Самани, Огульчак утвердился в Кашгаре и в 904 г. совершил вторжение в пределы Саманидского государства, однако, вынужден был отступить (*Pritsak, 1953. P. 24-25*).

Следует сказать, что чигили были в ту эпоху основными племенами кыргызов, сумевших отстоять свои каганаты. Известный русский ученый географ П. Семенов-Тянь-Шанский во время путешествия по Северному Кыргызстану, касаясь политической истории в эпоху караханидов, писал: "Понятно, как дорожил местностью. Кызыл-Жара и нижней частью Заукинской долины престарелый каракыргызский манап Боромбай, производивший свой род от чигильских каганов (*Алтымышбаев, 1985, С. 19*).

Это сообщение ученого-географа проливает свет даже на этническую связь кыргызов с племенными объединениями, составляющими государство Караханидов, но потом оказывающимися в числе племен, образовавших кыргызскую народность.

Сатук рано осиротел и воспитывался в Кашгаре при дворе своего дяди Огульчака. Здесь он познакомился с опальным саманидским царевичем, основавшим мусульманскую колонию в Артуче, под влиянием его проповеди принял ислам. Сведения о принятии Сатуком ислама приукрашены легендарными подробностями, например, вещий сон и т.п. Однако для нас ясно, что в обращении Сатука в ислам играли важную роль не только набожность Сатука и миссионерское рвение саманидского царевича, но и обещание вооруженной помощи и содействия мусульман в предстоящей Сатуку борьбе за власть.

Итак, Сатук с пятьюдесятью приближенными тайком от Огульчак Кадыр-хана принял ислам и под предлогом охоты уехал из Кашгара на север (мы не должны забывать, что Артуч расположен к северу от Кашгара). Здесь вокруг него собралась тысяча воинов, причем среди них большой отряд газиев, т.е. мусульманских бойцов за веру, из Ферганы (вот она, обещанная вооруженная помощь!). Не считая себя еще достаточно сильным, он ушел дальше на север в Центральный Тянь-Шань и захватил в долине реки Атбаши крепость Атбаш (в настоящее время это городище Кошой-Коргон, расположенное примерно в 10 км. от райцентра Ат-Баши Нарынской области Республики Кыргызстан). В Атбаше численность его войска достигла трех тысяч человек. С этими силами Сатук начал войну против своего дяди, разгромил его и захватил Кашгар (*Бартольд, С. 1898. С. 131-132*). В результате этого события в восточном Туркестане и Семиречье возникло новое государство – Караханидский каганат, которому суждено было сыграть важную роль в исторических судьбах кыргызского и других народов Средней Азии.

Сообщение, что около 942 г. неверные тюрки захватили Баласагун и что в Бухаре готовился поход газиев для освобождения Баласагуна (*Сиасетнаме, 1949. С. 214*), видимо, является отголоском военных действий, связанных со становлением Караханидского каганата. Захват Кашгара Сатуком Богра-ханом был не завершением, а лишь началом борьбы за власть в нарождающемся государстве. Ему предстояло распространить свое влияние на весь Восточный Туркестан и Семиречье. Сатук и группировка тюркских феодалов, пошедших за ним по пути, указанному опальным саманидским царевичем, должны были сломить сопротивление других феодальных группировок, поддерживавших Огульчак Кадир-хана и прочих "неверных" претендентов на трон, отвоевать у них города и области, в которых они укрепились.

Согласно Джамалу Карши, Сатук Богра-хан умер в 344 г. хиджры (27/IV. 955-14/IV. 956) и был похоронен в селении Артуч (*Бартольд, 1898. С. 132*), которое еще во времена Огульчака стало центром распространения ислама и мусульманского влияния в Кашгаре.

У Сатука было два сына: Байташ-Муса и Сулайман. Верховным правителем с титулом Арслан-хан и престолом в Кашгаре стал Муса. Сын завершил дело, начатое отцом: в 960 г. ислам был провозглашен государственной религией Караханидского каганата (*Pritsak, P. С. 25*). Это событие имело далеко идущее последствие для истории народов Средней Азии и Восточного Туркестана. Отныне

Караханидский каганат становился неотъемлемой частью так называемого "Мира ислама", в общности мусульманских государств, простиравшихся от Испании и Северной Африки до Индии (а теперь и Кашгара). Он был вовлечен в сложившуюся и стоявшую на высоком уровне развития систему социальных отношений, экономики, культуры, идеологии; приобщился к арабо-иранской культуре. Это не только значительно ускорило процессы социально-экономического и культурного развития народов Семиречья и Восточного Туркестана, но и значительно облегчило впоследствии Караханидам их западные завоевания.

Сохранился интересный рассказ очевидца о взятии Караханидами саманидской столицы Бухары в октябре 999 г. (Розен, 1888. Т. II. – С. 275). Когда караханидское войско подошло к стенам Бухары, Саманиды, уже не имевшие реальной военной силы, призвали жителей города к оружию. Бухарцы, однако, решили узнать мнение факихов, знатоков мусульманского права, обязаны ли они сражаться за Саманидов? Факихи вынесли решение в том смысле, что если бы спор шел из-за веры, то сражаться обязательно, поскольку же борьба между Саманидами и Караханидами "идет из-за благ сего мира, то не позволено мусульманам губить себя" и "идти на убиение". Факихи также отметили, что образ жизни Караханидов и вера их не вызывает нареканий и поэтому лучше воздержаться от вмешательства в спор между Саманидами и Караханидами. После этого Бухара была взята безо всякого сопротивления. Однако этому предшествовал ряд других событий.

Провозглашение ислама государственной религией Караханидского каганата в 960 г. открыло для переселенцев из западных регионов Средней Азии новые возможности, подняло процесс мусульманской колонизации Семиречья и Восточного Туркестана на качественно новый уровень, придало невиданный до того размах. Отныне переселенцы уходили уже не в страну иноверцев или страну, где иноверцы преобладали, ущемляя экономические, политические интересы мусульманского населения. Теперь переселенцы из западных регионов Средней Азии уходили в страну, где мусульманское население пользовалось всеми привилегиями. В Семиречье и Восточный Туркестан переселялись не только земледельцы, купцы и ремесленники, но также и представители интеллигенции. Обращение крупных контингентов тюркского населения в ислам вызвало необходимость в большом количестве служителей мусульманского культа, богословов, законоведов, учителей, архитекторов и т.д. Сохранилось, например, сообщение о богослове и законоводе Абу-л-Хасане Музаммаде ибн Суфьяне Келимате, который в середине 50-х годов X в. отправился из Бухары ко двору караханидского хана и поступил к нему на службу. Другой богослов Абу-л-Хасан ибн Хатим ал-Усбаникетти "ушел в страну тюрков" раньше 990 г. (Бартольд, 1898 С. 316-317. Его же: 1926. С. 245-246). Интересно, что судя по нисбе "аль-Усбаникетти", этот богослов происходил из городов Усбаникет (Субаникет или Арсубаникет), находившегося в двух днях пути к северо-западу от Исфиджаба (Бартольд, 1898. С. 233), у реки Арысь.

Итак, в первые десятилетия существования Караханидского каганата в миграционных связях между Кыргызстаном и западными регионами Средней Азии преобладало восточное направление. Это была мирная культурно-экономическая экспансия на восток; из густонаселенных оазисов Мавераннахра и других западных областей Средней Азии уходили земледельцы, купцы, ремесленники, представители интеллигенции, перед которыми создание мусульманского государства в Семиречье и Восточном Туркестане открывало новые возможности и заманчивые перспективы. В это время правители Караханидского каганата, используя знамя священной войны с неверными, были заняты походами и расширением границ своего государства на север, юг и восток. Сохранились упоминания о сражениях Караханидов с племенами неверных тюрок: ограками, басмыслями, йемакаами, чомулами, ябаку, уйгурами (Караев, 1983. С. 104-113). Видимо, в одном из таких сражений в мухарраме 388 г. (январь 988 г.) погиб сын и преемник Арслан-хана Мусы, Арслан-хан Али. Джамал Карши называет его "шахидом" (т.е. принявшим мученическую смерть) и "хариком" ("сожженным"). Арслан-хан был похоронен в своей столице, в Кашгаре (Бартольд, Ч. 1. 1898. С. 132).

Итак, до начала 90-х годов X в. в экспансии Караханидов преобладало восточное направление, однако, в последнем десятилетии X в. направление Караханидской экспансии резко изменилось: на западных границах молодого жизнеспособного Караханидского государства доживала свои последние дни некогда могущественная держава Саманидов, обещающая стать легкой и богатой добычей.

Экспансия Караханидов началась в двух направлениях: с северо-востока на Исфиджаб и с востока на Фергану. Во главе этого движения стал владетель Баласагуна Богра-хан Харун, его отец, Тонга-илек Сулайман, был сыном Сатука Богра-хана. В 380 г.х. (31/III, 990 – 19/III, 991) Богра-хан Харун, воспользовавшись слабостью центральной саманидской власти и сепаратистскими настроениями местной знати, без всякого сопротивления захватил Исфиджаб. В то же время Караханидами, наступившими со стороны Кашгара, была аннексирована Восточная Фергана с главным городом Узгендом. В мае 992 г. после двух победоносных сражений

Богра-хан захватил Бухару, столицу Саманидского государства. Бухарский климат обострил болезнь Богра-хана и он ушел в Самарканд. 17 августа в Бухару вступил саманидский эмир Нух ибн Мансур. В Самарканде болезнь Богра-хана еще более усугубилась и он скончался на обратном пути в свои владения. Так, неудачно завершилась первая попытка Караханидов завоевать Саманидское государство. Крупная местная знать, особенно на окраинах государства, тяготившаяся властью Саманидов, приветствовала вторжение Богра-хана, рассматривая его как средство для достижения собственных целей.

Так, дехкан (представитель крупной земледельческой знати) Илака, Мансур ибн Ахмад, попытался создать свое владение и выпустил монеты, на которых признавал Богра-хана сюзереном (Федоров, 1972. С. 149-150).

После смерти Богра-хана Харуна во главе караха-нидской экспансии на западе встал незадолго до этого овладевший Узгендом и Восточной Ферганой, илек Наср ибн Али. Он был сыном владельца Кашгара Арслан-хана Али, погибшего в январе 988 г. Наср формально признавал сюзереном своего брата, Тоган-хана Ахмада, наследовавшего Арслан-хану Али. В 384/994-995 гг. он распространил свое влияние на всю Фергану и пограничный ей Ходжент, в 385/995 г. подчинил область Илак (Кочнев, 1987. С. 63).

Саманидское правительство ничего не могло противопоставить натиску Караханидов. Авторитет центральной власти упал окончательно. Обладавшие реальной военной силой саманидские военачальники сражались друг с другом за обладание богатыми наместничествами. К югу от Амур-Дарьи, на бывших саманидских землях, возникло независимое Газневидское государство. В таких условиях осенью 996 г. Караханиды совершили новое вторжение. Саманид Нух ибн Мансур обратился за помощью к Газневидам. Газневидское войско выступило навстречу караханидскому. Был заключен мирный договор, по которому границей между владениями Саманидов и Караханидов стала Катванская степь. Таким образом, все саманидские земли к востоку и северу от Самарканда перешли к Караханидам. В 988 г. в Шаше (Ташкенте) чеканили монеты от имени Насра ибн Али (Федоров, 1972. С. 150).

И, наконец, осенью 999 г. Караханиды нанесли последний удар. Вот что поведал об этом современник событий Абу-л-Фазл Бейхаки: "Из Узгенда примчался Илек Бу-л-Хусейн Наср, сын Али. В первый день месяца Зу-л-Када сего года (т.е. 14 октября 999 г. – З. Э. М.Ф.) он явился в Бухару и представился ты, будто пришел изъявить покорность и оказать помощь. Повелитель Хорасана (саманидский эмир Абдал-Малик ибн Нух – З.Э.. М.Ф.), спрятался; его схватили со всеми братьями и родственниками и в багдахидах увезли в Узгенд. Могушество рода Саманидов пришло к концу (Абу-л-Фазл Бейхаки., 1962. С. 566).

Уже после захвата Бухары Насру пришлось выдержать борьбу с безавшими из узгендского заточения братом последнего саманидского эмира, Мунтасиром. Военные действия шли с переменным успехом в 1001-1005 гг. После гибели Мунтасира Мавераннахр окончательно перешел к Караханидам (Федоров, 1972. С. 150).

Возникновение государства, охватывавшего земли от Кашгара до Бухары создало самые благоприятные условия для развития экономических, политических и культурных связей народов Кыргызстана, западных регионов Средней Азии и восточного Туркестана. Волею судеб Кыргызстан стал объединяющей центральной частью этого государства, через которую осуществлялись связи между западными и восточными регионами Караханидского каганата.

Если до начала 90-х годов X в. в миграционных процессах преобладало восточное направление, шла мирная культурно-экономическая экспансия из западных регионов Средней Азии, то с начала Караханидского наступления на запад положение резко изменилось. Если до 990 г. на восток для мирного освоения новых земель, рынков сбыта,

новых возможностей уходили десятки и сотни земледельцев, ремесленников и купцов, то после 990 г. на запад двинулись тысячи тюрков-кочевников. Захватывая земли Саманидов, караханиды приводили с собой единственную крупную военную силу, которой они располагали: ополчение свободных тюрков-кочевников, преимущественно своих соплеменников, с кем их связывали пережитки патриархально-родовых и развивающиеся феодальные отношения.

Чтобы удержаться в захваченных владениях, Караханидам было необходимо постоянное присутствие и помощь этой военной силы. Поэтому они выделяли пришедшим с ними кочевникам лучшие земли для пастбищ, выплачивали войнам жалование или (гораздо чаще) наделяли их икта. Икта – это род феодального пожалования за службу, когда иктадар (обладатель икта) получал не саму землю, а право сбора с нее налогов. Эта форма феодального пожалования наиболее удобная для кочевников. Принимая участие в военных мероприятиях своего хана, илека или тегин - исполняя более или менее постоянную военную службу, кочевник остальное время проводил со своим племенем, приезжая в пожалованное икта для сбора налогов с земледельцев. Впрочем, определенная часть пришедших с востока тюрков-кочевников в силу различных причин в конце концов оседала на плодородных землях, захваченных Караханидами оазисов.

Итак, в последнее десятилетие X в., десятилетие завоевания караханидами Саманидского государства, и в первые, по меньшей мере, полтора-два десятилетия XI в., в миграционных процессах Средней Азии резко возобладало западное направление. Со степей и гор Кыргызстана и восточного Туркестана уходили в западные регионы Средней Азии многие тысячи тюрков-кочевников, иногда даже почти всем племенем. Особенно сильно этот процесс затронул родственные караханидам племена карлуков, чигилей, ягма, феодальная знать которых составляла окружение караханидских правителей. Спаянные родоплеменными узами со своим ханом, илеками, тегинами, а также между собой, движимые жадной добычи кочевники-тюрки были той военной мощью, которая сокрушила сопротивление Саманидов и утвердила власть караханидов на землях от Кашгара до Бухары. В благодарность за это они получали лучшие пастбища на захваченных землях и свою долю в эксплуатации оседлого населения.

Оказавшись в недавно завоеванной, чужой пока еще стране, среди чуждого им населения, западные Караханиды прекрасно понимали, что они не продержатся здесь без постоянного присутствия той военной силы, которая привела их к власти. Поэтому одной из основных забот первых Западных Караханидов было привести с собой как можно больше тюрков-кочевников, главным образом, своих соплеменников. Для достижения этой цели все средства были хороши: уговоры, посулы, награды а иногда и принуждение. Особенно интенсивно шла миграция тюрков-кочевников с запада на восток во время завоевания и освоения земель Саманидов, т.е. в последнее десятилетие X в. и в первые десятилетия XI в.

Однако потребность в военной силе существовала всегда и подобные миграции случались и позже, даже в XII в. Сохранилось, например, известие Ибн ал-Асира, что караханид Арслан-хан Мухаммад ибн Сулайман (1102-1130) "заставил переселиться свыше 16 тыс. кибиток с их прежних кочевий". Переселившиеся кочевники "препятствовали любому из царей проникнуть в его (Арслан-хана) страну, за это им следовали награды и икта".

16 тысяч кибиток или (семей) при условии, что каждая насчитывала 4-5 человек, составят довольно большое число – около 80000. Даже если мы сделаем скидку на довольно обычные для средневековых авторов преувеличения, все равно сообщение Ибн ал-Асира дает представление о масштабах тюркских кочевых миграций на запад при Караханидах.

После ухода таких крупных контингентов тюрков-кочевников на запад средней Азии в степях Кыргызстана и Восточного Туркестана образовался своего рода вакуум, который могли заполнить как оставшиеся кочевники, так и переселенцы из западных регионов Средней Азии.

Если миграции из западных регионов на восток имели характер мирного проникновения, постепенного длительного процесса, связанного с экономическим освоением недостаточно используемых ресурсов и возможностей, если число переселенцев исчислялось сотнями, то миграции в обратном направлении почти всегда были связаны с захватническими военными мероприятиями, имели кратковременный характер, но зато осуществлялись весьма крупными контингентами, исчислявшимися многими тысячами.

После окончательного завоевания саманидских владений, на территории Караханидского каганата сформировалось несколько крупных уделов, которые, в свою очередь, состояли из более мелких и более многочисленных удельных владений. Владетели самых крупных уделов, охватывавших огромные территории, включавших в себя до 20, а иногда и более, крупных городов и областей – ханы, стояли на самой высшей ступени иерархической лестницы. Ниже их были илеки и тегины, считавшиеся вассалами ханов. Они имели довольно крупные уделы и чеканили в них монеты с почетными упоминаниями хана как своего сюзерена.

У этих илеков и тегинов были свои вассалы, нередко также владевшие одним или несколькими городами. На своих монетах, они, как правило, упоминали хана и илека или тегина, как своих сюзеренов (верховного и непосредственного), у них также были свои вассалы, обладавшие городом, областью или уже только какой-то частью феодальных прав на них.

Таким образом, на караханидских монетах отражалась многоступенчатая (до 4 и даже 5 ступеней) феодальная иерархия. На более низких ступенях иерархической лестницы, не находивших отражения на караханидских монетах, стояли феодалы среднего ранга, начальники отрядов и т. д. И, наконец, на самой низшей ступени были воины-иктадары.

Еще в начале XX в. В.В. Бартольд установил, что с приходом караханидов произошли важные изменения: победа удельной системы, широкое

распространение условного землевладения - икта, исчезновение дехканства, сложившейся еще до арабских завоеваний прослойки крупных землевладельцев, не обязанных феодальной службой и владевших землями на правах милка. В.В. Бартольд дал этим процессам одностороннее толкование. Так, например, переход к удельной системе он объяснил тем, что тюркам-кочевникам был чужд "взгляд на монарха, как единственного правителя государства", и что для них "империя была собственностью всего ханского рода" (Бартольд, 1966, Т IV С.367-372).

Мы считаем, что эти точки зрения отнюдь не исключают, а скорее дополняют одна другую. В качестве подтверждения можно привести южного соседа Караханидов – Газневидское государство, где никогда не было удельной системы, и где преобладал "взгляд на монарха как на единственного правителя государства". О существовании уделов и удельной системы у Газневидов нет упоминания ни в газневидских хрониках (ал-Утби, Гарди-зи, Байхаки), ни на газневидских монетах. Дело в том, что пути создания Газневидского государства были совсем иными нежели Караханидского каганата. Государство Газневидов было создано не ордами пришедших с востока кочевников, а в результате мятежа крупных, и несомненно умных саманидских военачальников.

Нечто подобное было в государстве Сельджуков, созданном тюркскими кочевыми племенами гузов во главе с потомками племенного вождя Сельджука. Но даже там удельная система не достигла таких размеров, как в Караханидском каганате. Скорее всего потому, что государство Сельджуков возникло на юго-западе Средней Азии, севере Ирана, в гуще ираноязычного, не подвергшегося длительному влиянию тюрков коренного населения, в регионе, где тысячелетиями существовали деспотии с неограниченным самовластием монархов. Привычные для кочевников-тюрков нормы военной демократии и, если так можно выразиться, "коллегиального правления", когда власть хана в какой-то мере ограничилась советом племенной знати, имевшие тенденции к подрыву централизованного государства существовали в этих государствах, но там не было такого сильного, как в Караханидском каганате, влияния второго фактора, о котором упоминал В.В. Бартольд.

В этом смысле несомненно прав был О. Прицак, отметивший, что с точки зрения среднеазиатской, да и всемирной истории, караханидская история имеет особое значение, поскольку это наиболее яркий образец государства, созданного тюрками-кочевниками. Она представляет богатый материал к пониманию их идей и отношений (по словам О. Прицака "спор") между степью и городом и т. д. В сравнении с этим такие династии, как Газневиды и Сельджукиды; как мало типичные, не представляют такого интереса (Pritsak, P. 60).

В свое время О.Г. Большаков писал, что не следует противопоставлять удельную раздробленность Караханидского каганата централизованности Саманидского государства. В последнем тоже были вассальные области и уделы и, по его мнению, "перед нами картина лишь незначительно

отличающаяся от того, что мы знаем о Караханидском государстве" (Большаков, // История таджикского народа... 1964. С. 249). С этим нельзя согласиться. Ведь, если в XI в. в Караханидском каганате сохранялась видимость централизации и упоминание главы династии на монетах удельных владетелей было обязательным (как при Саманидах), то уже с середины XI в. Караханидский каганат распался на ряд совершенно самостоятельных уделов, владетели которых выступали как независимые правители, а бывшие верховные ханы превратились сами в таких же мелких удельных владетелей.

Нельзя согласиться также с тем, что О.Г. Большаков приуменьшает роль и распространение икта в государстве Караханидов, считая, что нет оснований говорить о господстве этой системы при Караханидах, и, что одной лишь аналогии с государством Сельджукидов здесь недостаточно (Большаков, // История таджикского народа... 1964. С. 231). В качестве аргумента он приводит то, что ему известен лишь один достоверный факт раздачи икта при Караханидах, упомянутый Ибн ал-Асиром, и, что икта не упоминается в письменных источниках караханидского времени (а много ли их сохранилось до нашего времени?). Кстати, у того же Ибн ал-Асира упомянут и другой факт раздачи Караханидами икта, видимо неизвестный О.Г. Большакову; причем икта было пожаловано не крупному феодалу, как в первом случае, а 16 тысячам воинов-кочевников, охранявших границы караханида Арслан-хана Мухаммада ибн Сулеймана (Ибн ал-Асира, С. 65). К тому же сам О.Г. Большаков писал, что в конце XI в. Газневидское государство было единственным на мусульманском востоке, не прибегавшем к системе икта. Он привел сообщение Низам ал-Мулка о том, что раньше икта не раздавали, а воинам платили четыре раза в год жалование. «Подобные порядки, - писал Низам ал-Мулк около 1091 г. - остались в настоящее время только при Газневидском доме» (Низам ал-Мулк, Т., 2. С.231). Как видим, Караханидов в это число Низам ал-Мулк не включал, а сомневаться в компетентности и осведомленности всемогущего сельджукидского вазира не приходится. Что касается наличия удельных владений в государстве Саманидов, то здесь тоже надо разобраться. Если для всего почти двухсотлетнего правления Саманидов Е.А. Давидович зафиксировала по нумизматическим данным всего 18 случаев феодального пожалования городов и областей в икта членам правящей династии, крупным вельможам и военачальникам, то только с 1000 по 1025 г. и только для западной части Караханидского каганата авторам этих строк известно более 45 нумизматических свидетельств о пожаловании Караханидами различных городов и областей в качестве икта представителям ханского рода, а также крупной феодальной тюркской и местной знати.

Нам представляется, что победа удельной системы и широкое распространение икта является в определенной мере результатом именно политических, социально-экономических и культурных связей и взаимовлияний народов Кыргызстана и западных регионов Средней Азии.

Литература:

1. Абу-л-Фазел Бейхаки. История Мас, уда. // Пер. А.К. Арендса. - Ташкент, 1962.
2. Бартольд В.В. К сказке о хитрости Дидоны. // Соч. - М., 1966. Т. IV.
3. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I, Тексты. - СПб, 1898.
4. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане. М. 1926.
5. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. М. 1926.
6. История таджикского народа. - М, 1964. Т. II. Кн. I.
7. Караев О. История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983.
8. Кляшторный С.Г. Эпоха Кутадгу билик // Сов. тюркология. - 1970. - № 4.
9. Кочнев Б.Д. К истории Ташкентского оазиса конца X в. // Общественные науки в Узбекистане. - 1987. № 6.
10. Материалы по истории киргизов в Киргизии. Вып. I. М., 1973.
11. Снасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам аль-Мулка // Пер., введ. в изуч. памятника, прим. Б.Н. Заходера - М, Л., 1949.
12. Pritsak O. Die Karachaniden...
13. Розен В. Рассказ Хилала ас-Саби о взятии Бухары Богра-ханом // - Зап. Вост. отд-ия Русского археологического общества. - 1888. - Т. II.
14. Федоров М.Н. Политическая история Караханидов в конце X- начала XI в. (Караханидские монеты как исторический источник) // Нумизматика и эпиграфика. - 1972. - Т. X.
15. Якубовский Ю.А. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века // КСИИМК. - 1949.

Т. Асанов

(Бишкек)

КЫРГЫЗДАРДЫН XVII-XVIII КЫЛЫМДАРДАГЫ МАМЛЕКЕТТИК ТҮЗҮЛҮШ БЕЛГИЛЕРИНИН САНЖЫРАДА ЧАГЫЛДЫРЫЛЫШЫ

Кыргыз элинин калыптанышында жана этносаясий түзүлүшүндө оң канат жана сол канат уруулук курамы маанилүү орунду ээлеген. Тарыхый маалыматтарга караганда, ал кыргыз элинин отуз уул деп аталаган байыркы уруулук түзүлүшүнүн эки бутагын түзгөн (Абрамзон С.М., 29-30-б.; Жумабаев С., 10-б Нуров Г., 3-29-б). Маселенин айланасында жүргүзүлгөн соңку изилдөөлөр, кыргыздардын уруулук бирикмесинин эки канатка ажырашы белгилүү бир экономикалык, саясий, этникалык жана демографиялык факторлордон улам башталган (Мокеев А, 47-б). Бул ойго басым жасаган тарыхчы А. Мокеев, дуалдык уюмдашуунун этникалык маанисин, ириде бардык элдерди кыргыз урууларынын бийлигинин астында баш коштуруунун зарылчылыгына негизделгендигинен көрөт. Демографиялык фактор, деп андан ары оюн улайт. Тарыхый булака таянган автор, акырындык менен

элдердин көбөйүшү жана ошонун айынан жер үчүн ич ара келишпестиктердин пайда болушу, али биримдиги жок коомдогу олуттуу кыйынчылыктарды пайда кылгандыктан, мындай ички маселелерди жөнгө салуунун жарамдуу уюму талап кылынган. Анын үстүнө, Моголстан мамлекети кулагандан кийин аныкталган Кыргызстандын саясий өз алдынчалыгы, XVI кылымдын баш чендеринде, ички чарбалык-экономикалык жана этникалык алакалардын андан ары өнүгүшүнө мүмкүнчүлүк түзгөн. Тарыхый булактарга басым жасаган А. Мокеевдин бул оюн көп жагынан туура деп айтууга болот. Бирок, патриархалдык көчмөн түзүлүшкө негизделген кыргыздардын мындай уюмдашуусун, XVI кылым менен гана чектеш кеч эмеспи. Балким ушул мезгилди, кыргыздардын Тянь-Шань аймагындагы саясий этникалык биригүүсүнүн жана баш кошуп уюмдашуу процессинин аякташы катары кабыл алганыбыз оң болуп жүрбөсүн.

Санжыра боюнча Долон бийдин Ак уул жана Кулу уул аттуу балдары бир энеден туулган эгиз уулдар катары айтылат. Ак уулдан оң канат, Куу уулдан сол канат уруулары тарайт. Ак уулдан Адигине, Тагай жана Муңгуш аттуу уулдары, о.э. алардын улуусу Наалы деген кыз жөнүндө баяндалат. Атадан эрте калган балдарды Наалы чоңойтуп эрезеге жеткирет. Оң канаттын негизги уюткусу аталган генеалогиялык ысымдардын айланасында түзүлөт. Бирок, уламышта негизги фигура катары Адигине менен Тагай айтылат. Инилери бойго жеткенде эжеси Наалы малды Адигинеге, бийликти тагайга жана чарбаны Муңгушка бөлүп берет. Бийликтин айынан Адигине, Тагайга нааразы болуп ич ара келишпестик пайда болот (*Айтбаев М.Т., 47-б.; Абдыш Мамбетиса уулу., 43-б.*). Экинчи бир уламышта, Адигине менен Тагай, энчи бөлүү тоюн өткөрүп, кыргыздын салты боюнча малды, жерди, элди экиге бөлөт. Оштун кара дарыясын чек кылып күн батыш жагын Адигине бий, күн чыгыш жагын Тагай бий алган. Энчи бөлүшкөндө эки жаат болуп, ордо атышат. Бул адат эле. Ордонун айынан чыр чыгып эки тарап чабышат. Чыр араң басылып, Адигине менен Тагайдын ортосундагы кастык күчөйт. Натыйжада, Тагай өз элин гана башкарып калат. Анын ээлеген жерлерине башы Ат-Башы, батышы Наманган, аягы Кетмен-Төбө Чаткалга чейинки жерлер кирет. (*Бала Айылчы., 11-б.*) Демек, бул маалыматтар кайсы бир деңгээлде оң канаттын ичиндеги өз ара бөлүнүү, болгондо да алардын саясий эки бутака ажырашын чагылдырып жаткандыгын байкайбыз. Көрсөтүлгөн аймактар, өзгөчө Кара дарыянын алабы санжыранын башка варианттарында адигине менен Тагайдын энчи бөлүшкөн жери катары айтылат (*Солтоноев Б., 86-87-б.*). Ал тургай, А. Бернштам талдоого алган Батыш аймактарынын географиялык жазылышы" (Сиюй-тучжи) аттуу 1782-жылга таандык кытайдын даректүү тарыхында, батыш жана чыгыш кыргыздары жөнүндө маалыматтар келтирилип, алардын чеги катары Кара дарыя көрсөтүлгөн (*Бернштам А., 127-б.*). Тарыхый булакта кыргыздардын чыгыш бутагынын ээлеген аймактары, Кара-Буура суусунун (Талас суусунун сол куймасы) жогорку алабына чейин созуларын белгилейт. Ушул маалыматты чечмелөөгө аракеттенген А. Бернштамдын пикиринде, Кытай тарыхын-

дагы батыш жана чыгыш кыргыздары деген аталыш, Адигине жана Тагай деген эки конфедерациянын бөлүнүшүн эске алган. Уламыштагы маалыматтар жана А. Бернштам талдоого алган кытай дарегинде, Кара дарыя чыгыш жана батыш кыргыздарынын чеги катары көрсөтүлүшү, анын тарыхый географиялык аймак экендигин айгинелейт. Андыктан, аталган булактардагы тарыхый маалыматтарда, Кара дарыянын алабы, оң канат курманынын саясий тарыхында түндүк кыргыз урууларынын башын бириктирген Тагай, түштүк кыргыз урууларынын башын бириктирген Адигине бутактарынын өсүп чыгышын дагы маанилүү тарыхый район жөнүндө кабар берип жаткандыгын баамдайбыз.

А. Бернштам талдоого алган кытай дареги боюнча чыгыш бутагына кирген беш уруунун ичинен сарыбагыш жана саяк гана белгиленип, ал эми батыш кыргыздарындагы 15 уруунун ичинен адигине, моңолдор, черик жана базыс уруулары эскерилген. Саягы аталган булакта, эки саясий бутактын курамына кирген уруулар толук көрсөтүлгөн эмес. Бирок, 1763-1770-жылдардын аралыгында негизинен Чыгыш Түркстандагы кытай бийлигинин чиновниктеринин жеке байкоолорундагы маалыматтар боюнча түзүлгөн "Си-юй-чжи" аттуу даректе, кыргыздар мындан 220 жыл мурун, б.а. XVI-кылымдын ортосунда, түштүк ("То-го-со-хо-лэ") жана түндүк ("Кэ-эр-гэ-ци-сы") деп аталган бутактарга ажыраганы баяндалат. Кол жазмада, кыргыздардын түштүк ("Тогуз уул") бутагына кыпчак, каратегин, багыш, адигине, бөрү, найман, жору, төөлөс уруулары ал эми түндүк ("кыргыз") бутагына саяк, сарыбагыш, кытай, кушчу, саруу моңолдор, солто, ават, мундуз, басыз, черик уруулары кирген (*Супруненко Г.П., 2-3-б., 78-б.*). Тегинде бул маалыматтар, кыргыздардын саясий уюмдашуусун билүүгө кызыктар болгон кытай төбөлдөрү үчүн, уруулардын этникалык түзүлүшүнө караганда, алардын чыгыш (түндүк) жана батыш (түштүк) бутактарында топтолгон саясий түзүлүшүнө маани бергенин көрөбүз. Ошондуктан, Чыгыш Түркстанды басып алып батыштагы аймактарга өзүлөрүнүн үстөмдүгүн орнотууну көздөгөн кытай бийликтеринин бул маалыматтары, кыйла эле так болууга тийиш. Демек, XVIII кылымдын II-жарымындагы түзүлгөн саясий абалга караганда, Кыргызстанда саясий жана аймактык негиздеги уруулук эки бирикме жашап турган.

Бирикменин келип чыгышы буга чейинки тарыхый процесстерге байланышып, кыргыздардын Ала-Тоо аймагын толук өздөштүрүшү менен, алардын саясий уюмдашуу түзүлүшүнө олуттуу таасир бергендигинен улам башталган. Ошол мезгилдеги саясий кырдаал, оң канаттагы жана сол канаттагы саясий тең салмактуулуктун бирдей абалда сакталышын камсыз кылбады жана XVI кылымдын II жарымында Оштун үстү Кара дарыяда оң канат уруулук бирикмеси, Адигине жана Тагай деп аталган эки саясий бутака ажырады. Ушул тарыхый окуядан 200 жылдан ашык мезгил өткөндөн кийин, XVIII кылымдагы кытай дарегинде, Адигине жана Тагай бутактары батыш ("түштүк" - "тогуз уул") жана чыгыш ("түндүк" - "кыргыз") кыргыздары деп аталган уруулук саясий конференцияларды түзүп турду (*Бернштам, 127-б., Супруненко, 78-б.*).

Буга чейин Моголстан аталган ири аймактын кыргыздардын колуна өтүшү, ал жердеги могол урууларынын калган-каткан бөлүктөрүн өзүнө сиңирип алуу менен аяктаган. Алардын чоң бөлүктөрү, моңолдор деген жалпы этникалык ат менен оң канаттын курамына кирип анын структуралык түзүлүшүн кеңейткен. Ал тургай, могол этностук чөйрөсүнө таандык баарын, баргы, черик, дуулат сыяктуу ж.б. уруулук топтордун оң канатка кириши, моголдор негизинен кыргыздардын аталган бөлүгү менен жуурулушкандыгын айкындайт. XV кылымдын II жарымынан тартып, кыргыздардын толук кандуу башкаруу жана бийлик системасын калыптандырган дуалдык негиздеги уюмдашуу түзүлүшү, алардын өз алдынча саясий ээликтерин бекемдөө менен кыска мезгилдин аралыгында көчмөн мамлекеттин пайдубалын түптөөгө жетишкен. Бирок, Моголстандын кеңири мейкининдеги тоолу аймактарды мекендеген кыргыздар, жергиликтүү географиялык өзгөчөлүктөр менен бирге, өзүлөрүнүн көчмөн табиятына мүнөздүү салт-санаалардын таасиринен, дуалдык түзүлүштүн тарыхый нугу улам башка жакка бурулуп өзгөрө турган жагдайга туш болгон. Түзүлгөн ушундай тарыхый кырдаалдан кийин, кыргыздардын дуалдык этносаясий түзүлүшү өз күчүн жоготуп, бирок, ал кыргыз урууларын бириктирүүчү олуттуу идеологияга айланды. Тактап айтканда, ал элдин тарыхын чагылдырган санжыралык мүнөзгө өтүп, кыргыздардын орто кылымдардагы отуз уул жана он уул уруулук бирикмесинен кийин соңку тарыхты, оң канат жана сол канат уруулук курамынын келип чыгышы жөнүндө баалуу даректерди элдин эсинде сактап калды (*Асанов Т., 46-50-б*) Кыргыз урууларынын саясий уюмдашуу түзүлүшү эми башка деңгээлге өтүп этносаясий жана географиялык, о.э. экономикалык жана демографиялык факторлордон улам дуалдык уюмдашуунун ички саясий структуралык түзүлүшүн олуттуу өзгөрткөн. Натыйжада, кытай даректери жана санжырадагы маалыматтар ырастагандай оң канат уруулук бирикмеси Адигине жана Тагай деп аталган эки саясий бутака ажырады. Иш жүзүндө бул эки бутак, кыргыздардын орто кылымдагы саясий мамлекеттик түзүлүшүнүн салттарын улантуучу катары тарыхый аренага чыкты.

XVI кылымдын тарыхый дареги "Маджму аттаварихтеги" маалыматтарда, Тагай бутагынын структуралык курамын түзгөн жедигер, бугу, солто, сарыбагыш жана саяк урууларынын аты учурайт. С.М. Абрамзон. "Маджму ат-таварихтеги", "уруу-уруктук структуранын даана берилиши, XVI кылымда кыргыз элинин этникалык курамынын турукташып калгандыгын аныктайт", - деп жазат (*Абрамзон, 27-б*). Эгер ушул көз караш боюнча алсак, Тагай бутагынын структуралык түзүлүшү белгиленген уруулардан да көп болууга тийиш эле. Анткени, ушул маалда, кыргыздар Моголстандагы башка урууларды өзүнө сиңирип алуунун байма-бай аракетин жүзөгө ашыруу менен жалпы эле ошол аймактагы ири этникалык алакалардын тарыхый өтүмүшү аяктап, кыргыздар, өзбектер менен казактардай өз алдынча саясий мамлекеттик түзүлүшү бар эл катары чыккан (*Пищулина, 54-б*). Саясий түзүлүштүн негизин санжырада – сарыбагыш, солто, саяк, бугу, жедигер, багыш, суумурун, баарын, келдике, азык, черик, моңолдор, коңу-

рат уруулары түзүп, бул структуралык курам XVI кылымдан кийин калыптанышы мүмкүн эмес. Мындай түзүлүш, уруу-уруктук уюмдашуунун төмөнкү баскычынан тартып, уруулук-патриархалдык принциптерге негизделген бийликтин жана башкаруунун системасын калыптандырып, көчмөн мамлекеттин саясий жана социалдык үңгүсүн аныктай баштаган. Алардын ички структуралык түзүлүшү, мурдатан келе жаткан салттуу жол-жоболорго негизделип, уруулардын курамындагы төм-өнкү уруктук топторго чейинки баскычтарды да камтыды. Ар бир урук, белгилүү бир уруунун курамына кирүү менен анын саясий жана административдик бөлүгүн түздү. Уруу өзүнүн айланасына сөзсүз эле генеалогиялык жакындыктар боюнча эмес саясий негизде да, башка уруктарды топтой алды. Ошентип, Тагай бутагынын негизи, белгилүү саясий себептерден кийин түндүк Кыргызстандагы оң канат жана сол канат урууларын баш коштурууга мүмкүнчүлүгү бар күчтөрдүн бирине айланды. Уруулардын конфедерациялык мүнөздөгү мындай саясий уюмдашуусу, түндүк кыргыздардын көчмөн мамлекеттик түзүлүшүн аныктай баштады. Мамлекеттин негизги саясий белгилери катары, бийлер институтуна негизделген башкаруу системасы, санжырада орун алган туруктуу идеологиясы, о.э. конфедерациянын тутумундагы уруулук өз алдынчалык жана жетиштүү өлчөмдөгү жер, жайыт чектерине ээлик кылуудан улам башталган. Бирок, уруулук өз алдынчалык патриархалдык талаптардын чегинде гана жүрүп, чынында, алар саясий жактан жалпы бийликти кармап турган "чоң бийдин" башкаруусуна моюн сунушкан. Жалпы саясий башкарууну колго алып чарбалык маселелерди жөнгө салуу менен учуру келгенде чоң бий аскердик жетекчилик милдетти да аткарган. XVII кылымдын 20-30 жылдарында мына ушундай бийликти кармап турган инсандардын бири Б. Солтоноев билдиргендей багыш уруусунан чыккан Көкүм бий болгон (*Солтоноев, 101-б.*). Ушул маалымат, санжыранын башка варианттарында учурап Көкүм бийди, кыргыздын биринчи башкаруучусу катары санашат (*Үмөт Молдо, 10-12-б.*).

Санжыраларда Көкүм бийдин ишмердүүлүгүн казак ханы Эшимдин (1568-1628) башкаруу заманындагы тарыхый окуяларга байланыштырып, андан кийин кыргызды кан Теиш башкаргандыгы жөнүндө маалыматтар учурайт (*Абдырахманов Ж., 145-б*). Багыш уруусунун санжыраларында Теиш, көкүм бийдин бирде уулу, бирде небереси болуп айтылат. Ал эми Ч. Валихановдо, казактарды Эшим хандын небереси Тооке Жаангер уулу менен кыргыздын Теиш бийи башкарган деген маалыматка караганда (*Валиханов Ч.Ч., 170-б.*), ал кыргызды 1660-1670-жылдарды бийлеши мүмкүн. Тооке хандын (1660-1715-жылдарда бийликте турган) Жаңыл Мырзанын окуясына тиешеси бар экендиги жөнүндө маалыматтар бул ойду кыйыр түрдө ырастайт (*Солтоноев, 111-б.; Абдырахманов, 145-б.*). Экинчиден, Б. Солтоноев келтирген ошол эле маалыматтарда Эр Эшим башында турган кыргыз – казак күчтөрүнүн калмактарга каршы согушунда, арка кыргыздарынын башчыларынын бири Манап аттуу инсан болгон жана ал Иле боюндагы калмактарга каршы согушта курман болгондугун баяндайт (*Солтоноев, 101-б.*). Эшим хандын жетекчилиги менен мындай согуштар 1619/1620-

25-жылдары болуп өткөн (Монсеев, 27-28-б.). Б. Солтоноев, Манап өз доорунда эл башында туруп бийлик жүргүзгөн төбөлдөрдүн бири экендигин белгилейт. Тарыхтын соңку мезгилдеринде, Манаптын урпактары Үчүкө баатыр, кан Кудаян жана Маматкул бий элди бийлеп тургандыгы жөнүндө маалыматтар санжырада жакшы сакталган (Супатай уулу Амандын айтуусу). Келтирилген маалыматтарга көз жүгүртүп тагай бутагында башкаруу борбордошкон мүнөздө болбосо да, урууларды саясий негизде бириктирген бийликтин өкүм сүргөндүгүн көрөбүз. Ошондуктан, бир эле маалда кыргыз урууларынын саясий уюмдашуусунун негизин түзгөн Талас, Аксы, Кетмен-Төбө жана ага ыкташ жайгашкан жерлердеги бөлүгүндө Көкүм бий башчылык кылып, кийинчерээк бийлик кан Теишке өтүп, бул топко жеке эле оң канат уруулары кирбестен, сол канаттын негизги бөлүгү кошулгандыгын белгилөө зарыл. Ал эми алардын Ысык-Көл, Нарын жана Чүй аймактарындагы бөлүгүндө Манап башчылык кылган деп айтууга болот.

Манаптан кийин бийлик анын тукумдарына өткөн. Үчүкө баатыр казактын Тооке ханынын тушунда башкарып, болжол менен 1670-жылдардын орто чендеринде көзү өткөн. Андан кийин элди Кудаян бийлеп анын мезгилинде калмактар кыргыз жергесин басып кирген. 1685-1697-жылдардын аралыгында түндүк кыргыздардын алгачкы тобу түштүктү карай сүйүлгөн. Ошентип XVII кылымдын акырына чейинки мезгилдин аралыгында биз талдаган кыргыз урууларынын саясий уюмдашуусу, тийиштүү деңгээлде алардын коомдук саясий жана чарбалык-экономикалык о.э. тышкы мамилелердеги муктаждыктарын камсыз кылган.

Кыргыздардын бул мезгилдеги саясий уюмдашуусу, чакан үлгүдөгү көчмөн мамлекеттик түзүлүштү элестеткен. Албетте, укуктук пайдубалы патриархалдык уруулук заң-мыйзамдарга негизделген мындай түзүлүштүн шартында, бийликти борборлоштуруунун өзү мүмкүн эмес, эле. Сыягы, ага караганда уруулардын генеалогиялык жалпылыктарына негизделген башкаруу ыкмасы, саясий да жана идеологиялык жактан да өзүн актай алган. Ушундай шартта, мамлекеттин саясий негизин түзгөн ар бир уруунун башкаруучу бийлеринен сырткары, жалпы бирикменин башында турган "жогорку башкаруучу" (верховный правитель) "чоң бий" шайланып, ага андан төмөн турган уруулук бийлер, номиналдуу баш ийишкен. Санжырадагы маалыматтардын ырастаганы боюнча XVI кылымдын акырынан тарта, белгиленген саясий түзүлүш түндүк кыргыз урууларына өтө мүнөздүү болду. Мындай түзүлүш, кыргыздардын көчмөн турмушуна толук ылайыкташып, патриархалдык-туугандык заң-мыйзамдарга негизделген бийликтин талаптары, саясий жана чарбалык, о.э. аскердик-коргоноу маселелерин чечүү мүмкүнчүлүгүнө ээ болгон. Башкарууну ишке ашырууда мындай жагдай жеке бийликке жол берген эмес. Тактап айтканда, бийлик белгиленген функцияларды аткаруу менен ар кандай олуттуу маселелерди чече келгенде, жогорку башкаруучу саналган чоң бийге эл акыл салып, калган учурларда уруулардын өз алдынчалыгына жол берилген. Бирок, түндүк кыргыз урууларынын мамлекеттик түзүлүшүнүн андан ары бекемделишине, ички саясий жана географиялык жагдай-

лар менен кыргыз конуштарын калмактардын басып кириши терс таасирин тийгизди. Тагай бутагына баш кошкон уруулар калмактардын кысымынан Фергананы көздөй жылтууга аргасыз болду. Түндүк кыргыз урууларынын отуз жылдан ашык четте жүрүшү, алардын саясий түзүлүшүн бошоңдотуп, бирок уруулардын мурунку уюмдашуусунун негизин сактап калган. Цинь-Кытай империясы Жуңгар мамлекетин кыйратып эми Чыгыш Түркстанды басып алууга жасаган аракеттери, кыргыз урууларынын өз алдынчалыгын сактап калуунун маселесин кайрадан алдыга койгон. Аны менен бирге өз жерлерине кайтып келип, али чаккын жайгашкан уруулар баш аягын жыйгыча, калмактардан кийин кыргыз жерлерине ээлик кылууга талапкербиз деп санаган кытай бийлигинин Чыгыш Түркстандагы өкүлдөрү, конуш жайыт маселесин көтөрө башташкан. Ушундай шартта кыргыз урууларынын саясий биримдигин бекемдөөнүн зарылчылыгы келип чыккан.

Б. Солтоноевдин маалыматтары боюнча бул мезгилде сол канаттын курамындагы кушчу, саруу, кытай уруулары Меркенин күн чыгышынан тартып Таластын батышына чейинки аймактарды ээлеп, башчысы Бүргөнүн атасы Жетим баатыр болгон. Солтолор Меркенин күн чыгышынан Ысык-Атанын күн чыгышына чейин ээлеп, Кетмен-Төбөдө 85 жашында Кошой бий өлгөндөн кийин башчысы Жамансарт экендиги айтылат. Саяктар Кетмен-Төбөдө турганда, арасы бузулуп алардын Мурат Алдакоргон баштаган бөлүгү Жумгал, Нарынга келип орношкон. Сарыбагыштар күн батыш Чүйдүн, Ысык-Атанын күн чыгышынан Чүйдүн көкүрөгү Ысык-Көлдүн көчүгү Кочкор жана Нарындын түн жак тоосун ээлешкен. Башчысы Тынай менен Мааматкул болгон. Бугулар бүткүлү менен күңгөй-тескей, көл баштарына келип орношкон (Солтоноев Б., 150-151-б.).

Кыргыздардын өз конуштарына келип жайгаша баштаган мезгил кытай дареги "Си-юй-чжде" да баяндалат. Андагы маалыматтар билдиргендей кыргыздардын түндүк бутагына кирген уруулардын ичинен, 2000 түтүн Болоттун сарыбагыш буруттары Туяк-Жарда, 600 түтүндөн ашык Черикчинин бугу буруттары Үч-Таш Маралда, 400 түтүн Мураттын басыз буруттары Марал деген жерде, 300 түтүн Ажыбайдын моңолдор буруттары Ала-Букада, 600 түтүн Жамансарттын солто буруттары Онбештак деген жерде, Ныша 300 түтүнү менен Суусамырда, Караколдо (Таластын башы, Т.А.) 600 түтүн Нарботонун кушчу уруусу, Чүй жана Таласта Майтыктын 1,500 түтүн кушчу буруттары, Таластын Кара-Буура жана Үйүрлүү-Маралында саруу буруттары жайгашып малчылык жана жер иштетүү менен оокат кылышкан (Супруненко Г.Л., 82-б.).

Кытай булактарында чыгыш (түндүк) буруттары аталган кыргыздардын бул бөлүгү, А. Берштам туура баамдагандай Тагай конфедерациясы деп аталууга тийиш. Чыгыш жана батыш буруттардын чеги катары Кара дарыя көрсөтүлүп, чыгыш (түндүк) буруттардын таралышы Кара Буура суусуна (Таластын сол куймасы) чейин бара тургандыгы, о.э. алар калмактардын кысымынан анжияндын чет жакаларында жүрүп Жуңгария Кытайга толук баш ийгенден кийин өзүлөрүнүн байыркы жайыттары Кегенди, Каркыраны жана Темиртуну

(Ысык-Көл) кайрадан ээлешкендиги айтылат (Бернштам А., 128-б.).

Тагай бутагы саясий конфедерациялык бирикме катары эзелки салтка ылайык, буга чейин туруктуу аныкталып келген көчмөн түзүлүштүн жол-жоболоруна негизделген уруулардын саясий уюмдашуусун мындай ары да бекемдеген. Конфедерациядагы бийлер институтуна негизделген башкаруу системасы, уруулардын үстүнөн бийлик жүргүзүүнүн негизги каражаты болду. Кытай булактарынын ырастаганы боюнча ошол мезгилде кыргыздардагы ээлик кылуучулар бий деп аталган. Бийлер ондон, жыйырмага чейин, айрымдары отузга чукул айылдарды ээлешкен. Бийлердин жерлери жана кол алдында баш ийгендери бар. Алардын бардыгы бир катарда турат жана бири-бирине көз каранды эмес. Качан бий өлгөндө анын ордуна уулун же бир тууганын дайындашат. Башкалардын буга укугу жок, - деп айтылат (Бернштам А. 127-б.). Кытай булактары кыргыз коомундагы бийликтин реалдуу өкүм сүргөнүн жазган. Жыл сайын, деп айтылат ошол булактарда - алар жалпы башкарууну колго алган жана ага бардыгы баш ийген бир башчыны (булакта "чжан" деп айтылган) шайлашат.

Башчылыкка шайлангандын ысымы Мааматкул (Ма-му-гу-ху-ли) (Бернштам А., 128-б.).

А. Бернштамдын пикиринде, кытай булактарында берилген башкаруучу титулу, аныгында ошол мезгилде кыргыздарды башкарып турган шайлануучу ханды эске алган. Окумуштуунун бул ою санжыраларда кыйыр далилденет. Мисалы, 1897-жылы жазылган санжыранын көчүрмөсүн Момункул Деркембаев сактап калган. Кол жазмада кыргыз уругуна Мааматкулду башчы кылып кан ордуна көтөрүп, бийлик бергендиги тууралуу маалыматтар учурайт (Деркембаев М., 72-б.). Ал эми Алымбеков Тургунбектин санжырасында Мааматкул бий, Кетмен-Төбөдөгү кыргыздардын башында туруп калмактарга каршы күрөштү жетектеп элди Ысык-Көлгө, Чүйгө көчүрүп келген инсандардын бири болгон (Алымбеков Т., 44-45-б.). Ошондуктан, кытай бийликтери да кыргыздар менен саясий алакаларды түзө баштаганда, жалпы уруулук бирикменин башчысы катары Мааматкул бий менен сүйлөшүүлөрдү жүргүзүп, кыргыз урууларынын өкүлдөрүнөн турган элчилердин тобун, императордун кабыл алуусуна жиберүү жөнүндө макулдашууларга келишкен. Анын үстүнө ушул окуяларга чейин, өз конуштарына кайтып келген кыргыздардын конфедерациялык мүнөздөгү уюмдашкан түзүлүшүнүн саясий негизин бекемдөөдө Мааматкул бий негизги роль ойногон. Кытай императорлорунун жергиликтүү кыргыз бийлеринен алган маалыматтары боюнча Таластагы 4 миң түтүн кыргыздар Мааматкул бийге баш ийип турган жана жардамчылары Каработо кытай уруусунан, Майтык кушчудан жана Акбай саруу уруусунан болгон (Супруненко Г.П., 21-б.). Демек, Мааматкул бий башында турган түндүк кыргыз урууларынын конфедерациялык түзүлүшүнүн уюткусун сол канаттан кытай, кушчу, саруу оң канаттан сарыбагыш, саяк, бугу, чекир-саяк, солто, моңолдор, черик ж.б. уруулар түзгөн. Мындай саясий биримдик, уруулардын жалпы кызыкчылыгына байланышып анын кадамдары, кайрадан аймактык бүтүмдүүлүктү коргоп калууга багытталган аракеттерди жүзөгө

ашыруу менен мүнөздөлгөн. Уруулардын өсүп-өнүгүүсү менен XVII кылымда кыргыздар ири көчмөн элдердин бирине айланып, оң канат менен сол канат структуралары турпаты боюнча на-стройкалык, ал эми мазмуну идеологиялык чагылдырып калган. Мындай тарыхый шартта географиялык факторлордон сырткары, аймактагы саясий өзгөчөлүктөрдөн улам оң канат жана сол канат структурасынын ичинен жаңы конфедерациянын суурулуп чыгышы табигый көрүнүш болду. Натыйжада, XVI кылымдын II жарымында калыптанган кыргыздардын саясий - мамлекеттик түзүлүшү калмактардын кысымынан кийин кайрадан жанданып, XVIII кылымдын 50-жылдарында уруулардын саясий биригүүсү конфедерациялык мамлекеттин толук кандуу деңгээлде өкүм сүргөндүгүн ырастап турду.

Түндүк кыргыз урууларынын мамлекеттик түзүлүшүндө, бийлик уруулук иерархиялык талаптарга негизделип, бийлер аркылуу жүзөгө ашырылган. Мамлекеттин курамын түзгөн уруулардын ички структурасы эзелки патриархалдык традициялардын катуу сакталышы менен бекемделген. Уруу кезегинде, жогор жактагы башкаруучу чөйрөнүн көрсөтмөсүн алып ага баш ийгени менен көпчүлүк учурларда башкаруу бийлигинин өз алдынча автономиясына жол берилген. Жогорку башкаруучу бийдин алдында, сыягы жалпы бийлердин кеңеши өкүм сүрүп олуттуу маанидеги маселелер макулдашылып чечилген. Конфедерацияда толук кандуу мамлекеттик башкаруу аппараты жана жетиштүү даражадагы алык-салык саясаты болбогон күндө да, мамлекеттин ички структурасы уруулук-патриархалдык талаптардын негизинде бекемделип туруктуулукка ээ болгон. Ошондуктан мамлекеттик кайсы бир иштердин аткарылышы же жөнгө салынышы үчүн, атайын мызамдардын чыгарылышы зарыл эмес эле. Анын ишке ашырылышына мурдатан колдонулуп келген традициялык салт-заңыттар жана суроо-талаптар жетиштүү болгон. Мамлекеттеги жогорку башкаруу бийлигинде турган башкаруучу инсан, "чоң бий" же болбосо "чоң баатыр" аталып, конфедерациядагы ички жана тышкы саясатты жөнгө салуу менен жалпы аскердик жетекчиликти колго алган. Мындай бийликти камап турган Мааматкул бий, айтылуу Үчкөк баатырдын уулу, анын бешинчи муундагы атасы Манап (Мухаммед Али Кыпчаки, 37-б.). Черикчи бий сарыбагыш уруусун башкарып, бир эле маалда бугуларды бийлеген (Супруненко Г.П., 9-б.). Кытай булактары боюнча чекир саяктардын башкаруучулары Түлкү бий менен Шербек 500 түтүн элдин үстүнөн бийликти тең бөлүшкөн (Супруненко Г.П., 21-б.). Түлкү бий Айта уулу, аталган уруунун кулжыгач бутагындагы итэмген тобунан чыккандыгы жөнүндө С. Абрамзондун маалыматтары дагы бир ирет такталды (Абдырахманов Ы., 18-б.). Орус автору капитан Андреевтин маалыматы боюнча анын уулу Кедей 1785-жылы саяк волостун башкарып турган (Аристов Н.А., 51-б.) Конфедерациянын курамындагы сол канат урууларын Каработо бий башкарган. Кытай уруусунун байтике багын-дагы кыйра тобунан чыккан Каработо Кочкор уулу, эл башкарып кан болгондугу айтылат (Тойлубай уулу Сатыйдын айтуусу). Каработо бийден кийин бийликке тиешеси бар инсандын бири, 70 жаштагы кушчу уруусунун бийи Майтык эсептелген (Сул-

роненко Г.П., 25-б). Майтыктын уулу Эшботонун да бийликке аралашканы, кытай булактарында эскерилет. Сол канат урууларынын, кытай императоруна бара турган элчилерге Каработо өзүнүн жээни Хабицини, Мыйтык кичүү иниси Шүкүрдү жана саруулардан Акбайдын уулу Боруке менен Айдарбектин иниси Ноци кошула тургандыгы алардын чабармандарынын алдында макулдашылат (Кузнецов В.С., 42-б) Келтирилген маалыматтар кайсы бир даражада Конфедерациялык мамлекеттин, ошол мезгилдеги тышкы саясий мамилелеринен кабар берет. конфедерациянын ички түзүлүшүнүн, саясий структуралык курамын айкындоодо дагы бул маалыматтардын олуттуу мааниси бар. Эгер маселени ушул өңүттө алып карасак, конфедерациянын структуралык курамын түзгөн, кытай, кушчу, саруу ж.б. уруулардын бийлери, иерархиялык негизде Каработо бийге баш ийишкен. Өз кезегинде булар чогулуп жогорку башкаруучу чоң бийге тийиштүү жагдайларда көз каранды болушкан.

Бул адаттар тышкы жана чарбалык, о.э. аскердик маселелер менен байланышкан. Калган убактарда бийликти атадан балага калтыруу адаты сакталып, бирок бийлик башкаруу чөйрөсүндөгү туугандык жагынан башка адамдарга да өтүп турган. Кытай булактарында эскерилген бийлердин генеологиясын тактаганыбызда бул ой кайсы бир деңгээлде ырасталды.

Кушчу уруусунун башкаруучусу Майтык бий Кайназар уулу, жоош уругунан чыккандыгы жөнүндө С.М. Абрамзондун маалыматтары дагы бир ирет такталды. Тарыхый булактарда эскерилген Эшбото анын алты уулунун бири жана Шүкүр чынында иниси болгон (Байгаринов М., 121-б). Ал эми саруу уруусунун башкаруучу бийи Акбай Арзыгул уулу алакчын уругунан чыккан жана эскерилген Боруке Акбай бийдин агасы Тагайкулдун уулу болуп чыкты. (Умөт молдо., 13-б). Акбай бий менен катар эскерилген Айдарбектин ысымын азырынча тактай албадык. Белгиленген тарыхый инсандар конфедерациянын курамына кирген сол канат тобунун башкаруу бийлигин кармап турган. 1758-жылы түндүк кыргыз урууларын башкарган Мааматкул бийдин атынан сарыбагыш уруусунун бийи Черикчи, чекир саяктардан Түлкү бий жана Шербек, о.э. солтолордон Ныша баатыр баш болгон элчилердин тобу Кытай императорунун сарайында кабыл алууда болушту (Кузнецов В.С., 42-б). Элчилердин барышын, кытай бийликтери аталган кыргыз урууларын, империянын вассалы катары тааный тургандыгын эскертүү менен аларга кытай төбөлүнүн даражалык белгилерин ыйгарышкан. Эң негизгиси барган элчилик, Ысык-Көл аймагындагы жерлер кыргыздарга гана таандык экендигин бекемдей алгандыгы менен бул миссия өз милдетин аткарган. Саягы, эки тараптын саясий кызыкчылыктарын аныктаган маселелер, аталган элчиликтин барышы менен чечилсе керек. Элчиликке баргандардын бири Шербек кытай булагында Мааматкул бийдин жакын тууганы деп айтылат. Бирок Шербек Жакшыбай уулу, чекир саяк уруусунун курманкожо уругунан чыккандыгын санжыра боюнча тактай алдык. (Абдырахманов Ы., 18-б) Ныша баатыр Кудайменде уулу солто уруусунун асылбаш уругунан. Анын кытайга элчиликке барып "өтөгө тыңса" деген көк таш сайынып кел-

гендиги санжырада сакталып калган (Бала Айылчы., 34-б). Ошентип, XVIII кылымдын 50-жылдарында түндүк Кыргызстандагы түзүлгөн конфедерациялык мамлекет, урууларды саясий баш коштуруу жана калмак баскынчыларынан бошотулган кыргыз жерлерин коргоп калууга багытталган олуттуу чараларды жүзөгө ашырды. Конфедерациянын андан ары өнүгүшү, анын курамына кирген уруулардын санжырада орун алган идеологиясы аркылуу бекемделип алардагы жалпы коомдук аң сезимди калыптандырган. Бул, конфедерациянын саясий-идеологиялык негизин бекемдөөнүн бирден-бир мүмкүнчүлүгү болду. Чарбалык экономикалык маселелерди жөнгө салуу конфедерациянын курамындагы ар бир урууга таандык жер, жайыт чектеринин так аныкталышы менен алардын негизги турмуштук жана ички экономикалык талаптарын камсыз кыла баштаган.

Конфедерациянын соңку мезгилдеги саясий тарыхын, коңшулаш казак уруулары менен болгон мамиленин өнүгүшүндөгү, окуялардан улам тыңдайбыз. Калмактардан кийин эки элдин жер жана жайыт маселеси боюнча бири-бирине койгон дооматтары күч алып, негизги чырдын башы ошого такалган. Санжырадагы маалыматтар боюнча, ошол мезгилде казак менен чектешкен кыргыздын жалпы жөнүн Эсенгул баатыр билген (Алымбеков Т., 48-б.). Бул тууралуу 1780-жылы Абылай хандын алдына барган кыргыз элчилери, кыргыздар өз ичинен оң жана сол деп бөлүнөрүн, ар бир уруктун башчылары бар, бирок улуу сөз Эсенгул баатырдан тарап, аны сол атанган эл дагы угаарын билдиришкен (Алымбеков Т., 62-б.). Ага чейин казак уруулары менен болгон мамилени жөнгө салуу жана кыргыздарга таандык конуштарды казактардын ээлеп алышына жол бербөө маселесин козгогон жыйын, Таластын оозундагы Капкада болжолу 1776-77-жылдары Эсенгул баатырдын жетекчилигинде өткөн. Жыйынга солто уруусунун башы Эсиркемиштин уулу Кебек бий жана Кошойдун уулу Момокон, саяктардын тункатар уругунан Арзыматтын уулу Садыр, чекир саяктардан Түлкүнүн уулу Качыке, ал эми сол канаттан саруунун бошмоюн уругунан чыккан Туума бий катышкан (Алымбеков Т., 50-61-б.). Жыйында кыргыз урууларына таандык конуштарды сактап калуу үчүн Кетментөбөдөгү каба саяктарын Таластын аягына, Кочкордогу чекир саяктарды Чүйгө көчүрүү керектиги жөнүндө бүтүмгө келишкен. Сөз кылган жыйын, кайсы бир деңгээлде түндүк кыргыздардын мамлекеттик түзүлүшү жашап тургандыгын жана жалпы бийлердин кеңеши, конфедерациянын аймактык чектерин бекемдөөгө умтулган саясатты уланткандыгын билдирет. 1779-жылы Абылай хандын кыргызга жасаган чоң чабуулунун (Сапаралиев Д., 96-б.) соңунда эки элдин жер чегин ажыраткан сүйлөшүүлөр жүрдү. Бул боюнча, 1780-жылы Абылай хандын алдына барган кыргыз урууларынын башкаруучу бийлеринин тобу, сол канаттан Туума бий жана Мама бий, солтодон Кебек бий жана Мама бий, солтодон Кебек бий жана Түлөберди, сарыбагыштан Эсенгул баатыр, Атаке баатыр бугудан Бирназар, чекир саяктан Качыке баатыр, саяктан Сейит бий жана Келдибек баш болгон Тагай бутагынын аттуу баштуулары кыргыз-казак жер чегин ажыратышты (Алымбеков Т., инв. №364. 75-77; Алымбеков Т., инв. № 1454. 1-2-б.) Бул чек

ажыратуу болжолу калмактардан кийин, эки элдин саясий түзүлүшүнүн аймактык негизин аныктаган биринчи келишим болгон. Эсенгул баатыр кыргызды бийлеп турган мезгилде, Кытай менен да жер чеги ажыратылып Музарттын суусундагы Айгыр-Жалды чек кылып бөлгөндүгү жөнүндө Деркембаев Момункулдун кол жазмасында айтылат. Белгиленген маселелердин жүзөгө ашырылышы менен конфедерациянын тышкы саясатындагы маанилүү маселелер чечилген. Кыргыз урууларынын бул мезгилдеги уюмдашуу түзүлүшү, жогорудагыдай кырдаалдан кийин саясий негиздери бекемделген. Анын ички структуралык түзүлүшү да, уруулардын тасый уюмдашуусунан улам өз келбетин алган. Тактап айтканда, уруулардын саясий уюму, общинадагы экономикалык жакындыктарга караганда туруктуу мүнөзгө өтүп, ар кандай туугандык башталыштардан тарта төмөнкү бутактарга чейин, конфедерациянын иерархиялык негиздеги структурасын түптөгөн. Конфедерациядагы структуралык түзүлүштүн негизги мааниси ушул маселеде жаткан жана соңку мезгилдерде, уруу-уруктук иерархия жана коомду генеалогиялык негизде уюштуруу, Р.Г. Кузеев белгилегендей, алардын бир убактагы генетикалык жана саясий мамилелерин чагылдырган идеологиялык надстройкага айланып калган. Ошондуктан, саясий кызыкчылыктар тийиштүү деңгээлде уруунун деңгээлинен көтөрүлүп, конфедерациялык мамлекеттин түзүлүшүн коомдук аң-сезим бышып жетилген. Бул процесс кылымдар бою жүрүп сырткы жана ички саясий таасирлерден улам, бирде бутуна туруп телчиксе, бирде күүсүнөн жанган. XVIII кылымдын II жарымында түндүк кыргыз урууларынын саясий түзүлүшүнүн кайрадан жогорулоо вазипасы башталган.

Адабияттар:

1. Абдырахманов Ы. Кыргыздар (Кыргыздардын чыгышы, урууларга бөлүнүшү) // Кыргыз Республикасынын Илимдер Улуттук Академиясынын кол жазмалар фондусу (мындан ары, КЖФ). Инв. № 619.
2. Абдыш Мамбетиса уулу. Саптуу элдин санжырасы. Кыргыз айылы. № 12, 1991.
3. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
4. Айтбаев М.Т. Кыргыз элинин чыгышы жөнүндөгү легендалар. КЖФ. инв. № 4095.
5. Алымбеков Т. Кыргыз урууларынын чыгышы жөнүндө. КЖФ. Инв. 364. Д. 2.
6. Алымбеков Т. Кыргыз элинин чыгышы жөнүндөгү легендалар. КЖФ, Инв. № 4095.
7. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргизов-казаков большой орды и каракиргизов. СПб., 1895.
8. Асанов Т. Санжыра кыргыздардын орто кылымдагы этно-саясий түзүлүшү жөнүндө. // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек. 1998, 46-50-б.
9. Бала Айылчынын санжырасы. КЖФ. Инв. № 239.
10. Байгаринов М. Кыргыз санжырасы. КЖФ. Инв. № 564.
11. Бернштам А. Источники по истории киргизов в XVIII века. // Вопросы истории: № 11-12. 1946.
12. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах. // Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1985 т. 2.

13. Деркембаев Момункулдун кол жазмасы.
14. Жумабаев С. Кыргыз санжырасы. КЖФ. Инв. № 659.
15. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983.
16. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
17. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. Алма-Ата, 1991.
18. Мокиев А. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызского народа на Тянь-Шане в XVI сер. XVIII вв. // Изв. АН республики Кыргызстан. № 4. 1991.
19. Мухаммед Али Кыпчаки. Кыргыз тарыхы. Кыргыздардын урууларга бөлүнүшү тууралуу. КЖФ. Инв. № 447.
20. Нуров Г. Материалы по теме Происхождение киргизского народа. КЖФ. Инв. № 4 1561 в.
21. Сапаралиев Д. Взаимоотношения кыргызского народа с русским и соседними народами в XVIII в. Бишкек, 1995.
22. Супруненко Г.П. Материалы из китайских источников по истории киргизов XVIII начала XIX вв. Фрунзе. 1976. КЖФ. Инв. № 5179.
23. Супатай уулу Амандын айтуусундагы санжыра, Чүй обл. Кемин шаарчасы, кытай уруусунан 74 жашта.
24. Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы. – 1-китеп. – Бишкек, 1993.
25. Пищулина К.А. "Бахар ал-асрар". Махмуда ибн Вали как источник // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1983.
26. Тойлубай уулу Сатыйдын айтуусундагы санжыра. Талас обл. Кара-Буура р-ну, кытай уруусунан 65 жашта.
27. Үмөт Молдонун архивинен көчүрмө. КЖФ. Инв. № 191.

**Исмаилзаде Гудрат Сейфулла Оглы
Достиев Тарих Мейрут Оглы (Баку)**

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА В СРАВНЕНИИ С УРБАНИЗАЦИЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Большое внимание, уделяемое в последнее время изучению проблемы ранних городов и урбанизационных процессов, связано непосредственно с ее важностью и актуальностью. Вопросы теоретического осмысления роли городов в социально-экономической структуре ранних и средневековых обществ Евразии, функции, планировки, внутренней организации, истоков и определяющих черт каждого из населенных пунктов, в настоящее время составляют основу этой проблемы исторической науки, в частности археологических исследований. Изучение данной проблемы в Азербайджане связано с 20-30-ми годами XX столетия, когда известным археологом

и этнографом А.К.Алекперовым на территории Нахичевана была выявлена и изучена серия древних хозяйственно-бытовых комплексов с признаками ранних городов и городской культуры. Целевыми исследованиями этих и последующих годов сведения, расширяющие представления о возникновении и становлении раннегородских центров на территории Азербайджана, о их ведущей роли и этапах развития во многом были преувеличены. Особенно важными являлись данные о закономерных связях и преемственности городских центров различных исторических эпох, в том числе средневековья. Было установлено, что урбанизационный процесс, возникший в древности и получивший наивысший расцвет в средние века, вырос непосредственно на местной почве, подготовленной общим культурно-историческим развитием Азербайджана.

В свете изучения археологических памятников и письменных источников можно констатировать, что культура средневекового Азербайджана входит в систему урбанистических цивилизаций и имеет много общего с культурой Средней Азии.

Археологическими раскопками установлено, что IX-VII вв. были периодом сложения раннефеодальных городов. В основном они были военнополитическими и религиозными центрами. Такими были Баку, Партав, Байлакан, Дербенд, Шабран и другие. Это явление характерно и для Средней Азии в ранние средние века, где город был средоточием власти, главным опорным пунктом и религиозным центром (*Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 145*). В VII-VIII вв. многие города Азербайджана и Средней Азии, пережили схожие политические события. Завоевание Азербайджана, как и Средней Азии, арабами оставило в отличие от Ближнего Востока: проходило в ожесточенной борьбе и длилось десятилетиями. Халифат для усиления своей позиции в этих регионах был вынужден предпринимать ряд военных походов, которые сопровождалось разрушениями и пожарами. Тяжелые последствия этих походов нашли свое отражение в письменных источниках (*Буниятов, 1964, Велиханлы, 1993*), они ярко документируются также археологическими исследованиями. В результате арабского завоевания и арабо-хазарских войн часть раннесредневековых городов Азербайджана прекратила свое существование. Другие же после переходного времени, продлившегося почти два столетия, вновь возродились.

В IX-X вв. завершается процесс формирования феодальных городов Азербайджана, просуществовавшие все средневековье. На этом этапе города Азербайджана из небольших городов-крепостей превратились в крупные административные, ремесленно-торговые и культурные центры. Эта черта характерна и для Средней Азии, в частности, для Ферганы, где большинство городов "выросло из укрепленных городов-резиденций" (*Беленицкий и др., 1973. С. 205*). Города Азербайджана в это время приобрели общемусульманский облик с характерными топографическими частями и с новыми типами монументальных сооружений. Подобно городам мусульманского Востока основу их структуры составляли цитадель, шахристан и ра-

бад. Формирование последнего, состоящего из торгово-ремесленных кварталов, в Азербайджане, как и в большинстве городов Средней Азии, происходит именно на этом этапе. Хотя в Средней Азии он был известен до арабского завоевания. Сдвиги в процессе урбанизации были непрерывно связаны с экономическими, политическими и культурными процессами IX-X вв. Развитие международной транзитной торговли Халифата с Северными странами, подъем ремесленного производства, активные экономические и культурные взаимосвязи различных регионов мусульманского Востока, появление местных феодальных государств, завершение процесса трансформации доисламских традиций и утверждение ислама, - все это благоприятно воздействовало на процесс сложения средневекового города Азербайджана и Средней Азии. Автор XIII века Йакут Хамави, указывая высокий уровень урбанизации Азербайджана на этом этапе, отмечает: "Говорят, что в Арране, вдоль Ар-Расса, существовали тысяча городов" (*Йакут ал-Хамави, 1983*). Несомненно, это преувеличение, но и в то же время это сообщение свидетельствует о высоком уровне урбанизации.

XI- начало XIII в. были периодом расцвета в развитии феодального города Азербайджана. Появление сельджуков не вызывало упадок или деградацию городской жизни, наоборот, создавали благоприятные условия для развития городов. Положительные перемены, происходящие в социально-экономической и культурной жизни, обусловили их поступательное развитие. На этом этапе процесс урбанизации шел интенсивно, города развивались высокими темпами как территориально, так и по населенности. В одном из сочинений Закарии Казвини дана графическая модель города рассматриваемого времени. Модель состояла из пяти концентрических кругов (кухендиз, малый город, большой город, сады и виноградники, пашни). Закарий Казвини, разъясняя модель, пишет, что "это два города: один посередине другого (их-дахума фи васат ал-ухра). Малый город (ал-мадина ас-сугра) называется шахристан. Он имеет стены и несколько ворот (абваб), а большой город (ал-мадина ал-кубра) окружает малый и тоже имеет стены и ворота. Большой город со всех сторон окружают виноградники и сады, которые в свою очередь, окружены пашнями" (*Буниятов, 1986. С. 101*). Что же касается кухендиза, то он возвышался в центре малого города (Там же). В связи с подъемом ремесленного производства и торговых операций, особенно высокими темпами расширяется рабад, растет население городов за счет ремесленников и купечества. В шахристане увеличивается плотность построек, расширяется строительство монументально-высокохудожественных зданий. Усиление гуманистического мировоззрения, возрождение местных древних традиций и стремление к светским наукам явились основными движущими силами городской культуры в Азербайджане, как и в Средней Азии. В этот период на территории Азербайджана образовались Аранская, Ширванская, Марага-Нахичеванская и Казвин-Хамаданская архитектурные школы. Слава этих школ вскоре перешагнула далеко за пределы Азербайджана. На этом этапе в большинстве средневековых городов Азербайджана плотность на-

селения достигает максимального уровня. Археологически все это выражается в мощности и насыщенности культурных напластований XI - начала XII в. Схожая картина наблюдается и в Средней Азии, особенно в северо-восточных регионах. К концу XI в. большинство средневековых городов достигает здесь апогея своего развития (*Беленицкий и др., 1973. С. 351*). Большая близость обнаруживается в планировке городов, архитектуре, благоустройстве, ремесленном производстве и культурной жизни. Например, близкие жилища Байлакана Дехистана, архитектурный декор Марага-Нахичеванской школы и культурных зданий Средней Азии, керамические мастерские Шемахи и Мерва, школа металлообработки Хорасана и Ширвана и т.д. (*Ахмедов, 1979; Лунина, 1974. Т. XV; Джидди, 1990. С. 25-27*). В этот период бурно развивается ремесленное производство, работающее на внутренний и внешний рынок. Большие успехи были достигнуты в ткачестве, металлообработке, керамическом производстве и других отраслях ремесла. В городе Байлакан, имеющего среднюю величину городов Азербайджана этого времени, функционировало более 30 отраслей ремесленного производства (*Ахмедов, 1979. С. 52-65*). А в городах Хорезма, по свидетельству письменных источников, в этот период существовало около 50 основных специальностей и ремесленников (*Буниятов, 1986. С. 102*).

Прогресс в процессе урбанизации в Азербайджане, как и в Средней Азии, был прерван монгольским нашествием. Азербайджан и страны Средней Азии были вовлечены в орбиту единых политических событий в XIII-XV вв. Первый поход монголов в Среднюю Азию, Иран и Азербайджан, завоевание хорезмшахом Джалал ад-Дином Азербайджана, монгольское владычество на Ближнем и Среднем Востоке, взаимоотношение монгольских улусов, возвышение эмира Тимура, борьба азербайджанских феодальных правителей с тимуридами, эти и другие политические события оказали существенное влияние на развитие городской культуры.

Монгольские завоеватели встретили упорное сопротивление горожан, как в Средней Азии, так и в Азербайджане. Письменные источники сохранили многочисленные эпизоды героической борьбы в Мерве, Сыгнаке, Гульгандже; Ходжанте - в Средней Азии, в Байлакане, Мараге, Шмаже - в Азербайджане. После монгольского завоевания часть феодальных городов прекратили свое существование (Байлакан, Баджраван, Варсан, Шамкур в Азербайджане, Мерв, Гургандж, Ахсикет и другие в Средней Азии), другие - пришли в значительный упадок. Оживление городской жизни происходит только в конце XIII - начале XIV в. и поступательное развитие городов в целом продолжается до конца XV в. В это время в процессе урбанизации вырисовываются три региона Азербайджана с различным состоянием городов. Для городов Южного Азербайджана этот период в основном был этапом эволюционного развития. Тебриз стал столицей огромного монгольского улуса Хулагуидов, которые в конце XIII в. "осознают значение городов для постоянных поступлений доходов" и, начиная с Газан хана, "ханская власть выступает как мощный фактор организации градостроитель-

ства" (*Федоров-Давыдов, 1983. С. 215, 217*). В этой связи в центральных областях улуса Хулагуидов, т.е. в Южном Азербайджане, темпы процессов урбанизации ускоряются. Тебриз - столица Хулагуидов становится городом-гигантом своего времени. Возрождаются старые, строятся новые города, в частности, Султаний. В это время в градостроительстве широко применялся дешевый рабочий труд. В этом отношении показательно строительство города-квартала Рубьи Рашиди.

Пагубные последствия монгольского завоевания сильно отразились на городах Арана, часть которых прекратила свое существование, другая - потеряла свое былое значение. В этом регионе Азербайджана не сохранилось ни одного крупного города. Попытка эмира Тимура возродить разрушенный Байлакан не увенчалась успехом. Города Ширвана находились посередине этих крайних полюсов.

Много общего обнаруживается в урбанизации Азербайджана и Средней Азии в XIII - XV вв. Они прослеживаются в различных сферах градостроительства: в планировке, архитектуре, архитектурном декоре, художественном ремесле, денежном деле и духовной культуре. Градостроительные мероприятия эмира Тимура и его наследников в Шахрисябзе, Самарканде, Герате во многом напоминали аналогичные мероприятия в Тебризе, Султанийе, Махмудабаде. Азербайджанские зодчие-строители, наряду с местными специалистами, принимали активное участие в грандиозных строительных работах эмира Тимура, о чем свидетельствуют такие памятники как Аксарай в Шахрисябзе, мечеть Биби-ханум, ансамбль Шахи-Зинда, мечеть-мавзолеей Ходжа Ахмеда Ясеви и т.д. (*Гияси, 1983. С. 67-75*).

XVI - XVII вв. были периодом застоя и упадка в развитии феодального города Азербайджана. Происходит деградация во всех сферах города: в архитектуре, ремесленном производстве, торговле и культурной жизни. Население покидает города, начинается процесс аграризации города.

Литература:

1. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. *Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.*
2. Буниятов З.М. *Азербайджан в VII-IX в. Баку, 1964; Велиханлы Н.М. Арабский халифат и Азербайджан. Баку, 1993 (на азербайджанском языке).*
3. Большаков О.Г. и другие. *Средневековый город Средней Азии.*
4. Йакут ал-Хамави. *Муъджам ал-Булдан (Сведения об Азербайджане). Перев. с арабского З.М.Буниятова и П.К.Жузе. Баку, 1983.*
5. Буниятов З.М. *Государство Хорезмшахов - Ануштегинидов (1097-1231). Москва, 1986.*
6. Ахмедов Г.М. *Средневековый город Байлакан. Баку, 1979; Атаграрьев Е. Средневековый Дехистан. Л., 1986; Лунина С.Б. Эволюция техники гончарного производства в средневековом Мерве. Труды ЮТ-КАЭ. Ашхабад, 1974, т. XV Джидди Г.А. Об археологическом исследовании города Шемахи в 1982 г. // Археологические и*

- этнографические изыскания в Азербайджане (1982г.). Баку, 1990.
7. Буниятов З.М. Государство хорезмшахов – Онуш-Тегинидов (1097-1231). М., 1986.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XII-XV вв. В сб.: Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
9. Гияси Дж.А. К вопросу о связях архитектуры Азербайджана и Средней Азии конца XIII – начала XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

Г. П. Семенов (Санкт-Петербург)

ЗАМКИ СЕМИРЕЧЬЯ

В 1939-1940 годах. А.Н. Бернштам раскопал около южной стены Шахристана Красной Речки замок с поселением. Сам замок представлял собой вытянутое в плане здание шириной с юга на север 26 м. и с запада на восток не менее 16 м (фасадные стены не раскопаны). Внутри замок состоял из восьми комнат типично коридорно-гребенчатой планировки, каждое помещение имело длину около 8 м при ширине около 2 м. Центральное осевое помещение делило застройку на южную и северные части. На фасаде отмечены необычно узкие шириной 10 см щелевидные бойницы. С севера к замку примыкали также обнесенные стеной дворик с хозяйственными постройками невыясненной планировки, в дальнем от замка конце которого находилось оссуарное кладбище. Сам А. Н. Бернштам считал постройку типичным согдийским кешком и датировал его V-VII вв. Основанием для датировки послужили оссуарии, в самом здании материалов практически не было.

П.Н. Кожемяко в 1962-1963 годы раскопал еще один замок к югу от стен шахристана. Мощные глинобитные стены толщиной 6,7 м окружали здание размерами 60,5x57 м, ориентированное углами по сторонам света. В раскопанном северо-восточном углу открыты угловая башня, пятиугольная в плане и следующая за ней башня на северной стене. По реконструкции С.Я. Перегудовой башни располагались по углам и в середине каждой стороны. В северо-восточный угол замка было построено квадратное здание 32,7x30 м. Внутри сырцовыми стенами (кирпич 24x48x10 см) оно было разделено на ряд помещений. По обе стороны от центрального коридора (2,1x16,5 м) перпендикулярно ему находились по четыре одинаковых комнаты (2,1-2,4x5,8 м) Проходы и вход в здание открыты не были. Полуциркульные арки, открытые в стенах, автор рассматривал как декоративные. Для датировки самого здания материалов при раскопках получено не было. Верхнюю границу его существования определяют тюркешские монеты, обнаруженные как под стенами вышележащего здания, так и в верхних слоях забу-

товки замка. По аналогии с замком, раскопанным А.Н. Бернштамом и замком на горе Муг, П.Н. Кожемяко датировал здание V-VIII вв. Наверху забутованного замка был построен буддийский или, как полагают В.Д. Горячева и С.Я. Перегудова, манихейский храм VI-IX вв.

Остатки замка были раскопаны Л.Р. Кызласовым к югу от стен шахристана Ак-Бешима. От замка сохранился только пахсовый стилобат 15x10 м, высотой 2,5 м. Собственно для определения постройки как замка определяющим были находки фигурных обожженных кирпичей, как найденных А.И. Тереножкиным на Ак-Тепе около Ташкента, так и изображенных на Аниковском блюде. Датирована постройка terminus ante quem находкой оссуария в ямке наверху стилобата и подбоем с восточной стороны стилобата с оссурными погребениями. Л.Р. Кызласов полагал поэтому, что уже в VII в. замок был разрушен, а дату его постройки он относил к VI-VII вв.

Еще один замок был раскопан Л.М. Ведутовой в центре городища Бурана. Как и замок около Красной Речки, он представляет собой здание коридорно-гребенчатой планировки с центральным осевым коридором. Верхние слои памятника относятся к караханидскому времени, но построен он был, несомненно, в раннем средневековье (Материалы еще не опубликованы. Я имел возможность ознакомиться с результатами раскопок благодаря любезности Л.М. Ведутовой).

А.Н. Бернштаму принадлежит первая теория о развитии городов Чуйской долины. Во многом она была основана на раскопках замка на Красной Речке, а также на господствовавшей в то время "усадебной теории". Согласно его схеме, первоначальные поселения представляли собой совокупность дехканских усадеб. Впоследствии владельцы усадеб переселяются в шахристаны новых городов, а сами усадьбы забрасываются. П.Н. Кожемяко указал, что говорить о прекращении жизни в усадьбах нет оснований, так как там обнаружены и слои обживания последующего времени. И хотя, полученный в ходе последующих раскопок? археологический материал настойчиво требовал корректив предположенной гипотезы, в литературе еще встречаются ее отголоски.

Прежде всего, необходимо уточнение датировок замков. Как показывает приведенный материал, датировка семиреченских замков была основана, прежде всего, на аналогиях плана с планировкой замка Ак-Тепе Юнуса-бадское около Ташкента.

Материалы этого памятника имеют первостепенное значение для археологии Семиречья: на них были основаны первые выводы о времени и развитии семиреченских городов. Поэтому остановимся на нем подробнее. Площадь замка составляет 2,5 га, включая замок и двор с постройками, обнесенные единой стеной. Раскопки АЮ начал в 1940 г. А.И. Тереножкин, определивший его как замок-кешк V-VI вв. Архитектура замка по раскопкам А.И. Тереножкина была предметом изучения: В.Л. Ворониной. Планировка замка в результате первых раскопок выглядела как квадратный двор с донжоном в юго-западном углу, обнесенный сводчатой галереей с угловыми башнями. В северо-западной части было открыто купольное помеще-

ние и два квадратных помещения с алтарем и суфами.

Работы А.И. Тереножкина были продолжены ташкентским отрядом Института Археологии под руководством М.И. Филанович. Результаты работ до 1983 г. и 1985-1988 годов значительно уточнили первоначальные данные по замку. Было установлено, что угловые прямоугольные башни имели внутри круглые в плане помещения. С западной и южной сторон открыт еще один обводной коридор. В восточной части собственно замка открыты длинные узкие помещения с хозяйственным двориком с винодавильной и кухней. В жизни замка выделено два этапа. К первому – относятся галерея с угловыми башнями. Во втором периоде заботывается центральная часть замка и помещения башен, но сама галерея, как полагают, продолжала функционировать. Фасадные стены имели вертикальный верх и наклон нижней части около 60 градусов и сохранились на высоту до 5 м. Вход в середине северной стороны был оформлен в виде мощной башни с подводящим пандусом. Двор с севера от замка был обнесен стенами еще на первом этапе. Вход находился в середине западной стены. Во дворе, по определению М.И. Филанович, находился многозальный дворец типа Бунджиката, Варахши, Пенджикента и Кафыркалы. На этом основании автор относит АЮ к загородной резиденции правителя Чача, возможно, его родовое поместье. Конец жизни замка связывается с арабскими завоеваниями. Второй период датирован керамикой и монетой тюркешского кагана VII-VIII вв. Среди этого материала и были обнаружены детали оформления верха стен в виде зубцов, крестов и -образные. В своей последней публикации автор нигде не называет абсолютных дат, в чем можно усмотреть ее отход от ранее предположенной даты второго периода, основанной на кладе подражаний монетам Пероза, найденной под полом.

О планировке замка первого этапа пока рано делать какие-либо выводы. Округлые в плане в башни в Согде типичны, начиная с VI в., но тип, где в круглую в плане башню вписано квадратное внутрибашенное помещение, в Согде неизвестен. План замка во втором периоде с донжоном в углу двора находит полные соответствия в согдийских укреплениях конца VII - начала VIII вв. Фигурные кирпичи декоративного фриза идентичны фризу цитадели Пенджикента и изображениям на согдийской живописи и замку на Аниковском блюде. Если сведения о дворце во дворе верны, то структура замка, где укрепление с донжоном находится на верхней площадке, а дворец у ее подножья обнесен отдельной стеной, также соответствует структуре цитаделей согдийских городов (Пенджикент). В то же время квадратное помещение с суфами по всем сторонам и очагом-площадкой в центре также находит полное соответствие в согдийской архитектуре, но не самаркандского, а бухарского Согда (Пайкенд, Варахша, Ак-Тепе). В целом же планировка городов и замков Чача периода накануне арабского завоевания показывает большую близость к собственно согдийской и говорит об активном воздействии культуры Согда на этот регион. Эти данные подтверждаются как близостью керамики этих областей, так и распространением

согдийской письменности. Об активных связях Согда и Чача говорят и частые находки чачских монет в Согде (Пенджикент), находимые вместе с раннеаббасидскими монетами 60-х годов VIII в.

Таким образом, датировка Ак-Тепе второго периода, на которой были основаны даты семиреченских замков, в свете новых раскопок омолаживается по крайней мере до середины-второй половины VII в.

Что касается замков коридорно-гребенчатой планировки собственно в Согде, то и там они оказываются не древнее середины-конца VII в. Замки V-VI вв. имеют другую планировку. Более того, в нескольких случаях в долине Зеравшана удалось проследить, как на остатках замка V-VI вв. строится замок коридорно-гребенчатой планировки.

В соседнем с Согдом Уструшане коридорно-гребенчатую планировку имеет замок Чильхуджра, датированная автором раскопок V-VI вв. Однако керамика из раскопок, относящаяся к первому строительному периоду, имеет прямые аналогии в керамике Пенджикента VII в.

Говоря о более широком круге аналогий, коридорно-гребенчатая планировка встречена в Северном Тохаристане V-VI вв. Речь идет о замках Куевкурган, Актепе и Бабатепе 2. Датировка этих замков колеблется в пределах конца V-середины VI вв., но в любом случае они возведены раньше, чем известные замки такого плана Согда, Чача и Уструшаны.

Вернемся теперь снова к замкам Семиречья. Приведенный сравнительный материал оставляет нам две возможности. Возможно, что замки коридорно-гребенчатой планировки в долине Чу появились одновременно с замками такого же плана в Северном Тохаристане. Тогда они появились раньше, чем в Согде. Учитывая, что появление оседлой культуры в раннем средневековье в Семиречье связывается с согдийской колонизацией, такое предположение представляется маловероятным. В соседней Фергане замки коридорно-гребенчатой планировки неизвестны, а более ранние V-VI вв. близки синхронным замкам Согда. Второе предположение исходит из того, что этот план был принесен согдийцами из метрополии, тогда по времени он вряд ли может быть раньше, чем время их появления в Самарканде и Бухаре. Отсюда следует логический вывод: открытые в Семиречье замки не отражают начального этапа колонизации Семиречья. Их постройка не может быть отнесена ранее, чем к середине второй половине VII в. Сюань Цзянь, в 629 г. посетивший Семиречье, отмечал там уже существовавшие городские цивилизации. Из этой же даты исходит и А.Н. Бернштам в своей "усадебной" теории. Поэтому к VII в. он полагал прекращение жизни в замках с переселением его обитателей в города. Как мы видим, археологические обоснования для этого оказались ненадежными. Более поздняя дата, предлагаемая для замков, значительно лучше соответствует и отмеченному П.Н. Кожемяко продолжению жизни на них в более позднее время.

В этом случае закономерно возникает вопрос, какие археологические материалы могут соответствовать начальному этапу согдийской колонизации. Стратиграфическая колонка керамики V-VIII вв. для Семиречья до сих пор не создана. Лучшая

работа по керамике Семиречья принадлежит В.И. Распоповой. На основе материалов из раскопок Л.Р. Кызласова она показала согдийские традиции V-VI вв., присутствующие в керамике VIII-X вв. Этот факт показывает, что согдийская керамика попала в Семиречье достаточно рано и, как это часто бывает на периферии, эти традиции сохранились там дольше, чем в метрополии. При этом до настоящего времени мне неизвестны примеры согдийской керамики V-VI вв., открытые в слоях семиреченских памятников, того же времени.

Не лучше обстоит дело и с нумизматическими данными для абсолютных датировок. Известны две серии бронзовых литых монет с квадратным отверстием и согдийской легендой; т.н. тухусские и тюркешские. Для первой серии предлагается дата VII в., начало выпуска второй серии относится к VIII в. Достоверно известно, что выпуск тюркешских монет продолжался по крайней мере до X в.

Если мы признаем, что Сюань Цзан не мог видеть известных в настоящее время замков коридорно-гребенчатой планировки, то возникает закономерный вопрос, что в семиреченских городах вообще известно к началу VII в.?

Красная Речка. Наиболее ранние слои открыты на цитадели. К ним относится часть сводчатого помещения, принадлежащего, возможно, зданию замка, аналогичному открытым вне стен шахристана и, вероятно, относящемуся к тому же периоду (согласно предлагаемой гипотезе не ранее середины конца VII в.). Это означает, что слои предшествующего времени раскопками не затронуты.

Ак-Бешим. Наиболее ранние слои открыты Л.Р. Кызласовым в шурфе в центре шахристана. Он датировал их V-VI вв. К сожалению, материалы из раскопок до сих пор полностью не опубликованы, как и основания для датировок. Собственно говоря, по публикации известно несколько сырцовых стен, стоящих на материке.

В настоящее время наиболее ранним является часть крепостной стены с угловой башней, открытые в юго-восточном углу города. Стена сложена из пахсовых блоков со строчками кирпича между рядами пахсы, ее толщина составляет 3,5 м наверху и расширяется к основанию. Сохранность стены в высоте не менее 6 м. Угловая башня каплевидной формы выступает за линию стен на 6-6,5 м. Она также пахсовая и сложена вперевязку со стеной. До сохранившегося верха она монолитная, реальный обстрел мог осуществляться только сверху, между зубцов. Датировочного материала для датировки стены и башни пока не получено. Раскоп внутри в углу городских стен открыл помещения нескольких строительных периодов. Наиболее ранний из них представляет собой сводчатое помещение, датированное керамикой и другими находками, среди которых часть керамического фриза в виде круга с пальметтой в центре не ранее VII-VIII вв. Пол этого помещения находится на уровне 3,5 м от верха стен. Вероятно, ниже находятся более ранние постройки. В согдийской фортификации массивные пахсовые стены с башнями округлой формы приходят на смену тонким стенам из сырцового кирпича с квадратными, часто расположенными башнями с внутренними га-

лерями и многочисленными бойницами не ранее VI в. По всей вероятности к этому же времени следует отнести и раннюю крепостную стену Ак-Бешима.

Материалы Ак-Бешима и Красной Речки – двух наиболее хорошо изученных городов Семиречья показывают, что слои V-VI вв. и в самом городе практически неизвестны. Имеющиеся данные позволяют говорить о городской структуре, начиная со второй половины VII в. К этому же времени относятся и семиреченские замки. Более ранние слои еще ждут своего открытия.

Б.Х Матбабаев

(Самарканд)

ФОРТИФИКАЦИЯ ГОРОДИЩА КУВА (КУБА) (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)

Городище Кува (или Куба по средневековым письменным источникам) расположено в одноименном городе Ферганской области. Археологические работы впервые были проведены Ю.А. Заднепровским в 1951 г. Позже с 1956 по 1970 годы проводились значительные работы АН Узбекистана (Булатова, 1972). С 1977 г. проводятся широкомасштабные работы Ферганским отрядом Института археологии АН Узбекистана (рук. Матбабаев Б.Х.). В древности и средние века одно из крупных не только в Ферганской долине, но и во всей Средней Азии городище Кува отличалось своеобразием оборонительных стен. Прежде всего нужно сказать, что Куба имела три обвода оборонительных стен: первый оборонительный рубеж – стена рабада, второй – стена шахристана и, наконец, третьим рядом стен был окружен арк (цитадель). О стенах рабада невозможно ничего сказать, поскольку они полностью разрушены.

В настоящее время скопился достаточный материал по стенам шахристана. Они лучше сохранились и изучены с северной и южной стороны. В разрезе южной стены (раскоп № 5 и 7) четко прослеживалось наличие четырех последовательно расположенных стен (общая толщина достигает 15 м, высота 5-7 м). Первоначальная стена вскрыта частично, ее ширина составляет 5-6 м, высота была не менее 5 м. Она была возведена из пахсы, а в верхней части из крупноформатных сырцовых кирпичей. Она датируется V-VI вв. Стена окружала город со всех сторон (около 12 га). По нашему мнению, эта стена была выстроена в смутное время – военных неурядиц, возможно, для обороны от эфталитов. Ниже этой стены выявлены образцы ферганской крашеной керамики, датируемые V-VI вв. до н.э. Спустя какое-то время стены Кувы немного ремонтируются и укрепляются, их ширина увеличивается (II стена).

В конце VII в. - начале VIII в. была построена широкая и самая основательная из стен Кувы (III стена). При ее сооружении применялись "ленточная пахса" и кирпич-сырец. Толщина новой стены составляет 5 м. Причина возведения этой стены –

постепенное движение арабов в сторону Ферганы (История Ат-Табари, 1987. С. 267-270). Видимо, в этих условиях кувинцы построили самую мощную стену. Ее использовали длительный период. Последняя стена Кувы была построена в XI-XII вв. (IV стена). Она тоже была возведена с применением пахсы и кирпича и служила для защиты города вплоть до начала XIII в.

Говоря об оборонительных стенах города, нельзя не остановиться на вопросе о башнях. Исследователь Кувы В.А. Булатова писала о том, что на северной стене города было всего две башни, прямоугольные в плане и построенные из пахсы в нижней части, и из сырцового кирпича в верхней. К башне на уровне первого этажа примыкала стрелковая галерея (Булатова В.А., 1972. С. 12-13). О башнях на других стенах памятника она не дала никаких сведений. Работы в 1998 г. позволяют, кажется, внести изменения в эти представления о башнях на стенах Кувы. На отрезке южной стены длиной 70-80 м были обнаружены остатки пристроенных в средние века глухих башен. Пока обнаружены следы только двух башен, их сохранившаяся длина 13-14 м. Общая длина стен шахристана достигала 1331 м. Для того чтобы их построить или отремонтировать требовались немалые усилия людей и большие средства. Думается, что при строительстве оборонительных стен должны были привлекаться не только горожане, но и сельское население округа, поскольку, в случае приближения опасности к Кувы они тоже служили их защитой.

В период работ 1998 г. на Кувинском городище впервые на территории Ферганской долины раскапывались городские ворота. Они на редкость хорошо сохранились. Привратное сооружение на месте входа в город выявлено в юго-восточном углу шахристана. Оно выдвинуто вперед по отношению к южной стене и как бы, подстроено к ней. На первоначальном этапе ворота были шириной 4,5 м. Спустя некоторое время ширина прохода была уменьшена до 2,2 м. Возможно, это связано с тем, что где-то неподалеку были открыты новые ворота (Матбабаев, 1999). По найденным здесь монетам, керамике и строительным материалам раскопанное привратное сооружение существовало в XI-XII в.

Подводя итоги, можно сказать, что открытие и изучение оборонительных сооружений и средневековых ворот Кувы дает новую информацию по культуре градостроительства в Средней Азии и, в частности, Ферганы в древности и средние века.

А. Анарбаев

(Самарканд)

О РАННЕМ ГОРОДЕ ФЕРГАНА

Возникновение города, его морфология, динамика развития и проблема урбанизации общества все более привлекает историков и археологов, географов и социологов, демографов и экономистов и др. Но до сих пор не существует общепринятого определения "город".

Здесь речь пойдет о северном городе Средней Азии, в частности, Фергане. Ю.А. Заднепровский для раннего города Ферганы выделяет пять археологических признаков: большая площадь; развитая система укреплений; наличие цитадели; центр земледельческого оазиса или округа; центр ремесла и обмена (Заднепровский, 1973). Изучая Чустскую культуру, он относит ее то к позднебронзовой, то к раннежелезной эпохе (Заднепровский, 1962; он же, 1978; он же, 1997) и называет городище Дальверзинтепа то земледельческим поселением, то прогородом, то ранним городом. В его последних работах памятники Чустской культуры однозначно относятся к раннежелезной эпохе, и городище Дальверзинтепа характеризуется как ранний город (Заднепровский, 1989, он же 1997).

В одной обобщающей работе, посвященной древнейшим государствам Кавказа и Средней Азии, высказано совсем противоположное мнение, где, в частности, отмечается, что "... и чустская, и эйлатанская, и бургулюкская культуры (по всей вероятности также и культура Уструшаны этого времени) были культурами эпохи первобытно-общинного строя. Соответственно, ни Дальверзин, ни Чуст, ни Эйлатан не могут быть определены как город" (Археология СССР, 1985). Такое заключение, видимо, не верно, так как исследования последних лет показывают, что Дальверзин на определенном этапе существования может претендовать на статус раннего города. Что касается городища Эйлатан, то оно, видимо, является бесспорно городом.

Американский археолог Ф.Кол на основании радиохронологии и аналогии с другими памятниками Средней Азии нижнюю дату чустской культуры датирует XV в. до н.э. (F. Kohl 1984). В недавно опубликованной книге Ю.А. Заднепровского приводится радиохронология чустских поселений Ферганы по методу СИЭП – Горонинген и корректировка МАСКА, где нижняя дата Дальверзина определяется XVII в. до н.э., а верхняя VIII в. до н.э. (Заднепровский, 1997).

В. Рузанов, основываясь на анализе металлических изделий Дальверзинтепа, приходит к выводу, что топор-тесло с уступом, втульчатые долота с прямым лезвием, желобчатый браслет, двулезвийный нож-кинжал с параллельными лезвиями и плоским сечением клинком и ряд votивных предметов позволяют синхронизировать дальверзинский комплекс с периодом Кузали Сапаллинской культуры и удревнить дату Дальверзинтепа до середины XIV в. до н.э. (Рузанов, 1999).

Учитывая результаты этих исследований, можно прийти к следующему выводу, что нижнюю дату Дальверзина можно определить XV-XIV вв. до н.э., а верхнюю – VIII-VII вв. до н.э. Но пока на данном этапе исследования из-за отсутствия хорошо stratифицированной колонки очень трудно что-нибудь сказать о непрерывности жизни в течение почти около тысячи лет. Вместе с тем пока невозможно датировать железные предметы и металлургические остатки, которые были найдены на Дальверзине. Несмотря на это, нам представляется, что Дальверзин претендовал на статус раннего города где-то на определенном этапе своего существования. Может быть это связано с периодом, когда

появились первые железные предметы. И, наверняка, Дальверзин в это время был единственным ранним городом, видимо, были еще несколько поселений в виде формирующихся городов. Например, небольшое поселение Чуст тоже имело несколько элементов раннегородской культуры (цитадель, стена).

Анализируя все имеющиеся данные, можно определить 4 археологических признака раннего города Ферганы: площадь не менее 4-5 га; наличие цитадели и развитие системы укреплений; центр земледельческого оазиса или округа; центр ремесла и торговли. Основными градообразующими факторами являются наличие цитадели и развитая система укреплений: центр земледельческого оазиса; центр ремесла и торговли. При этом следует отметить, что именно в ранних городах формируются новые категории людей, то есть растет профессионализм "горожан".

А.А. Анарбаев

(Самарканд)

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДОВ ФЕРГАНЫ

Изучение древних городов Ферганы в археологическом аспекте началось со второй половины XIX в. С поездкой известного востоковеда и археолога Н.И. Веселовского, посетившего Фергану в 1885 г. по заданию Российской и императорской археологической комиссии в связи с находками на городище Эски Акси (Ахсикент), обнаруженными местными жителями. Н.И. Веселовский проводит небольшие раскопочные работы, в результате которых были получены, в основном, средневековые керамические материалы (Веселовский, 1891. С. 15-19). Позже в конце XIX в. и в начале XX в. представители Туркестанского кружка любителей археологии проводили небольшие обследования на городищах Эски Акси и Мугкала (Ахсикент, Касан).

В начале 1930-х годов изучением Ферганы занимался петроградский археолог Б.А. Латынин. Проводя разведочные и небольшие раскопочные работы в районах северо-востока и юго-запада Ферганской долины, он предложил первую периодизацию древних культур Ферганы (Латынин, 1935). Особенно его наблюдения по развитию ирригации не потеряли своего значения и по сей день (Латынин, 1961; он же, 1962). Именно он открыл городище Эйлатан в северо-восточной Фергане, относящееся к VI-I вв. до н. э., которое он ошибочно отнес к эпохе бронзы.

В конце 30-х годов в связи со строительством Большого Северного и Южного каналов, на их трассе работала большая группа археологов во главе с М.Е. Массоном. В результате были впервые выделены находки, относящиеся к эпохе бронзы, уточнены соотношения различных керамических поселений. Все это помогло понять смену культур, последовательность поселений и запускания отдельных районов. При этих работах в 1939 г.

Массон осмотрел городище Эски Акси (Ахсикент) и отметил, что около 2 тыс. лет назад здесь находился крупный городской центр (Массон М., 1940. С. 53).

В археологии Ферганы особое место занимают исследования А.Н. Бернштама, который, посвятив свою жизнь археологическому изучению северо-восточных регионов Средней Азии в связи с проблемами этногенеза тюркских народов, пристальное внимание уделял и Фергане. В 1948-1951 годы под его руководством были проведены раскопочные работы на поселениях Мугтепа, Мингтепа, Эски Акси (Касан, Мархамат, Ахсикент) и ряда могильников, а также многочисленные разведки, которые позволили ему предложить свою историко-культурную периодизацию северо-восточных районов Средней Азии: эпоха бронзы – 2 тыс. лет. до н. э., сако-усуньский – VII – V вв. до н. э. – II-I вв. до н. э. (подразделением на сакскую VII-V вв. до н. э., сако-исседонскую V-III вв. до н. э., усуньско-даваньскую II-I вв. до н. э.; гунно-кушанскую – I в. до н. э. – II-V вв. н. э.) (с подразделением на гуньскую I в. до н. э. – II в. н. э.; кушанскую II-V вв.), тюркскую – VI-VIII вв.; карлукскую – IX-X вв.; караханийскую – IX-XII вв. (Бернштам, 1952. С. 330, таблица-3). В эти годы А.Н. Бернштамом впервые было проведено детальное археолого-топографическое обследование городов Ферганы.

Летом 1946 г. после осмотра городища Мархамат и изображения лошадей на скалах Аравана А.Н. Бернштамом однозначно отмечено, что главный город Ферганы, который был упомянут Чжан Цяном-Эрши находился на месте городища Мархамат (Бернштам, 1948. С. 160).

В 1947, 1950 годы он исследовал городище Мархамат, снял полуинструментальный план и провел небольшие раскопочные работы. По его мнению, городище было окружено двумя рядами стен, причем вторая – наружная сохранилась только местами. С историко-топографической точки зрения хорошо сохранилась внутренняя стена и, соответственно, внутренний город. Внутренний город имеет прямоугольную форму, ориентирован по сторонам света, с мощными стенами и укрепленными башнями. Он не имел сплошной застройки. Об этом свидетельствуют отдельно стоящие холмики (их всего 16). "Такие городища обычно возникали среди пастушеско-скотоводческого населения и служили не только местобитанием людей, но главным образом для загона скота во время военной опасности" - писал А. Н. Бернштам (Бернштам А.Н. 1952. С. 288).

Полученные материалы дали ему возможность подтвердить свое ранее высказанное предположение о принадлежности мархаматских развалин к древнему городу Эрши – столице Ферганы и датировать его расцвет II в. до н. э. – II в. н. э. (Бернштам, 1952. С. 228-229). Второй город Ферганы Ючен он отождествлял с Узгендом (Бернштам, 1951. С. 15-12).

В 1946 г. А.Н. Бернштам обследовал руины Касана. Как выяснилось, они состоят из двух частей: город и "замок". Сам город очень маленький (Мугтепа), он имел вид трапеции и не совсем правильно ориентирован по сторонам света. Юго-западный угол занят цитаделью. По углам город укреплен выступающими башенками. Отмечен мощ-

ный культурный слой, который вместе с подъемным материалом датируется I-VIII вв. н.э. (*Бернштам, 1952. С. 233-234*).

Рядом с городищем (к востоку от него) зафиксирован "замок" со сложной конструкцией стен. Основная часть замка размером 90x70 м расположена на скалистом плато. Крепостные стены замка укреплены шестью сильными башнями и, судя по остаткам, соединялись с городскими стенами. Анализируя все имеющиеся данные, А.Н. Бернштам приходит к выводу, что замок создан тюркскими правителями (*Бернштам, 1952. С. 234-236*).

В 1948 г. под руководством А.Н. Бернштама проводились большие раскопочные работы на городище Мугтепа. Раскопки проводились на восьми пунктах. Шесть из них - на цитадели, а два - на шахристане. В итоге этих работ он пришел к следующим выводам: Касан - город-ставка, лагерь-крепость возник на рубеже н.э. на месте старого (раннего) поселения. При этом в шахристане он не нашел археологический материал раньше V в. н.э. Более ранние слои зафиксированы в основном в цитадели. Остатки строительства относятся к кушанскому и тюркскому периодам. После этого он был заброшен, но здесь отмечаются следы жизни XI-XV вв. Все это дало возможность А.Н. Бернштаму полагать, что вторую столицу Ферганы - Гуйшуань можно отождествлять с городищем Мугтепа. (*Бернштам, 1952. С. 238-244; он же, 1951. С. 19*).

В 1948 г. он посещает руины древнего домонгольского Ахсикента - Ахсикета, расположенного на месте городища Эски Ахси (старый Ахси) и провел здесь археологические исследования. Он снял план городища и заложил несколько раскопов. Были зафиксированы цитадель, шахристан (Ахси II). Здесь А.Н. Бернштам ошибочно принимает за древний рабат шахристан 2 (Ахси I Б.) (*Анарбаев, 1988. С. 171*).

Основываясь на полученном материале, А.Н. Бернштам пришел к выводу, что первоначальная жизнь городища начинается по крайней мере с кушанского времени, однако, расцвет Ахсикента восходит только к тюркскому (VI-VIII вв.) и послетюркскому времени (IX-X вв.). В IX-X вв. он как столица Ферганы становится крупным торговым и ремесленным центром (*Бернштам, 1952. С. 247; Он же, 1951. С. 27*).

А.Н. Бернштам посетил городища Пап и провел обследование. Здесь он упоминает названия трех городищ: Айртам, Мунчактепа и Баландтепа (*Бернштам, 1952. С. 237*). По его описанию они представляют собой неукрепленные поселения. Здесь ему удалось зафиксировать много керамических изделий, шлак и остатки кузнечных горнов и т.п. Основываясь на этих данных, А.Н. Бернштам пишет, что "это огромный ремесленный центр, живший, развивавшийся под покровительством, вероятно, Ахсыкета" (*Бернштам, 1952. С. 247*).

Таким образом, не располагая в то время большим археологическим материалом, именно А.Н. Бернштам впервые сформулировал характеристику отдельных периодов истории Ферганы от эпохи бронзы до позднего средневековья.

После А.Н. Бернштама изучением городов Ферганы занимался Ю.А. Заднепровский. В начале

1950-х годов он предлагал свою периодизацию культуры Ферганы, обосновал новые даты для Эйлатанского городища - середина I тыс. до н.э. (*Заднепровский, 1954. С. 7-8, 18*). Он же, позднее, анализируя результаты раскопок 1933-1934 годов (раскоп Ж.А. Заднепровского), ввел в научный оборот понятие "Эйлатанская культура" (*Заднепровский, 1960. С. 44-45*). При этом он отмечал, что городище площадью 200 га, состоит из двух частей: внутренней и внешней.

Внутреннее городище, площадью около 20 га, занято застройками, а внешнее, по мнению Ю.А. Заднепровского, могло быть использовано как загон для скота (*Заднепровский, 1960. С. 29-33*). В результате раскопочных работ, которые были проведены на внутреннем городище был зафиксирован культурный слой толщиной 1,2-1,4 м и откуда был получен большой комплекс керамического материала, который разделяется на две группы: лепной архаический и станковый с желто-розовым ангобом. Все эти находки Ю.А. Заднепровский относит к VII-IV вв. до н.э. и городище Эйлатан определяет как однослойный памятник. Вместе с тем он отмечает в верхнем слое наличие раннесредневековой посуды (*Заднепровский, 1960. С. 31-41*).

В 1954-1955 годы Ю.А. Заднепровский сначала обследовал, а потом произвел раскопочные работы на городище Шурабашат. Оно площадью около 70 га и находится на правом берегу р. Яссы в 10 км, к северо-западу от г. Узгена и состоит из трех частей (I, II, III). Цитадель находилась в третьей части. Городище с трех сторон окружено крепостными стенами в виде вала, только с южной стороны реки укрепления не обнаружены. Раскопочные работы, в основном, проводились на всех трех частях городища (*Заднепровский, 1958. С. 99-100, рис. 30*). Всего было заложено 4 раскопа и многочисленные шурфовки. В результате на четырех шурфах, которые заложены на территории Шурабашата-I, не был зафиксирован культурный слой. Исходя из этого, Ю.А. Заднепровский предположил, что в древности он был убежищем для окрестного населения и загона скота во время нападения врага (*Заднепровский, 1962. С. 119*). Два объекта находились на Шурабашате-II, который дал богатый археологический материал. Мощность культурного слоя доходила здесь до 3-х м., было выявлено два периода обживания. В нижнем периоде отсутствуют остатки строительства. Но зато имеется большое количество своеобразной крашеной и расписной керамики, а в верхнем слое, по утверждению Ю.А. Заднепровского, вместе с ней находили также фрагменты красноангобированной посуды. Имеется также единственный фрагмент красноангобированного сосуда с процарапанным орнаментом. К сожалению, здесь автор не уточняет место и стратиграфию находки.

Следующие два объекта находились на цитадели в третьей части городища (Шурабашат-III), которые не доведены до материка. Полученные материалы из раскопа, который находится на цитадели свидетельствуют об одновременности верхнего слоя цитадели и вышеупомянутых раскопок. Из четвертого объекта, который находится на третьей части городища (Шурабашат-III), наряду с

крашенной и красноангобированной керамикой обнаружена поливная керамика X-XII вв. (*Заднепровский, 1958. С. 101-104*).

Раскопочные работы были проведены также в некрополе городища. Вскрыты остатки двух могил, где обнаружены 11 сосудов, которые также представляют все три основных вида керамики городища: крашенная, росписная и красноангобированная (*Заднепровский, 1958. С. 106-107, рис. 34*). Основываясь на полученных материалах, Ю.А. Заднепровский датирует шурабашатский комплекс, состоящий из крашеной, росписной и красноангобированной керамики, IV-I вв. до н.э. и допускает возможность его существования в первых веках н.э. (*Заднепровский, 1958. С. 108; он же, 1985. С. 306*). В целом полученные материалы дали ему основание локализовать древний город Ючен (Ю) на месте городища Шурабашат (*Заднепровский, 1962. С. 182*).

Ю.А. Заднепровский в 1951 г. и 1983 г. проводил раскопочные работы на городище Мугтепа – руины древнего Касана. В результате были вскрыты строительные остатки верхнего слоя, относящегося к XIII-XVI вв. Под ним расчищена часть дома VI-VII вв. В нижних слоях получена керамика с красным ангобом, которая по определению Ю.А. Заднепровского, датируется рубежом нашей эры (*Заднепровский, 1983. С. 530-531*). Расчищен наружный фас северной оборонительной стены и частично открыта башня. Все это дало ему возможность прийти к выводу, что Касан был столицей Даванского царства на рубеже нашей эры и центром Ферганы в VI-VIII вв. (*Заднепровский, 1983. С. 531*). Тем самым он подтвердил ранневывыказанное мнение А.Н. Бернштама (*Бернштам, 1952. С. 232-233*).

В 1973 г. Ю.А. Заднепровский проводит небольшие раскопочные работы на городище Мархамат. Полученный керамический материал разделяется на два комплекса. Первый комплекс (Мархамат-I) получен из нижних слоев, который соответствует второму этапу Шурабашатского периода – II-I вв. до н.э. Здесь, наряду с красноангобированной керамикой, представлена крашенная и росписная Шурабашатская керамика. Вторым комплекс (Мархамат-II) получен из верхних слоев и назван Мархаматским и относится к первым векам н.э. Ю.А. Заднепровский, в отличие от А.Н. Бернштама, цитадель города помещает на месте большого холма, который находится в северо-западной части городища (*Заднепровский, 1985. С. 306-312*). В 1986-1987 гг. Ю.А. Заднепровский вместе с Б. Матбабаевым провели исследования на двух объектах городища Мархамат: один из них находится на западной оборонительной стене, другой на южном склоне большого холма – “цитадели”.

На первом объекте были вскрыты прямоугольная башня размером 18x9,6 м, с внутрибашенным помещением (6,2x2,8 м). Крепостная стена и стены башни возведены из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (40x40x10 см, 42x32x10 см, 37x28x8x10 см). При раскопочных работах обнаружены фрагменты красноангобированных и лепных крашенных шурабашатских сосудов. (*Заднепровский, Матбабаев, 1991. С. 64*).

Другой объект расположен на южном склоне холма – “цитадели”, находящейся в середине час-

ти городища и имеет стратиграфический характер. Раскоп размером 23x4 м, доведен до глубины 10,8 м и выявлено 5 строительных “горизонтов”, которые в целом датируются от IV-III вв. до н.э. до IV-V вв. н.э. (*Заднепровский, Матбабаев, 1991. С. 71-72*). Тем самым они предлагают более широкую дату Мархамата.

Судя по стратиграфии, можно выделить в основном три периода: I – самые нижние культурные слои толщиной 2,8 м; II – мощная платформа – стилобат (4,7 м) для монументальной постройки. От последней не сохранилось почти ничего. Над платформой зафиксирован культурный слой (толщиной 1,5 м), который, видимо, также можно включить в второй период; III период – самые верхние слои со строительными остатками (1,6 м) имеют несколько этапов. Здесь следует отметить, что Ю.А. Заднепровский упоминает о наличии трех периодов в жизни Мархамата (*Заднепровский, 1985. С. 312*). Но, к сожалению, он четко не указал, что такое третий период, т.е. к какому времени он относится – античному или раннесредневековому, потому что на поверхности городища были зафиксированы следы жизни раннесредневекового периода.

Начиная со второй половины 1950-х годов изучением города Ферганы занимались сотрудники Института истории и археологии АН Республики Узбекистан и ряд музеев Узбекистана. В частности, изучением городища Эски Акси в 1957-1959 гг. (Ахсикет-Ахсикент) занимался сотрудник Наманганского музея Ю.Т. Чуланов. Результаты обследования городища, наряду с данными других исследователей, позволили ему прийти к выводу, что первоначально на территории городища находился город античного периода, а в период средневековья на его основе складывался феодальный город с мощной цитаделью, внутренним городом (шахристаном и торгово-ремесленным предместьем – рабадом). В начале XIII в. город был полностью разрушен монголами и прекратил свое существование. Позднее, при Тимуридах (XV в.), Ахсикент был основан в другом месте и существовал до XVI в. включительно (*Чуланов, 1969. С. 197-199*).

Начиная со второй половины 1950-х годов под общим руководством Я.Г. Гулямова, С. Рахимов, И. А. Ахраров на городище Эски Акси проводили большие археологические работы. На территории восточного рабада Ахсикента (Акси-III) С.Рахимов и И. Ахраров вскрыли остатки средневековой бани. Позже (1967-1969 и 1971-1977 гг.) раскопочные работы велись еще в арке, шахристане (Акси I А., Акси I Б) и западном рабаде (Акси-II). В результате почти полностью были вскрыты, так называемая, женская башня (Акси-III), остатки жилого дома IX-XI вв. (Акси-II), более чем в 10 пунктах городища производились шурфовки и зачистки. И. Ахраров, обобщив все полученные материалы, пришел к заключению, что руины Ахсикента (Ахсикента) состоят из трех территориально обособленных и разновременных городищ: античного, домонгольского и тимуридского. После запустения античного Ахсикента (Акси-II) рядом сложился раннесредневековый Ахсикент (Акси-I), который просуществовал до монгольского завоевания (*Ахраров, 1970. С. 21-22*).

В 1956-1959 году сотрудники Института истории и археологии АН Узбекистана (В.Д. Жуков, И. Ахраров, А.Р. Мухамеджанов и др.) проводили топографические и стратиграфические раскопки на шахристане и цитадели в 1965 г., 1970 г. В результате были получены очень интересные материалы, относящиеся к античному и средневековому периодам. Результаты стратиграфического раскопа, который находился в юго-восточной части шахристана, дали материалы, свидетельствующие о том, что поселение возникло не позднее первых веков н.э. (Булатова, 1972. С. 12).

В северной, восточной и западной частях шахристана были вскрыты крепостные стены и жилые кварталы верхнего слоя. В частности, на стратиграфическом разрезе северной стены выяснилось, что "ширина стены по низу достигает 10 м, сохранившаяся высота 5 м. Ее внешняя плоскость имеет уклон, характерный для всех глинобитных сооружений. Внутри городища стена отвесная. К ее внешней плоскости примыкают четыре ремонтных "рубашки". Причем, последняя сделана в начале XIII в. из кирпича размером 48x26x10, 50x25x10 см". (Булатова, 1972. С. 12). Под стеной зафиксированы слои с античной керамикой, которая имеет плотный красный ангоб с лощением. На цитадели открыт гребень западной стены толщиной 5,8 м и северо-западная угловая прямоугольная башня, сложенная из пахсы и сырцового кирпича размером 50x25x10 см, которые тоже относятся к XII-XIII вв. (Булатова, 1972. С. 11-13).

В эти годы севернее шахристана В.А. Булатовой был раскопан буддийский храм с раннесредневековым поселением.

В строительстве Кувинского храма применены все приемы среднеазиатской архитектуры – это, в первую очередь, расположение здания на высоком стилобате и колонный айван у входа, храмовый зал с перекрытием на колоннах и, конечно, обширный двор. Храм является идеологическим центром города Кувы в VII нач. VIII вв.

Интересными оказались остатки построек возле храма, где выявлен целый комплекс, состоящий из шести кварталов, где жили и трудились ремесленники различных профессий. Изучением буддийского храма, жилого и ремесленного комплекса дало возможность говорить об урбанистическом характере предместья раннесредневековой Кувы (Булатова, 1972. С. 82, 90-91).

Изучением Ходжента, который расположен на западной окраине Ферганской долины, занимались таджикские археологи во главе с Н.Н. Негматовым. Проводились многочисленные стратиграфические шурфовки и было получено довольно достаточно материала, чтобы предварительно восстановить историческую топографию г. Ходжента. В результате был выявлен почти квадратный в плане укрепленный город (площадью около 16 га) с цитаделью в северо-восточном углу и именно здесь локализован город, построенный Александром Македонским

Александр Крайняя (Негматов, Беляева, 1977. С. 559; Бегиатов, 1980. С. 267-280; Беляева, 1986. С. 92-95). По заключению Н.Н. Негматова и Т.В. Беляевой, самая ранняя крепостная стена-арка возведена в IV в. до н.э. на месте поселения более раннего периода (Негматов, 1980.

С. 279-280). Весь керамический материал получен из нижних слоев и в целом датируется VI-IV вв. до н.э. (Беляева, 1978. С. 47; Негматов, 1986. С. 5; Беляева, 1986. С. 85). При этом отмечаются очень близкие черты с материалами эйлатанской культуры (Негматов, Беляева, 1977. С. 569, Негматов, 1986. С. 5, Беляева, 1986. С. 84). Отметим, что при раскопках в некоторых объектах, наряду с лепной и светлофонной керамикой, найдены красноангобированная посуда. Она вместе с другими находками в целом датируется VI-IV вв. до н.э. Но, к сожалению, очень трудно определить места расположения этих сосудов в стратиграфии нижних слоев Ходжента.

Недавно Б. Матбабаев опубликовал специальную статью, посвященную локализации древних городов Ферганы (Матбабаев, 1995). Здесь в основном речь идет о трех городах Ферганы, которые были отмечены в китайских хрониках; Эрши, Ючен (Ю), Гуйшуань (Гуйшань). Он, присоединяясь к мнениям А.Н. Бернштама и Ю.А. Заднепровского, локализирует столичный г. Эрши на городище Мингтепа, а второй г. Ючен – на городище Шурабашат (Матбабаев, 1995. С. 78-79). По его описанию в нижних слоях Шурабашата идет как будто эйлатанская керамика (VI-IV вв. до н.э.) вместе с шурабашатской. На основании этого отмечает, что определенный период Шурабашата синхронен с Эйлатанской культурой и датирует V-III вв. до н.э. (Матбабаев, 1995. С. 79). Из-за отсутствия стратифицированного археологического материала невозможно подтвердить или отрицать нижнюю датировку Шурабашата, предложенную В. Матбабаевым.

При локализации столичного г. Гуйшуань он предлагает два варианта, во-первых, по его мнению г. Гуйшуань мог находиться на территории городища Мунчактепа, которое находилось на правобережье Касансая. Вблизи этого памятника Касансай впадает в Сырдарью. Во-вторых, его вполне возможно отождествить с городищем Баландтепа (Папское городище). Неточно определено географическое расположение этих памятников. Мунчактепа помещается рядом с Ахсикентом (Эски Ахси), а расстояние между Мунчактепа и Баландтепа ошибочно определяется 20-25 км. (Матбабаев, 1995. С. 8). На самом деле Мунчактепа находится не рядом с Ахсикентом (Эски Ахси). Расстояния между ними равняется почти 10 км. Баландтепа находится к западу от Мунчактепа на расстоянии около 45 км.

В связи с этим посмотрим, что собой представляют эти памятники. Мунчактепа сейчас как археологический памятник не существует. Он полностью разрушен. В начале 1980 г. М. Исомиддинов при разведочных работах, основываясь на подъемный материал, который был собран среди хлопковых полей, предполагал, что памятник занимает где-то около 100 га. Весной 1989 г. нам пришлось проводить разведочные работы и проверить эти данные. В результате выяснилось, что с юга на север протяженностью от 800 до 900 м, а с востока на запад от 600 до 700 м встречается керамика с красным ангобом. Иногда местами в отдельных участках этих находок попадает сравнительно много. Но нигде нам не удалось зафиксировать остатки культурного слоя с красноан-

гобированной керамикой. Несмотря на это удалось предварительно выяснить, что здесь наверняка имелось не меньше трех памятников. Первый, самый главный памятник, площадью где-то около 10 га, второй - его некрополь, площадью 1,5 - 2 га, а третий, видимо отдельно стоящий памятник небольшого размера (около 1 га), который находился на расстоянии около 500 м от основного памятника. По рассказам местных жителей эти памятники были разрушены в 1930-1940-х годах при земляных работах. Все это дает нам основание считать определение площади, так называемого, памятника Мунчактепа, в 100 га ошибочным.

Другой памятник - Баландтепа в первые века н.э., особенно на их начальном этапе, занимал сравнительно маленькую площадь, т.е. ограничился в основном территорией цитадели. За пределами последнего, кроме отдельных находок, не было зафиксировано слоев античного периода. Все это свидетельствует о том, что в эпоху античности на территории Баландтепа не было никакого города. В это время можно предположить только наличие здесь небольшого поселка, который входил, видимо, в круг урбанизированной системы.

Таким образом, вся аргументация - Б. Матбабаевым в пользу Касансайского Мунчактепа и Папского Баландтепа не имеет под собой серьезных оснований. И, соответственно, никак нельзя локализовать столичный город Гуйшуань на месте вышеуказанных памятников.

Вместе с тем проводились многочисленные исследования на поселениях и могильниках Ферганы. В первую очередь, надо указать работы Н.Г. Горбуновой, Б.Л. Литвинского, Г.А. Брыкиной, В.И. Козенковой, С.С. Сорокина, Ю.Д. Баруздина, Е.Д. Салтовской и др., которые внесли большой вклад в изучение древней истории Ферганы.

Таким образом, археологические исследования, небольшие раскопки и разведочные работы велись на руинах древних городов и поселениях почти постоянно. Полученный археологический материал и накопленный богатый научный опыт подготовил прочную основу для широкого научного обследования.

Литература:

1. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования). // СА, №1, М., 1988.
2. Ахраров И. К исторической топографии Ахсикента // Средневековый город Средней Азии и Казахстана. Тезисы к освещению в г. Фрунзе. Л., 1970.
3. Беляева Т.В. Археологический, античный и раннесредневековый Ходжент по данным письменных и археологических источников // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986.
4. Беляева Т.В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
5. Бернштам А.Н. Араванские наскальные изображения и даваньская (Ферганская) столица Эрши // СА, №4, М., 1948.

6. Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1951.
7. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. М.-Л., 1952.
8. Булатова В.А. Древняя Кува., Ташкент, 1972.
9. Веселовский Н.И., Отчеты о работах в Средней Азии в 1884-1885 гг. /ОАК за 1882-1888 гг. СПб., 1891.
10. Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954.
11. Заднепровский Ю.А. Городище Шурабамаат. // КСИИМК, № 71. М., 1958.
12. Заднепровский Ю.А. Городище Эйлатан (к вопросу о датировке памятника) // СА, № 3, М., 1960.
13. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, № 118. М., 1962.
14. Заднепровский Ю.А. Исследования древнего Касана // ОА, М., 1983.
15. Заднепровский Ю.А. 1985. Фергана. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. М., Наука, 1985.
16. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Городище Мархамат (некоторые итоги изучения) // ИМКУ, Ташкент, 1991.
17. Латынин Б.А. Работы в районе проектируемой гидростанции на реке Нарын в Фергане // ИГА-ИМК, вып. 110. М., 1935.
18. Латынин Б.А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г. // АСГЭ, вып. 3, Л., 1961.
19. Латынин Б.А. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия Древней Ферганы (Обобщающий доклад по работам, представленный как диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1962.
20. Массон М.Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала // КСИИМК, IV, М.-Л., 1940.
21. Матбабаев Б. Фаргона кадимий шахарларини жойлашган урни муаммолари // ОНУ, № 9, 1995.
22. Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Раскопки на цитадели Ленинабада и локализация Александрии Эсхаты. // АО, М., 1977.
23. Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // АРТ, вып. XV Душанбе, 1980.
24. Негматов Н.Н. Ходжент. Основные этапы истории // исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986.

Ю.Ф. Буряков

(Самарканд)

ГОРНОРУДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВОСТОЧНОГО МАВЕРАННАХРА

1. Разработка рудного сырья и плавка металла сыграла огромную роль в развитии экономики общества, урбанизации, торговых и культурных связей стран Евразии. Значительное место в этом процессе сыграло включение в товарооборот благородных металлов - золота и серебра, прошедших по трассам торговых связей в виде парадной элитной продукции и в виде "товара товаров" - монет.

2. Среди восточных регионов большую роль сыграли природные богатства Средней Азии, обладающей широким спектром рудных ископаемых. Здесь для древности и средневековья выделяется несколько узлов – Вахан, Согд с Уструшаной и восточный регион горной системы Таласа с отрогами Чаткальского и Кураминского хребтов в бассейнах средней и верхней Сырдарьи.

3. Восточный географ X в. Истахри, хорошо знавший Хорасан и Мавераннахр, описывает горы от Бамиана и Пандшира до Вахана, “разветвляющиеся в Мавераннахре до внутренних пределов тюрок до Илака и Шаша вблизи хырхызов. В этих горах от начала до конца рудники серебра и золота и самые богатые из них те, что близки к стране хырхызов... И эти рудники, которые находятся в Уструшане, Фергане, Илаке, Шельджи и Лабане до страны хырхызов, все они находятся в главном хребте этих гор и примыкающих к ним горам”. (Истахри).

4. Археологические исследования показали, что добыча металлов в этом регионе, ядром которого являлись Фергана и Ташкентский оазис, начинается в эпоху бронзы, когда в Фергане выявляется Наукатское месторождение (М.Е. Массон), в Ташкентском оазисе район Акташкана и Адрасмана (Ю. Ф. Буряков), плавка и литье в Кайраккумах (Б.А. Литвинский) в Туябугузе (Х. И. Дуке).

Для 1 тыс до н.э. известны отрывочные сведения о возможной добыче золота в Кочбулаке, серебра в Канимансуре (Ю.Ф. Буряков), в Учкатли-Мискане, Чокадам булаке (Б.И. Наследов).

5. Значительно больше сведений о эпохе средневековья с V-VI в. н.э. в Чаткале – пункт добычи и плавки меди в Кокреле, Каракия и Алмалыксае. Расширяются ареалы добычи золота в Чаткальском хребте – в Кызылпалме и Кочбулаке, серебра – в Канджоле, Канимансуре, Лашкереке, железа в Шаугазе. Вырастают стабильные центры плавки – Тункет, Туккет, Кокрель (Ю.Ф. Буряков). Не случайно в период завоевания арабы накладывают специальный налог на “серебряный рудник Чача”. М.Е. Массон считает, что сообщения историков IX-X вв. о рудных месторождениях Ферганы также основаны на доарабских источниках (М.Е. Массон). Археологические материалы представлены на Ак-тепе.

6. Бурный расцвет рудного ремесла Восточного Мавераннахра происходит в IX-XII в. Добыча серебра занимает ведущее место в экономике Шельджи, в Таласском Алатау. Здесь раскрыты 3 группы древних выработок для извлечения серебро-свинцовой руды с последующим купеллированием серебра. Разработки сочетают горизонтальную и вертикальную проходку, обусловленную характером рудных тел. Интересен высеченный близ рудника Текели план древней выработки – свидетельство зарождения маркшейдерского дела (М.А. Бубнова). Крупные горнорудные работы отмечаются в других регионах Ферганы (Е.А. Давидович, Б.А. Литвинский).

7. В северной Фергане древние рудники открыты в бассейнах рек Кенкоме и Ирису-Аккан, Кенкол, Ирису. Но наиболее крупный серебряный рудник в бассейне рек Джусалы и Кенгула – Актепа. Здесь на площади 4,5 км выявлено более 200 выработок в основном шахтного типа с системой

водоотвода, найдены железные и каменные орудия труда, раскрыты обогатительные площадки, изучены поселения рудокопов, свидетельствующие о работе артелей свободных мастеров. Объем работ оценивается от 450 тыс. до 1 млн. м. (С.А. Дудаков). Золотые рудники Северной Ферганы выявлены в Гавасае (Савдобулак, Дирсай, Кушагуль и др.). В Южной Фергане следует отметить добычу ртути (В.Т. Сургай).

8. Наиболее крупным рудным районом по извлечению благоприятных металлов в Восточном Мавераннахре являлся Илак, ядром которого является долина р. Ахангаран. В ее верховьях в Южном Чаткале – крупные золотые рудники Кызылпалма, Самарчук, Кайнар. Добыча шахтная, глубиной до 180 м с системой водоотвода. Работу вели в основном свободные артели.

В Кураминском хребте – и золотые (Кочбулак), и серебряные рудники. Самый крупный Лашкерек со сложной системой штолен, камер и шахт глубиной до 300 м и самой богатой серебряной рудой, включая самородную. Здесь локализован “серебряный рудник Чача”, Кухисим. Ниже по Ахангарану – наиболее крупные рудники: золотые – Акджен-Актурпак. Алтынтопкан, серебряные Канджол, Канимансур, сочетающие гигантские камеры, штольни и шахты. Общий объем извлечения золота и серебра в Илаке в настоящее время оценивается в пределах 2 млн. м.

9. Полученные материалы раскрывают роль извлечения металлов в процессе урбанизации Ферганы и Чач-Илака, включению их в торговые связи и передвижения в них ведущих трасс Великого Шелкового пути. Не случайно клады монет и украшений этих областей активно проникали в страны Западной и Восточной Европы, дав импульс к развитию в них серебра и золотодобывающего производства в средние века.

Б.К. Абытов

(Ош)

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГОРОДА ОШ

Известно, что нумизматические источники свидетельствуют о важной части истории не только отдельных городов и правителей, но и целых народов и государств. Монеты различных весов, достоинств и проб из разных цветных металлов глубоко и подробно раскрывают торгово-экономические, товарно-денежные, международные отношения, денежную политику отдельных государств, правительств и правителей. Они же извещают и об уровне жизни населения и раскрывают многие другие стороны истории. Для истории города Ош одним из важных источников выступают именно нумизматические источники, которые довольно хорошо изучены учеными-специалистами. С древних времен в торгово-экономических отношениях города широко использовались монеты разных достоинств и проб, разных государств и правителей. Это были медные и посереб-

ренные дирхемы, фельсы, золотые динары арабского халифата, в государстве Саманидов в обращении ходили рыночные серебряные дирхемы или "исмаили", золотые монеты - динары. Они использовались, в основном, в оптовой торговле, а для мелкой торговли использовались медные фельсы Саманидов. В то же время в товарно-денежном обращении Оша ходили и дирхемы-хорезмийские, мусейяби, мухаммади и гитрифы. Они также свидетельствуют и о налогах, выплачиваемых саманидами. Так, если в IX-X вв. Ходжент платил налоги только высокопробными серебряными дирхемами мусейяби, то Бухара только бронзовыми дирхемами гитрифы. А Фергана, в состав которой входил город Ош, платила налоги низкопробными серебряными дирхемами-мухаммади. Хождение в торговлю - экономическом обращении различных монет разных государств и правителей свидетельствует о разносторонних и развитых экономических отношениях Оша со всеми регионами Центральной Азии и даже всего Востока. Названные нумизматические источники свидетельствуют, что город Ош, благодаря своему удачному месторасположению на одном из ветвей Великого Шелкового пути, связывал торгово-экономическими отношениями, а также своей денежной политикой многие страны не только Восток, но и Восток с Западом.

О дальнейшем развитии денежной политики, а также торгово-денежных отношений Ош с другими городами и государствами свидетельствует история государства Караханидов. К этому времени Ош является классическим средневековым городом, где имелись все важные компоненты: множество дворцов и дворов, караван сараев и рынков, мест общественного питания, мастерских, мечетей, медресе и т.д. Это в свою очередь извещает нас об активном обращении денежной массы. История г. Ош эпохи Караханидов знает, что торгово-экономические операции осуществлялись посредством медных фельсов, разнопробных серебряных дирхемов и золотых динаров. Отдельные источники и ученые подтверждают и тот факт, что в городе действовал и монетный двор Караханидских правителей. Известно, что монетный двор Оша чеканил свои фельсы в 1009 г. Наш древний город не остался в стороне от того процесса, который в эпоху Караханидов привел к процветанию торговли. Город Ош был связан караванными путями, идущими в Китай и обратно через Ахсыкент, Худжанд, Бухару, Самарканд далее в Афганистан, Иран, Индию. Ошские караханидские монеты составляют одну из богатейших нумизматических коллекций современного Кыргызстана.

История свидетельствует о том, что монетные дворы городов Ош и Узген действовали и при чингизидах. Ошские монеты-фельсы, датированные 1288 г., а в конце XIV - начале XV в. в обращении ходили серебряные монеты-дирхемы с подписью «Ош». Параллельно в обращении на рынках города ходили медные фельсы, посеребрённые и серебряные дирхемы, золотые динары Бухары, Самарканда, Герата, Шираза, Шахрухия, Кашгара, Термеза, Ташкента и других городов и государств.

Нумизматические источники истории города XVI-XVIII вв. свидетельствуют о том, что нельзя рассматривать денежную политику Оша вне товарно-денежных отношений, а также денежных реформ на всей территории Центральной Азии. В обращении на рынках Оша в это время ходили золотые монеты Шейбанидов и Аштарханидов (Джанидов), их же серебряные тянга, медные фельсы, медные пули и динары.

В период Кокандского ханства в обращении были медные монеты-пули, серебряные монеты - тилла, а также золотые динары. Имелись также золотые монеты с надчеканкой «Мухаммед Фулад», т.е. Пулат хана. Следует отметить, что к XIX в. город Ош являлся одним из крупных не только политических, но социально-экономических и торговых центров Кокандского ханства. Таким образом, многочисленные нумизматические источники свидетельствуют о непрерывных торгово-экономических и товарно-денежных связях города Оша со всеми соседними городами и государствами Востока и Запада.

■
Б.Д. Кочнев

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ДОМОНГОЛЬСКИХ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ ФЕРГАНЫ

В домонгольское время (IX - нач. XIII в.) в Ферганской долине функционировали следующие монетные дворы: Ахсикет (Хшикат, Ахси), Касан, Куба, Маргинан, Насрабад, Ош, Риштан, Узгенд (Узженд), Фергана, Хафдех, Ходженд (Худжанда), а также Ванкет (?), Вашкенд (?), Хоканд (?), Чункет (?). Локализация Ахсикета, Касана, Кубы, Маргинана, Оша, Риштана, Узгенда, Ходженда сомнений не вызывает. Фельсы (медные монеты) с обозначением "Фергана" в X в. выпускались, очевидно, в столице саманидской Ферганы, Ахсикете, в конце X-XI в. - не только в тогдашней столице Узгенде, но также в Ахсикете, Кубе, Маргинане, Оше; иначе говоря, монетный двор Ферганы не имеет конкретной привязки. Некоторые косвенные признаки (например, высокий уровень каллиграфии) определенно указывают на ферганское происхождение ванкетских (?) медно-свинцовых дирхемов середины XI в., но само чтение "Ванкет" - не окончательное. Вашкенд (?) возможно, соответствует Узгенду. Особенности упоминания правителей на хокандских дирхемах второй четверти XI в. типичны для Ферганы, но название денежного двора воспроизведено на монетах (без "вава" и "алифа") не так, как "Хоканд" в рукописных источниках.

Чекан Насрабада представлен саманидскими фельсами 335-44/946-56 гг. По данным Мукаддаси, ферганский Насрабад был большим городом, который Саманид Ахмад б. Асад (IX в.) построил для своего сына Насра. О.Г. Большаков сопоставляет Насрабад с Хайламом (Хайраламам), а после-

дний – с городищем Ничке в Кетменьлюбинской котловине. Между тем, согласно Истахри, Наср б. Ахмад родился в Хайламе (который, следовательно, не мог быть построен для него). Городище Ничке явно старше IX в. Истахри называет Хайлам главным городом Миан-Рудана, одной из трех “подобластей”, на которые делилась Фергана, а главный город едва ли мог находиться на отшибе, да еще в таком глухом горном углу, как Кетмень-Тюбе. Наконец, никак не согласуется с представлением о захолустье очень высокий уровень насрабадского чекана. Словом, локализация О.Г. Большакова не кажется убедительной, пока же Насрабад приходится помещать в широких пределах Миан-Рудана, т.е. восточной части Ферганы между Нарыном и Карадарьей, скорее всего на территории Кыргызстана.

В Миан-Рудане находился и Хафтдех (буквально “семь селений”), где в 394-95/1003-05 гг. чеканились караханидские серебряные дирхемы. Из сообщений авторов X в. можно понять, что местность Хафтдех располагалась в самой восточной части Миан-Рудана, на границе с неверными, и включала, в частности, города Бискенд и Селат (Шелат). О.Г. Большаков помещает Селат к северу от Узгенда. Вплескестви Хафтдех назывался Йетикендом или Джетыкендом. Мухаммад Хайдар (XVI в.) упоминает Йетикенд как вилайат и город, являвшийся ставкой моголистанского правителя Султан-Махмуд-хана, но не приводит каких-либо конкретных ориентиров. Слова того же автора о небольших масштабах земледелия в Йетикенде подсказывают, что этот вилайат находился в основном в горной местности. Так или иначе, монетный двор Хафтдех должен располагаться в кыргызстанской части Ферганы.

Только караханидскими фельсами 401/1010-11 гг. представлена продукция монетного двора, в названии которого перед компонентом “кет” стоят еще два названия. Ферганское происхождение этих монет бесспорно: по оформлению и содержанию надписей они идентичны фельсам Узгенда того же года. Есть достаточные основания сопоставить это название с фигурирующим в “Каноне Масуда” Бируни (XI в.) наименование одного из городов Ферганы; в этом слове перед компонентом “кет” тоже стоят два знака – из группы “ха”: “джим” и зубец. Судя по тому, что из других ферганских городов Бируни называет только Ахсикет, Кубу, Ош, Узгенд и Ходженд, обсуждаемый пункт должен быть значительным, в чем убеждает также наличие в нем собственного монетного двора. Между тем даже у Муккадаси (X в.), который перечисляет более 30 городов Ферганы, этого наименования определенно нет. Одно из двух: либо у авторов X в. этот город фигурирует под другим названием, либо в первой половине XI в. его значение, пусть ненадолго, существенно выросло. Одно из возможных чтений обсуждаемого топонима – Чункет; так называлось селение, которое в документе 1292/1875-76 г. упомянуто вместе с Ошом и Джалал-Абадом. Поэтому вполне возможно, что данный монетный двор находился на юге Кыргызстана. Было бы не плохо, если бы кто-то из специалистов или краеведов выяснил, не сохранилось ли до сих пор селение Чункет и нет ли поблизости древнего городища.

А.М. Мокеев,
Т.Д. Джуманалиев (Бишкек)

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ XVI-XVIII ВВ. О КЫРГЫЗАХ И КЫРГЫЗСТАНЕ

Тюркоязычная историческая и агиографическая литература сформировалась в эпоху позднего средневековья под влиянием мусульманской историографии. Тюркоязычные произведения главным образом были составлены в Восточном Туркестане и в сопредельных регионах Средней Азии. Следует отметить, что некоторые из этих исторических и агиографических трудов недостаточно освещены в историографии Кыргызстана. В связи с этим, в данной статье сделана попытка дать краткий обзор нарративных письменных памятников, написанных на так называемом среднеазиатском тюрки.

К числу тюркоязычных источников по истории кыргызского народа во второй половине XVI в. относится «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад-шариф» (“Жизнеописание Ходжи Мухаммада Шарифа”). Это анонимное сочинение, посвящено жизнеописанию одного из известных деятелей суфийского ордена увайсийя, жившего в Восточном Туркестане в XVI в. – Ходжи Мухаммада Шарифа. Труд был написан, по-видимому, во второй половине XVI в. на уйгурском диалекте (Мокеев, 1996. С. 440; МИКХ С. 232-234).

В настоящее время известны три списка рукописи и все они хранятся в рукописном фонде СЛФ ИВРАН, под шрифтом С 582, Д 371, А 237 (Мугимов, 1962. С. 64). В списках имеются разночтения в деталях, фрагментах, названиях местности, именах.

Данное произведение относится к агиографическому жанру, поскольку здесь описываются «чудеса» и «пророческие» предсказания, совершенные Ходжа Мухаммадом Шарифом (МИКХ С. 233).

Несмотря на то, что в сочинении имеются интересные сведения о некоторых исторических событиях, происходивших в Моголистане при жизни Ходжа Мухаммад Шарифа, в частности, о походах могольских правителей на кыргызские кочевья в середине XVI в. Вкратце, сообщения о кыргызах в «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» сводятся к следующему:

Кыргызы в XVI в. проживали в Каратегине и платили налог «зякет» правителю могольского государства Абд ар-Рашид-хану. Однажды кыргызы отказались платить зякет и старший сын хана Абд ал-Пятиф-султан отправился с войском в кыргызские кочевья, чтобы их «усмирить» силой меча. Но кыргызы внезапным ударом нанесли поражение отряду Абд ал-Пятиф-султана, а он сам был убит во время сражения. Возмущенный смертью сына Абд ар-Рашид-хан выступил против кыргызов с целью отмщения. В его свите находился и Ходжа Мухаммад Шариф, который будто бы своими чудодейственными молитвами способствовал успеху карательного похода хана, разбившего войско кыргызов в районе Иссык-Куля (МИКХ. С. 235; Мокеев, 1996. С. 440).

Эти же события описываются и в персоязычных произведениях восточно-туркестанских авторов XVI-XVII вв., за исключением некоторых деталей и фрагментов в принципе они совпадают.

К числу памятников тюркоязычной литературы принадлежит замечательный труд Захриддина Бабура «Бабур-наме» или «Записки Бабура». Как известно, Бабур вошел в историю не только как полководец и правитель-основатель династии Великих моголов в Индии, но также, как ученый и поэт, оставивший богатое творческое, литературное и научное наследие в области мусульманской юриспруденции (*Бабур, 1958. С.5*). «Бабур-наме» была завершена в Индии, она носит в основном автобиографический характер и отражает историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии на рубеже XV-XVI вв.

Труд состоит из трех частей. Первая ее часть посвящена описанию политических событий в Мавераннахре в конце XV в. Автор приводит также ценные сведения о городах, местностях, климате, природных богатствах Южного Кыргызстан, а также о тех политических событиях, которые происходили на рубеже XV-XVI вв. в Ферганской долине. В конце XV в. Тимуридская держава переживала кризис распада, связанный, с одной стороны, феодальными междоусобицами среди потомков династии, с другой, вторжениями кочевых узбеков и моголов на владения Тимуридов.

Бабур в своем произведении пишет о достоинствах Оша, что «в области Ферганы нет города, равного г. Ош по приятности и чистоте воздуха» (*Бабур, 1957. С. 30*).

Далее Бабур отмечает, что «между городом Ош и горой Бара-кух находилась мечеть, называемая мечетью Джауза (Там же). В городах Ферганской долины растет дерево табулгу, больше его нигде нет. Из этого дерева вырезают посохи, выделывают ручки плеток, изготавливают клетки для птиц» (*Там же*).

Наибольшую ценность представляют сведения Бабура о политической борьбе между различными династиями тимуридов, могольских правителей и шейбанидов, которая в конечном счете закончилась установлением власти Шейбани-хана в западной части Средней Азии (*Азимджанова, 1957. С. 43-48*). Вторая часть охватывает события, происходившие на территории Афганистана. В последней описываются политические события в Северной Индии, географические данные страны.

Один из лучших списков «Бабур-наме», известный в истории, как Хайдарабадская рукопись, был переписан при Аурангзебе. По ней были осуществлены переводы на другие языки.

Сведения Бабура о политических событиях, которые происходили на рубеже XV-XVI вв. в Ферганской долине представляют значительную ценность при изучении истории Кыргызстана рассматриваемого периода.

Среди тюркоязычной исторической литературы XVII в. наибольшей известностью пользуется сочинение Абу-л-Гази Бахадур-хана – правителя Хивинского ханства и историка «Шаджара-йи тюрк» («Родословная тюрков»); оно известно под более полным названием «Шаджара и тюрк ва могол» («Родословная тюрков и монголов»). Рукопись была обнаружена в начале XVIII в. в Тоболь-

ске, с нее в последствии были выполнены переводы на западноевропейские и другие языки. Перевод на русский язык был осуществлен Я.О.Ярцевым и Г.С. Саблуковым (*Кононов, 1958. С. 7-32*). Списки «Шаджара-йи тюрк» весьма многочисленны и хранятся в различных библиотеках Европы, России и Узбекистана.

Труд состоит из введения и девяти глав, каждая глава в свою очередь делится на параграфы. По своему содержанию, произведение охватывает легендарную историю тюрков и монголов, а также политическую историю Средней Азии до середины XVII в.

Среди источников, использованных авторами «Шаджар-йи тюрк», широко известный «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йезди. Кроме того, как указано во введении, в распоряжении автора было еще 18 сочинений, посвященных истории Чингизхана и его потомков (*Кононов, 1958. С. 15*).

Наибольшую ценность представляет заключительная часть работы, написанная на основе собственных наблюдений и воспоминаний автора, а также информация очевидцев и участников описываемых событий. В этом разделе излагается история туркменских племен Хивы и Хорезма, их взаимоотношения с узбеками, каракалпаками, калмаками, казахами и Ираном во второй половине XVI - 50 годах XVII в., хотя о кыргызах Тянь-Шаня в сочинении Абу-л-Гази свидетельств не встречается, тем не менее для изучения этнической и политической истории кыргызского народа оно имеет важное значение (*Мокеев, 1996. С. 445*).

Так, описывая историю кыргызов в предмонгольскую эпоху, главным образом на основе сообщений «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина Абу-л-Гази замечает: «У Огуз-хана был внук по имени Кыргыз. Кыргызы являются его потомками. Однако, в настоящее время из его потомков осталось не много людей. Многие монгольские и другие племена в поисках пищи пришли в кыргызский юрт. Затем постепенно они приняли имя кыргыз, хотя сами знают к какому роду принадлежат» (*Родословное древо..., 1996. С. 33*).

К числу весьма важных источников по истории кыргызского народа во второй половине XVI-XVII вв. принадлежат «Тарих-и Кашгар» – памятник исторической литературы XVIII в., который является одним из важных источников по истории Восточного Туркестана, Кыргызстана и смежных областей.

Источник впервые был введен в научный оборот в 1902 г. Автор произведения неизвестен, название – условное, дано еще В. В. Бартольдом, написано на чагатайском языке (тюрки) предположительно в начале XVIII в. (*Бартольд, 1973. С. 173-178*).

Имеются три описки «Тарих-и Кашгар», и все они хранятся в СФ ИВ РАН.¹⁵

Автор в сочинении не указал своего имени ни прямо, ни косвенно. Однако по его произведению можно установить другие сведения о его личности: степень образованности, интеллектуальный уровень. Наконец, мы узнаем, что он – очевидец событий, описываемых в сочинении. Особенно это заметно в оригинальной части труда, где автор эмоционально освещает последние дни падения могольской династии чагатаидов. Об обра-

зованности автора говорит факт приведения в сочинении ряда известных имен и их произведений, в частности, "Хамсе" Низами, "Хамсе" Хосров Дахлави, "Шах-наме" Фирдоуси, тюркской "Пятерницы" Алишера Навои, а также персидских сочинений по истории и агиографии XIII – XVI вв., труда по логике "Шарх-и Шамсийа" Кутб ад-Дина Ширази. Кроме того, очевидно, что автор хорошо знал арабский, в текстах встречаются ряд коранических цитат и выражений, хадисы. Автор использовал в своем произведении несколько байтов, стихотворных вставок – в основном рубай, написанных как на тюркском, так и на персидском языках. Он был хорошо знаком с принципом составления хронограмм (та'рих).

В "Тарих-и Кашгар" большой интерес вызывают труды предшественников автора, которые он использовал в качестве первоисточников. Среди них произведения Рашид-ад-Дина, Хондемира, Мухаммад Хайдара, Шах Махмуд Чураса и других известных людей того времени. Использование их произведений лишней раз доказывает образованность создателя "Тарих-и Кашгар". "Тарих-и Кашгар" состоит из краткого введения и 40 глав.

Содержание произведения четко делится на две композиционные структуры. Первая – компилятивная (лл. 16 - 58 б) является как бы прологом мифологического, легендарного и исторического содержания этой – оригинальной части (лл. 58 б – 105а), которая описывает собственно историю Могульского государства последней четверти – начала XVII в.

Первая часть начинается с краткого пересказа легенд о Ное, всемирном потопе, о сыновьях Ноя, о Яфете и линии его потомков до Могул-хана и Татар-хана. Через Кара-хана генеалогическое древо Могул-хана восходит до Огуз-хана; затем следуют рассказы о принятии ислама Огуз-ханом, о его борьбе со своим отцом, появлении в период его правления пяти тюркских племен: уйгур, канглы, карлук, халадж и кипчак. Линия Огуз-хана проводится до ранних предков Чингиз-хана. Затем следуют рассказы о непосредственных предках Чингиз-хана, о нем самом, его деяниях и завоевательных походах; о его сыновьях Уге-дей-каане, Джучи-хане и Тулуй-хане. Отдельно говорится о завоевании Хулагу-ханом Ирана, о его правлении и преемниках, включая Султан-Абу-Саид-хана. Далее автор обращается ко второму сыну Чингиз-хана Чагатай-хану, повествуя как о его деяниях, так и о правлении его потомков – Кара-Хулагу-хана, Мубарах-шаха, Борак-хана, Дува-хана, Эсен-Бука-хана и Туглук-Тимур-хана. Пролог завершается рассказами о Султан Саид-хане, сине Султан-Ахмад (Алача) хана, который, разбив в 920/1514 г. дуглатского эмира Абу Бакра под Янги-Хисаки Кашгаром, создал свое самостоятельное государство.

Вторая часть – это история собственно Могулии, конспективное хронологически последовательное изложение событий в годы правления ханов, начиная от Султан Саид-хана вплоть до Мухаммад Мумин (Акбаш)-хана, на котором в конце 1106/серед. 1695 г. пресеклась династия владетелей Могульского государства.

Автор сообщает об участии казахских султанов и их отрядов в борьбе владетелей восточной части государства (Чалыш и Турфан) с центральной

властью в первой половине XVII в.; о значительных миграционных процессах, захвативших с начала XVII в. многие кыргызские роды и приведших их в Могулию из Центрального Тянь-Шаня, Ферганы, северо-востока Восточного Туркестана; о той определяющей политической силе, в которую превратились кыргызские беки, стоявшие вместе с белогорскими ходжами (вторая половина XVII в.) во главе кашгарской оппозиции яркендскому двору. Далее автор, особо не драматизируя, рассказывает о завоевании Могульского государства джунгарами.

В конце XVII в. и начале XVIII в. идет активизация борьбы племен за обладание земледельческими оазисами Восточного Туркестана: калмаков – с востока, кыргызов – с севера и северо-запада. Для их сдерживания правители Могульского государства неоднократно совершали походы в Центральный и Восточный Тянь-Шань, а также предприняли, крупный поход на Фергану. Однако все эти попытки не имели успеха. Тогда могульские правители привлекли кочевников на свою сторону с целью оказать давление на противников ханской власти. В конце концов это привело к падению ханской династии в Восточном Туркестане и установлению там власти ходжей, а затем к междоусобным войнам сторонников белогорских и чернгорских ходжей и активному участию в них калмаков и кыргызов. Эти события получили достаточно широкое освещение в "Тарих-и Кашгар" анонимного автора (*Джуманалиев, 1996. С. 193-206*).

Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари "Тазкира-и ходжаган" ("Жизнеописание ходжей") посвящено жизни и деятельности кашгарских ходжей, потомков Ахмеда ибн Джалал ад-Дин-Касани, известного под почетным прозвищем Махдум-и-Азам (умер в 1452 г.).

В Институте Востоковедения РАН имеется 7 списков этого сочинения, написанных на чагатайском (среднеазнатские тюрки, кашгарский диалект) языке (*Мухамед С. Кашгари ...*).

"Тазкира-и ходжаган" содержит весьма интересные сообщения о кыргызах, которые хронологически относятся к трем периодам: середине XVI в., к концу XVII в. и 60-м годам XVIII в.

Сведения середины XVI в. о кыргызах незначительны и связаны с именами сыновей ходжи Махдум-и-Азама, ходжи Исхака и Калан-ходжи.

Более значительными и конкретными являются данные Мухаммед-Садыка о кыргызах, относящиеся к концу XVII в. Они касаются кыргызов, находившихся в то время в Кашгаре.

После смерти ходжи Афака (1697 г.) – виднейшего представителя белогорских ходжей, сосредоточившего в своих руках духовную и светскую власть в Кашгарии, жена его Ханым-падша, желая сделать правителем своего сына Махди-ходжу, с помощью фанатичных дервишей убила Яхья-ходжу (сына Афак-ходжи) и двух его сыновей. Когда же те фанатичные дервиши убили Ханым-падша, белогорцы привезли бежавшего в Индию малолетнего сына Яхья-ходжи Ахмед-ходжу и сделали его своим духовным главой. Кыргызы, воспользовавшись, видимо, создавшимся положением, захватили власть в Кашгарии. Из их среды выдвинулись Джаруб-бек, исполнявший должность карахана,

т. е. полицейского надзирателя, Кара-Занги-бек, бывший правителем города, Арзу-Мухаммед-бек, служивший в качестве ишик-ага.

Кыргызы, часто совершая набеги на Йаркенд, грабили и брали в плен жителей. Мухаммед-Садык подробно описывает один из конных набегов кыргызов на Йаркенд под руководством Джаруббека и Кара-Занги-бека, каждый из которых состоял во главе 500 всадников. Этот набег для кыргызов был неудачным и кончился их поражением.

Наконец, сведения Мухаммед-Садыка о кыргызах, относящиеся к 60-м годам XVIII в., показывают участие кыргызов в борьбе черногорских ходжей с калмаками.

Юсуф-ходжа, сын Даниель-ходжи, потомок ходжи Исхака, прибыв в Кашгарию, объявил ее независимой от калмаков и призвал население к борьбе с ними. Он обратился также к кыргызам, жившим в Или и Андижане, с просьбой приехать в Кашгарию для участия в борьбе против калмаков. Кыргызы из Или прибыли группами. Одна группа во главе с Амр-мирзой, киргизом племени кипчак, пришла через Кучу в Хотан. Другая группа – из племени сарык-калпак, в установленный срок прибыла в Кашгар. Эти кыргызы отстранили от должности хакимов Юсуф-ходжи и вместо них назначили своих людей. Кыргызы из Андижана также ответили согласием на предложение Юсуф-ходжи, но пришли они в Кашгар намного позже, чем кыргызы из Или.

Кыргызы непосредственно принимали активное участие в междоусобной войне между черногорцами и белогорцами в Кашгарии. Среди кыргызов выделился Кубат-бий из племени кушчу, который первоначально поддерживал черногорцев, а затем перешел на сторону белогорцев, которых возглавлял тогда Бурхан ад-Дин.

Кроме племени кушчи во главе с Кубат-бием в составе войск Бурхан ад-Дина были кыргызские племена мунки, чон-багыш, Тогуз-кыпчак, возглавляемые Суфи-мирзой, и таз-кыпчак во главе с Амр-мирзой.

После взятия Йаркенда войсками Бурхан ад-Дина черногорские ходжи бежали по направлению в Индию, и в числе войск Бурхан ад-Дина, преследующих черногорских ходжей, видимо, было много кыргызов. Кроме того, они, т. е. кыргызы, совместно с кашгарцами выступали против калмаков.

“Тазкира-и ходжаган” как источник по истории кыргызов представляет интерес с трех точек зрения (Салахетдинова, 1959. С. 93-125):

1. Основные сведения о кыргызах даны здесь в связи с описанием конкретных политических событий, происходивших в Кашгарии и в Или, благодаря чему устанавливается с известной определенностью и время участия кыргызов в этих событиях.

2. Автор указывает на территорию, где жили упоминаемые им кыргызы в конце XVII в. (Кашгар) и в середине XVIII в. (Или, Андижан).

3. В сочинении названы следующие кыргызские племена, участвовавшие в политических событиях в Кашгарии в 60-х годах XVIII в.: кушчи, кипчак, таз-кыпчак, тогуз-кыпчак, мунки, сарык-калпак, чон-багыш, найман, отуз-уул.

При использовании “Тазкира-и ходжаган” как источника по истории кыргызов следует помнить об определенной тенденциозности его автора, который выражает политические интересы кашгарских ходжей и часто отрицательно трактует действия кыргызов.

Литература:

1. Мокеев А.М. Тюркоязычная литература. – Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.) Бишкек. “Илим” 1996. С.440., Материалы по истории казахских ханств. – Алма-Ата. С.232-234. (далее сокращенно МИКХ).
2. Мугинов А.М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. – М., 1962.
3. МИКХ, с.235; Мокеев А.М. Тюркоязычная литература.
4. Захриддин Бабур. “Бабур-наме” пер.М.Салье. Ташкент. 1958.
5. “Бабур-наме”.
6. Азимджанова С.А. К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957.
7. Кононов А.Н. Родословная туркмен, сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М. – Л., 1958.
8. Мокеев А.М. Тюркоязычная литература.
9. Родословное древо тюрков, сочинение Абуль-Гази, хивинского хана./ перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Ташкент-Бишкек. 1996, с.33
10. Бартольд В.В. Соч., т. VIII. М., 1973. С.173-178
11. “Тарих-и Кашгар”. Рук.СПФ ИВРАН .С.576, С.577;В.2472
12. Джуманалиев Т.Д. Хрестоматия по средневековой истории Кыргызстана. (XIII -XVIII вв.) Бишкек, 1996.
13. Мухаммед Садик Кашгари. “Тазкре-йи ходжаган”, рук. СПФ ИВРАН D126 (590⁰⁰).
14. Салахетдинова М.А. Сочинение Мухаммед Садика Кашгари “Тузкире – йи ходжаган” как источник по истории киргизов./ Изд. АН Кирг. ССР. 1959, т. I, вып. I.)

Б.М. Торогельдиева

(Бишкек)

УРБАНИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА

Если рассматривать урбанизацию как культурный процесс, включающий не только экономические, социальные, но и психологические аспекты, то культурогенез Караханидского каганата свидетельствует, что целый ряд факторов (географический, политический, социальный, экономический, интеллектуальный) способствовал формированию нового типа культуры, когда были синтезированы и усвоены культурные ценности разнообразных, уникальных народов. Этот тип культуры есть новый уровень, этап развития Караханидского каганата, достигнутый в результате процесса аккумуляции, то есть взаимообогащения и взаимовлияния разных культур.

Как известно, развитие и совершенствование культуры в историческом плане обеспечивается преемственностью. В целом развитие культуры можно представить как единство освоения предшествующей культуры и создания новых культурных ценностей. На основе преемственности осуществляется передача опыта от одного народа к другому, от одного поколения к другому. Бывает, что тот или иной народ ничего не знает о другом, а потом, вследствие торговых отношений, союзов, посольств и войн, культурные достижения признаются общими для всего рода человеческого.

Исторические судьбы различных народов складываются по-разному. Бывали периоды расцвета, бывали периоды упадка, случалось, что побежденный народ смешивался с победителями, и тогда он либо подчинял их своему культурному влиянию, либо опускался до уровня покоренных.

В географическом плане этот процесс происходит как взаимовлияние культур, т.е. аккультурация. Взаимосвязь сотрудничества различных культур – важнейшая, объективная закономерность. Различные эпохи, развивающиеся в них культуры разных народов, каждая по-своему выражала собственное понимание мира, его “освоение” (мировидение). Как отдельный человек немислим в отрыве от себе подобных, точно так же ни одна культура не способна полноценно существовать в абсолютной изоляции от материальных и духовных достижений других этносов. Русский академик Д.С. Лихачев писал: “Настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой культурной почве и учитывают опыт соседей...” (Лихачев, 1991).

Как известно, взаимным контактам и взаимообогащению культур, так же как и процессам ассимиляции и транскulturации, может способствовать или, наоборот, тормозить целый ряд факторов, влияющих на благоприятный или неблагоприятный ход развития истории и культуры.

В исследовании хотелось бы выделить ряд факторов, которые благоприятствовали культурогенезу в Караханидском каганате.

Именно в эпоху распространения арабоязычной культуры, т.е. в X-XI вв. Караханидский каганат достигает своего могущества как в экономическом отношении, так и в культурном. Этот период разными исследователями оценивается по-разному. Известный русский исследователь С.Г. Кляшторный (*Кляшторный, Савинов, 1994*) называет эту эпоху вершиной развития древнетюркской империи, другие ученые - временем принятия исламской религии.

Караханидское государство в период своего наибольшего могущества включало в себя Мавераннахр, Фергану, Семиречье, Кашкар, т.е. огромную территорию от Хотана (Синь Цзяна) до берегов Амударьи. Именно в центре Азии на этих древних землях и соприкасались великие культуры Востока - византийская, арабская, персидская, индийская и китайская. В то же время Караханидский каганат выступал связующим звеном между средиземноморскими и дальневосточными культурами. Находясь на перекрестке мировых торговых путей Азии, он соприкасался с Китаем, Ираном и множеством других народов и племен, кочевав-

ших, торгующих на беспредельных пространствах материка. На этой территории, впитывая лучшие достижения этих культур, но главное, развивая свои собственные традиции, 1000 лет назад кочевые племена тюрков начали осваивать достижения двухтысячелетней городской культуры.

Экономика в каганате достигает больших успехов, развивается гончарное, ткацкое, стекольное, кузнечное производство. Керамика распространяется не только в быту, но и в строительном деле - жженный кирпич, водопроводные трубы, облицовочная терракота (*Караев, 1983*).

Продолжая арабские традиции, крупные города Караханидского государства также строили минареты: Бурана (X в.), Узген (XI в.), Калян (1127 г.), минарет и мечеть Магоки-Ат-Тари (XI-XII вв.) в Бухаре; Джар-Курган (1108-1109 гг.), Вабкент (1196-1197 гг.).

В различных мусульманских центрах были созданы оригинальные и несхожие между собой формы минаретов. С древних времен рядом с мечетью воздвигался минарет. Его происхождение восходит к ряду преобразов сторожевой и сигнальной башни, маяку. Практическое назначение минаретов связано с публичным призывом правоверных на молитву, который выполняет специальный служащий при мечети - муэдзин. Минарет непосредственно примыкал к мечети, реже располагался отдельно. Он как бы объединял мечеть с пространством окружающего мира, с простором неба, с тесно обступающей городской застройкой. В восточных городах вертикали этих башен, то исчезая с поля зрения, то вновь появляясь, играли роль главных ориентиров.

В разных центрах и в разные исторические периоды изменялись размеры этих башен, их пропорции, элементы композиции, характер убранства. Так, например, башня Бурана, построенная при Караханах, по предположению, также располагалась около мечети, которая находилась с западной ее стороны. Первоначальная высота Буранинского минарета равнялась 45 метрам. Как и у всех минаретов, верх ее был увенчан куполом-фонарем, имевшим четыре дверных проема по сторонам света. Сейчас высота башни составляет 24,6 м, остальная часть ее обрушилась во время одного из сильных землетрясений, которое было примерно в XV или XVI вв.

С давних времен минарет настолько привлекал внимание обитавшего здесь населения, что произошедшее от арабского слова “монарам” (минарет) искаженное слово “Бурана” стало - обозначать затем всю эту местность.

При Караханидах в Средней Азии не было массовых разрушений и опустошений. Города Мавераннахр и Семиречья, которые в это время переживали бурный рост за счет расцвета рабадов, т.е. торгово-ремесленных кварталов, были настоящими центрами восточной цивилизации. В них шумели базары, кипела работа бесчисленных ремесленников, изготовлявших глиняную посуду, медную утварь, стекло, удивительные художественные изделия. В городах работали многочисленные строители, а в тихих кельях на многих языках Востока создавались великие произведения, которым было суждено пережить века. Именно земля Караханидов 1000 лет назад подарила мировой

культуре двух великих людей: поэта-философа Юсуфа Баласагына, в творчестве которого синтезируются литературные традиции нескольких культур, и ученого-тюрколога Махмуда Кашкари.

“Сад повелителя правоверных” – так называли Среднюю Азию в XI в. восхищенные путешественники и географы того времени.

В эпоху Караханидов особое место в развитии тюркоязычной культуры занимает энциклопедическое издание “Муджаме ал-Булдан” (Словарь стран) Йакута, где перечисляется более восьмисот названий городов и сел Мавераннахра, в том числе и “Узканд”. В перечисленных городах Средней Азии и Восточного Туркестана в начале XIII в. большинство населения было тюркским, и политическая власть находилась в руках тюрков. Но и в этих городах также проживали ираноязычные народы. В городах, наряду с оживленной торговлей, была развита металлодобыча и переработка металлов, были развиты наука, культура, искусство, на что указывает наличие многочисленных представителей науки и культуры, которые были выходцами из этих городов, многие из которых обучались в культурных центрах арабского халифата, таких как Дамаск, Мекка, Багдад и в других городах и становились признанными авторитетами в отдельных областях науки и религии. Некоторые из них посетили почти все культурные центры той эпохи.

Именно в эпоху Караханидов утверждается ислам, меняются мировоззренческие взгляды, начинается складываться новый тип культуры. Это время введения инноваций во всех сферах культуры, ломка моделей старых ценностей и замена их новыми, что отражается в перестройке бывших культовых зданий зороастрийцев, буддистов и христиан под мечети, строительство мечетей и т.д. Поэтому этот период культурогенеза Средней Азии требует более глубокого переосмысления и изучения с точки зрения культурологии и современного состояния общественной и научной мысли.

Именно развитию культуры в Караханидском каганате в X-XI вв., по нашему мнению, способствовал ряд объективных факторов. Во-первых, это благоприятные исторические условия, объединение владений Карлукского каганата и Саманидов. Этот период характеризуется урбанизацией всей Средней Азии и Южного Казахстана. В городах и селениях строились величественные архитектурные сооружения: минареты, медресе, мавзолеи, бани. Водопроводные трубы в городах изготавливались из керамики, что подтверждают многочисленные археологические исследования. Особенно интересны новейшие находки, найденные экспедициями, работающими перед празднованием 3000-летнего юбилея г.Ош. Раскопаны общественная баня, городская канализация X-XI вв. и т.д. (Аманбаева и др., 1998).

Во-вторых, в тесной связи с историческим фактором, влияющим на судьбы национальных культур, стоит и фактор политический. Ведь история, как известно, та же самая политика, опрокинутая в прошлое. Нагляднейшим примером воздействия политики на культуру является принятие в X в. караханами ислама как государственной религии. Ислам стал для Караханидского каганата религией, которая позволила им приобщиться к общей

идеологии Арабского халифата, к духу мусульманского мира, воспользоваться богатыми достижениями культуры, созданной многими народами Востока. Религия, как известно, в мировой истории выступала как важнейший фактор социокультурной интеграции в общественной стабильности. Она как бы объединяет отдельные человеческие “атомы” в живой организм подлинно культурного общества. И в этом отношении ислам как религия смог объединить в единую культуру многие страны Востока. Арабский язык стал для многих этносов не только языком религии, но и науки, и литературы.

Успех арабского языка объясняется тем, что у арабов уже к VII в. имелись значительные достижения в области духовной культуры, был разработан литературный язык, высоко ценилось красноречие и поэзия. На базе староарабской поэзии и Корана сложился классический арабский язык средневековья. Арабским алфавитом были написаны гениальные творения человека (*Литература Востока в средние века, 1986*) сборник сказок “Тысяча и одна ночь”, “Шах-Наме” Фирдоуси, творения Низами, Руми, Саади, Хафиза, Джамии, рубаи Омара Хайяма, поэма Юсуфа Баласагына, научные трактаты Ибн-Сины, Абу-Райхана Беруни, Махмуда Кашкари.

Видные деятели Караханидского каганата могли получить образование в центрах Арабского халифата, в таких городах как Дамаск, Мекка, Багдад и других. Например, наш великий земляк Махмуд Кашкари получил образование в Багдаде, Кашкаре, Бухаре.

В-третьих, история изобилует наглядными доказательствами зависимости общего облика и судеб той или иной культуры от географических и климатических условий среды. Такой фактор, как географическая изолированность той или иной территории и отсутствие естественных путей общения в виде рек, внутренних морей и равнин, перевалов, как правило, замедляет развитие и распространение местной культуры.

В географическом отношении Караханидский каганат находился в благоприятных условиях. Через столицы Караханов Кашкар и Баласагын проходил Великий Шелковый путь между Китаем и Византией, по которому везли не только драгоценный шелк и фарфор, но и бесценные рукописи со всего Востока, информацию о разных культурах. Именно через Кашкар прошел в XIII в. караван венецианских купцов, среди которых был и описал увиденное Марко Поло. В XI в. эти города являлись восточными форпостами мусульманского мира и главными центрами нарождающейся тюркоязычной мусульманской литературы. Судя по большому числу сохранившихся имен поэтов и писателей, литература Караханидского периода в Средней Азии была довольно значительна. Именно многих писателей XI в. из Кашкари перечисляет, например, в своем труде “Китаб аль-ансат” (Книга нисб) биограф Самани Абу Саид (умер в 1113 г.). Однако в большинстве случаев, кроме имен выдающихся людей, о них неизвестно ничего, к сожалению, их сочинения не дошли до наших дней. Как известно, лишь “Диван лугат ат-тюрк” (Словарь тюркских наречий) Махмуда Кашкари чудом сохранился. Из его труда известно, что у

караханидских тюрков была своя богатая народная поэзия, совершенно не подверженная персидскому влиянию.

Велико значение для тюркской культуры поэмы Юсуфа Баласагына "Кутадгу билиг". Это поэма поистине сокровище древней восточной мудрости, которая открывает нам новые грани художественно-поэтического слова Востока, делая и нас наследниками лучших достижений духовной культуры азиатских тюркских народов.

Сам Юсуф Баласагын, как бы оценивая значимость своей поэмы, обращал внимание на то, что какому бы властителю и в какое бы государство ни доходила она - за великие совершенства и беспредельные красоты ее премудрые и ученые мужи тех держав одобряли ее и давали ей различные названия. Мужья Чина (Кашкар) называли ее "Сводом благочиний", сподвижники государей Мачина Табгач, Тавгач звали ее "Радетелем держав", повелители стран Востока именовали ее "Украшением властителей", иранцы - тюркской "Книгой шаха", а некоторые - "Книгой наставлений властителям", туранцы же зовут ее "Благодатное знание" (Ю.Баласагунский, 1983). По предположению А.Н. Кононова, по-видимому, речь здесь идет не столько о популярности самой поэмы, сколько о широком распространении сочинений подобного жанра.

В-четвертых, развитию и расцвету культуры Караханидского периода способствовала деятельность культур разных этносов; каждый из них стремился внести значительный вклад в мировую цивилизацию. Подтверждение этому творчество Махмуда Кашкари и Юсуфа Баласагына. В поэме "Благодатное знание" наш великий земляк подчеркивает это:

О ты, кто начнет эту книгу читать,
Познаешь ты тюркских речей благодать.
Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приучил его, сделал покорным
(Ю.Баласагунский, 1983).

Таким образом, мы видим, что "слово тюрков", вчерашних кочевников, все еще "паслось оленем нагорным". Чтобы "приручить" его, придать ему в тех условиях авторитет книжной, придворной литературы, необходимо было творческое усилие, талант настоящего поэта. Осознавая это, Ю.Баласагын с большой гордостью написал в начале своей поэмы:

Да, книг у арабов, таджиков немало,
А нашего речью сия - лишь начало
(Ю.Баласагунский, 1983).

Таким образом, культуригенез Караханидского каганата явился новым этапом в мировом развитии, когда были усвоены и синтезированы ценности многих этносов. Утверждается ислам, меняются мировоззренческие взгляды, формируется новый тип культуры, сочетающие местные традиции с новыми, происходит синтез культуры городского оазиса с культурой кочевых народов. Это время, несмотря на значительные достижения, противоречиво. Шел процесс ломки старых ценностей и замена их новыми, что отразилось в архитектуре, литературе и материальной культуре. Комплекс данных проблем открывает перспективу культурологического анализа караханидской эпохи.

РАСКОПКИ ЦИТАДЕЛИ КРАСНОРЕЧЕНСКОГО ГОРОДИЩА В 1999 ГОДУ

В 1999 г. краснореченский археологический отряд возобновил раскопки цитадели городища Красная речка.

Ее исследования проводились в 1979-1983 годы казахской группой археологов под руководством К.М.Байпакова. Раскоп был заложен в восточной части объекта, и в нем было выявлено три строительных периода. В основании цитадели предполагается замкового типа сооружение на высокой платформе, от которого вскрыта часть коридора, с рухнувшим сводом. В IX - X вв. на цитадели было уже дворцовое здание, в котором открыто несколько помещений жилого и хозяйственного назначения. Полностью исследован верхний строительный горизонт, датирующийся XI-XII вв. От него сохранилось четыре помещения со следами вымостки полов жженым кирпичом. В основании одной из стен были «вмонтированы» два несторианских кайрака, датированные VIII и X в.

Цитадель находится в юго-восточном углу центральных развалин городища и представляет собой пирамидальный холм высотой 19,5 м от подошвы, размером 110x110 м. по основанию и 30x25 м по верху.

В топографии цитадели отчетливо читается пандусный въезд, расположенный с западной стороны. У северной и западной стен обозначены две западины, по видимому, от дворов или хаузов. Южная стена укреплена дополнительной выносной башней.

Работы 1999 г. были нацелены на продолжение вскрытия культурных слоев 2-го и 3-го строительных горизонтов на площади 500 кв. м. Стены помещений исследуемого периода сложены из сырцового кирпича, форматом 42-44 x 24-22 x 8-10 см. В этом сезоне удалось полностью вскрыть 4 помещений и 3 частично.

Помещение 1 располагается в северной части раскопа и представляет собой зал, размером 9,2x5,8 м. Вдоль северной стены сохранились кладки от разрушенной суфы. В юго-восточном углу открыт подрубленный трюп, возможно, от переходной конструкции перекрытия нижнего этажа, а стена, таким образом, использовалась как несущая при последующих перестройках здания. Помещение 4, размером 8,4x5 м расположено к востоку от помещения 1 и сообщалось с ним проходом, шириной 1,2 м. Вдоль восточной и западной стен устроены суфы, шириной 0,9 м и 1,1 м, высотой 0,3 м, они сохранили следы глиняно-саманной штукатурки в несколько слоев.

В восточной части раскопа исследованы помещения 2 и 3, расположенные на одной оси. Помещение 2 (размером 5,3 x 4 м) отделено проходом от помещения 3 (размером 6,3 x 4,9 м). Стены помещений несут следы ремонтных кладок кирпича, материал для которого брался из разрушенного культурного слоя, поэтому в замесе глины встречаются толченая керамика, угольки и зола. В восточном углу помещения 2, расширен очаг-тандыр,

расположенный на суфе. Его дымоход был пробит в толще стены и состоял из нескольких венцов кубуров, диаметром 18 см. К югу от помещения 2 начато вскрытие еще одного помещения.

В центральной части раскопа, среди мощного завала строительных остатков стен, удалось обозначить контуры помещения 5, сложной планировки на малой площади (1,5 м в ширину, длина прослежена на 2,8 м). Похоже, что помещение имело какое-то специальное назначение, возможно, культово-обрядовое, так как центр его занят под прямоугольной формы тубмой в обводе с трех сторон узкого коридора (длиной до 3 м, и шириной 64 - 72 см.). Восточная стена помещения сохранила нишу (высотой 1,08 м при ширине 0,5 м и глубине 0,36 м). Мощные завалы чередуются с пустотами, уходящими вглубь, что свидетельствует о наличии нижележащих помещений.

В южной части раскопа работы были сосредоточены на разборке забутовки, толщина которой достигала 1,5 м. На глубине 2,8 м в забутовочном слое расчищено погребение в подбье. Погребение было совершенно после окончательного запустения цитадели в XII - XIII вв.

На полах раскопанных помещений лежал гумусный слой, насыщенный костями животных. Кроме того, на них обнаружены следы временных кострищ. Эти факты свидетельствуют о том, что цитадель забрасывалась. Судя по находкам на полах фрагментов белофонной поливной керамики и сфероконусов, время запустения цитадели приходится на X век.

Создается впечатление, что в раннесредневековый период здание было двухэтажным, а в X в. большая часть первого этажа была забутована. На образовавшейся платформе были возведены новые стены и отремонтированы ранее возведенные. Косвенным подтверждением этого являются обнаруженные в полах пустоты. Вещественный материал из раскопок представлен в основном керамикой. Ведущими формами керамики являются водоносные кувшины, тагорообразные сосуды и достарханы. Найдены также фрагменты поливных чаш и красноангобированных столовых кувшинов, датированных в Семиречье X - XI в. Среди редких форм следует отметить фрагмент достархана, имеющего форму заovalенного прямоугольника.

Найдено 6 монет тюргешей и тухусов. Металлические изделия из раскопа представлены железными гвоздями и бронзовыми деталями поясного набора.

В следующем году планируется продолжение работ на цитадели.

Литература:

1. Аманбаева Б. Э. и др. *Работы Южно-кыргызского археологического отряда КАЭЭ в 1998 г. // Древний Ош в среднеазиатском контексте. Тезисы докладов... Ош, 1998.*
2. Баласагунский Ю. *Благодатное знание. М., 1983.*
3. Генон Р. *Влияние исламской цивилизации на Европу // Вопросы философии, 1991, № 4.*
4. Караев О. *История Караханидского каганата. Ф., 1983.*
5. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. *Степные империи Евразии. СПб, 1994.*

6. *Литература Востока в средние века: Тексты /Под ред. Н.М. Сазановой. М.: Изд-во МГУ-Сиринь, 1986.*

7. Лихачев Д.С. *Раздумья. М., 1991.*

8. Мец А. *Мусульманский Ренессанс. М., 1996.*

Б.Б. Овчинникова (Екатеринбург)

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСЛЯЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ РАССЕЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ*

Исторический опыт позволяет утверждать, что расцвет той или иной локальной культуры, как правило, проявляется на фоне всемирной культуры. Взаимообогащение культур всегда влекло за собой создание новой, мощной культуры, наследие которой имеет достаточно сильное влияние на развитие мировой культуры. Проблема взаимодействия народов может быть отчасти решена на основе изучения определенного региона, где установлено сосуществование различных культурных единств в течение продолжительного времени. Одним из таких регионов и является Центральная Азия, памятники материальной культуры которой отражают процесс взаимовлияния и взаимодействия народов, оставивших культурное наследие. Процессы, происходившие в ходе трансляции и взаимодействия культур близкого круга, привели не только к образованию в Саяно-Алтае древнетюркской культуры, но и ее дальнейшей экспансии, сопровождающейся расширением ареала по всей Великой Степи, подобно действию античной цивилизации (Шеглов. 1994. С.93).

С VI в. на территории Южной Сибири появляются тюрки-туго – создатели единой тюркской державы (545-745гг.). Разгромив эфталитов и северо-китайские царства, объединив степь и Согдиану, они сумели достичь как политического, так и экономического могущества. Границы нового государства степняков в конце VI в. сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией, на востоке с Китаем. Таки образом, тюркская государственность непосредственно включала в себя элементы всех этих четырех цивилизаций. По образному выражению Д. Синора, Азия явилась "тем огромным котлом, в котором плавилась различные элементы, различного происхождения, получившие оттенок специфических черт тюркской цивилизации" (Sinor D. V.96). Тюркский каганат занимал самостоятельную позицию в диалоге между Западом и Востоком, являясь интегрирующей силой в степях Евразии. Коллективы, находившиеся на перекрестке активных культурных трансляций,

* Работа выполнена при поддержке Министерства Общего и профессионального образования Российской Федерации. Грант в области гуманитарных наук № 38.

постоянно получали стимул дальнейшего саморазвития (Савинов, 1994. С.5). У тюрков это нашло отражение в развитии собственной культуры, которая, характеризуется распространением общих черт на довольно широких пространствах у различных этнических групп тюркской языковой семьи. Однако, кроме этого процесса и, что важно отметить, у древних тюрков Саяно-Алтая четко прослеживаются сохранение и передача традиций в родственной среде на одной территории от одного этапа развития их культуры к другому, от одной культурной общности – к другой. Наиболее наглядно этот процесс проявился в остатках материальной культуры, свидетельства которых зафиксированы при исследовании погребальных памятников тюрков в Саяно-Алтайском нагорье.

Считается, что погребальный обряд у древних тюрков носил весьма специфический характер, проявившийся в захоронении человека с конем. Именно этот обряд, по единому мнению исследователей, соотнесен с кочевыми и полукочевыми народами. Однако, как известно, на территории Центральной Азии в VI-X вв. одновременно с обрядом погребения человека с конем существовали и другие обычаи похорон: погребение человека без сопровождения животным, погребения – “кенотафы”, погребения, совершенные по обряду сожжения, и, наконец, сооружение оградок.

Вопрос об этнической идентификации отдельных погребений с конкретными племенами тюркской общности до сих пор остается нерешенным. Ряд исследователей, основываясь на письменных и археологических данных, считают, что обряд труположения с конем характерен для тюрко-туго, создателей каганата (Киселев, 1978; Овчинникова, 1984). Другие приписывают его к тюркам-теле (Гаврилова, 1973), третьи – к каштымам (Савинов, 1974), четвертые – к кок-тюркам (Худяков, 1980) и т.д. Изучение же самого погребального комплекса, в частности, способа погребений, поднимает проблемы не только этнического характера, но и социальной дифференциации древнетюркского общества, а также проблемы связей погребений человека с конем с погребальным обрядом предшествующих эпох и соотношения поминальных оградок с погребениями человека с конем.

На наш взгляд, решение этих проблем невозможно без детального восстановления облика материальной культуры древних тюрков. Именно восстановление материальной культуры, в первую очередь, связано с пониманием функциональной значимости вещей и изменением их форм в связи с изменением этнического или социального состава населения, с влиянием географической среды, с изменениями в экономике. Кроме того, на изменение форм вещей оказывает известное влияние мировоззрение древних народов, религиозные верования и эстетическая привязанность.

Тюркские древности использовались многими исследователями для составления периодизации Центральной Азии по мере их накопления. Но, как правило, это касалось отдельных ее регионов: Тувы или Алтая, а иногда и просто памятников – Кудыргэ. Первой и наиболее удачной классификацией могил и инвентаря из памятников на Енисее была классификация С.А. Теплоухова (Теплоухов, 1929. Т. 4. Вып.2), затем ее продолжил

М.П. Грязнов, на материалах Алтая (Кудыргэ) (Грязнов, 1956). В 1965 г. вышла монография А.А. Гавриловой по результатам алтайского могильника Кудыргэ, и созданная ею хронология алтайских древностей с привлечением широкого круга аналогий до сих пор используется при изучении памятников Сибири (Гаврилова, 1965). Для территории Тувы хронологию средневековой истории осуществляли параллельно два ведущих исследователя по истории Центральной Азии – П.Р. Кызласов (Кызласов, 1958, Он же. 1960). и С.И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1958; Он же. 1966). Однако вопросы периодизации древнетюркских памятников Центральной Азии в эпоху средневековья продолжают оставаться дискуссионными.

Сегодня наиболее прогрессивной является сквозная периодизация развития материальной культуры, которая должна учитывать и общие закономерности, и особенности отдельных регионов. В связи с этим необходима сквозная типология всего имеющегося материала с большей территории, не замыкаясь на отдельных районах. Вещевой комплекс, который явился базой данных для создания классификации и типологии погребального инвентаря, помогает выявить типы вещей, формы которых остаются неизменными на протяжении рассматриваемого периода, и те типы, которые претерпевают изменения. Выявление происхождения этих изменений и рассмотрение его в пространстве и времени позволяют ярче проследить развитие древнетюркской материальной культуры в ее взаимодействии с другими этносами.

Среди памятников, оставленных тюрками-туго, известны как поминальные сооружения – оградки (рис.2), так и погребальные – совершенные по обряду захоронения человека с конем (рис.3,4).

Поминальный обряд у древних тюрков являлся сложным ритуальным действием, при посредстве которого происходит общение с внеземным миром, а также проводы и обеспечение всем необходимым в дорогу предка. Такой ритуал подразумевал наличие конкретного места, где он должен был проводиться. Для древних тюрко-туго таким сооружением, несущим материальные и сакральные функции, была четырехугольная каменная оградка – своеобразное пристанище духа умершего на земле перед тем, как отправиться в верхний мир. Квадратная форма оградки, плиты, поставленные на ребро, все это, несомненно, играло важную роль в поминальном ритуале. Число плит варьируется, но можно отметить, что в большинстве случаев равное их число находится с трех сторон оградки и на одну меньше с четвертой – обычно восточной или западной стенки. У восточной стенки почти у каждой оградки в древности находилось изваяние и антропоморфная стела, от которой отходили ряды балбалов (Овчинникова, 1984).

Известно, что конструкция оградок, при которых часто обнаруживается изваяние, стела или столб, связана с чрезвычайно древней традицией, восходящей к отдаленному времени – эпохе бронзы. Появившись в доандроновское время как основной тип каменных сооружений, оградка продолжает существовать у многих племен в последующие периоды в южных модификациях и ис-

поднять различную роль - либо роль одной из составляющих погребального обряда, либо роль поминального сооружения.

Можно сказать, что на определенном этапе происходит отделение оградки непосредственно от погребения. Если у афанасьевцев, андроновцев в карасукской культуре, в тагарскую эпоху оградки являются ограждением, сооруженным вокруг могил, то в скифское время оградки приобретают самостоятельное значение: теперь она сооружается не только в связи с погребениями, но и для иных целей, а именно, для проведения обряда поминания. Особенно заметно становится в период шурмакского этапа, когда поминальное сооружение возводится непосредственно около погребения и имеет самостоятельное значение. У тюрков-тугов оградка приобретает законченные черты поминального объекта с четко разработанным канонем, по которому строится сооружение подобного типа на протяжении нескольких веков.

Следовательно, можно сказать, что в позднескифское и гунно-шурмакское время окончательно оформляется обычай сооружения поминальных оградок, связанных, прежде всего с поминальными курганами (*Вайнштейн, 1959-1960. С.331*), а в тюркское время (VI-IX вв.) – оградки становятся классической формой поминального сооружения. С падением Тюркской державы обычай сооружать оградки не исчез, остатки этого обычая сохраняются у енисейских кыргызов, причем здесь поминальное их предназначение снова сливается с погребальным (Аймырлыг-2).

Наличие преемственности такой детали погребально-поминального обряда на протяжении тысячелетия у различных племен Южной Сибири и Центральной Азии не только может свидетельствовать о генетическом родстве этих культур, здесь, видимо, вступает в ход другая закономерность.

Данный вид памятника отражает одну идею – необходимость совершения определенного цикла поминальных обрядов и жертвоприношений в период между смертью и захоронением (*Савинов, 1981. С. 245*), а также по возможности сохранения облика умершего (для чего и необходимы изваяния, стелы). Идея эта имеет южное происхождение и в прошлом была широко распространена у народов Центральной и Восточной Азии. Такая общность восходит к мировоззрению племен скифского времени, когда сооружались оленные камни и закладывались основы культурного и социального единства скотоводческих обществ. Важным индикатором в этом отношении служит обычай устанавливать у погребально-поминальных сооружений балбалы. Такая преемственность специфической детали обряда свидетельствует о непрерывной традиции представлений, существовавших у населения Саяно-Алтая длительное время и объясняется это не генетическим родством культур, а, в первую очередь, сходством социально-экономических отношений на разных этапах развития скотоводческого комплекса.

Таким образом, оградки и антропоморфные стелы (оленные камни, тыштыкские стелы, тюркские изваяния, половецкие каменные бабы) являются признаком не этническим, а социальным и характерным для большинства кочевых народов

данного региона, что связано, скорее всего, с особенностями, присущими кочевому хозяйству и связанным с ним мировоззрением.

Окончательное оформление ритуала, связанного с сохранением облика умершего на период поминальной церемонии, происходит только в тюркский период. Устанавливается ориентация поминальных сооружений, ориентация преимущественно на восток становится ведущей. Оградки вытягиваются цепочками в направлении юг-север, отражая господствующее положение востока в идеологии тюрков. Содержание ритуала, периодически проводимое у древнетюркских оградок, отражало утвердившийся институт посредничества, а также обычай поклонения самому предку.

Если принадлежность вышеописанных оградок тюркам-тугов не вызывает сомнений, то вопросы принадлежности погребений человека с конем до сих пор не находят единого мнения. А между тем, как показали исследования последних лет в Центральной Туве, именно эти два вида памятников все чаще встречаются в эпоху древних тюрков Саяно-Алтая вместе – в комплексе. Этот факт, на наш взгляд, может служить подтверждением принадлежности погребений человека с конем именно тюркам-тугов. Примером являются результаты раскопок могильников Аймырлыг и Даг-Аразы в Туве. При вскрытии могильников засвидетельствован факт количественного соотношения присутствующих на его территории оградок с погребениями человека с конем. Если обратиться к изученным ранее памятникам, то аналогичная картина встречается не только в Туве, но и на Алтае, в частности, на известном могильнике Кудыргэ. Только система подсчета оградок на его площадке была иной: основная ограда с пристройками, имеющих одну общую с основной стенку, засчитывалась А.А. Гавриловой за несколько оградок (Гаврилова, 1965). Однако наиболее верным следует считать, что количественно такое сооружение составляет одну ограду, а пристройки к ее основе соотносятся с поминками по одному погребенному. Подобное соответствие оград погребениям фиксируется на других памятниках. К числу таких комплексов, насколько удалось выявить, в Туве относятся погребения, кроме вышеупомянутых, следующих могильников: Могун-Тайга; Кокэль-2; Ак-Туруг; Датгыг-Чарыг-Аксы. Улуг-Бюк II; Мугур-Саргол и др; на Алтае – Талдура, Кара-Кооба. Причем, в некоторых из них сохранились каменные изваяния Мугур-Саргол и Талдура.

Остановимся на характеристике захоронений, совершенных по обряду трупоположений в сопровождении умершего конем, реже двух-трех, иногда бараном (рис.3,4). Кроме того, существует еще особая группа курганов-кенотафов, когда погребенный отсутствует, но все остальные обрядовые нормы сохраняются. В данном случае преобладает тип погребений человека с конем, в которых погребенный лежит вытянуто на спине, головой на восток. Расположенное рядом с ним животное имеет обратную по отношению к человеку ориентировку. Большинство тугюзских погребений в Саяно-Алтае имеет широтную ориентировку по оси восток-запад (50%), но не исключается и меридиональный – по оси север-юг (10%). Затем и то, что если погребения с широтной ориентировкой

встречаются по всему Саяно-Алтаю, то с меридиональной – только на границе современной Тувы и Горного Алтая. В то же время известны единичные случаи положения в могиле человека и животного с ориентировкой в одну сторону (Алтай, Хакасия).

По конструкции могильных ям погребения можно разделить на две группы: с традиционной ямой с подбоем (рис.3,4). Способ захоронения в ямах без подбоев уже получал освещение в литературе (Трифонов Ю.И.). Захоронения в ямах с подбоем выделены были автором настоящей статьи в особую группу погребальных памятников древнетюркских племен (Овчинникова, 1982). Анализ способа захоронения проводился на основе формализации и статистических методов с использованием методики, предложенной В.Ф. Генингом и В.И. Борзуновым (Генинг, Борзунов, 1973).

Результаты исследований показали, что общими чертами для выделенных двух подгрупп погребений являются положение и ориентировка костей, а остальные детали погребального обряда: конструктивные особенности внутримогильных сооружений и надгробий имеют отличия. Наиболее вероятное сочетание признаков для погребений с подбоем предполагает устойчивую ориентировку по оси восток-запад (с отклонениями), а также вертикально поставленные каменные плиты, которые создают стенку, отгораживающую умершего от его "спутника" – коня. Конь располагался на ступеньке во входной яме, выше подбоя и закладывался камнями до древней поверхности. В большинстве случаев над могилой сооружается цилиндрическая многоярусная постройка из камней.

Появление такой конструктивной особенности в обряде древнетюркских захоронений (подбой), вероятно, может нести и социальную, и идеологическую нагрузку. В эпоху средневековья захоронение человека в подбое относится к VII в. Государственной религией с 763 г. существовавшего Уйгурского каганата становится манихейство, привнесенное на территорию Саяно-Алтая завоевателями. Это и могло получить отражение в обряде захоронения покоренных тюрков-тугов. Особенно это прослеживается в погребениях высших слоев военной аристократии, которая берет основные положения этого религиозного учения в качестве идеологической основы своего существования. Подтверждением того, что подбой в древнетюркских погребениях человека с конем служат в определенной степени знаком социального статуса погребенного, является и то, что сооружение погребальной камеры с подбоем и надгробия в виде многоярусной каменной постройки требует больших трудовых затрат, нежели сооружение камеры просто в могильной яме. Об этом свидетельствует также и тот инвентарь, который сопровождает погребенных в подбое, отличаясь своеобразием комплекса.

Так, с середины VI в. на территории евразийских степей вместе с алтайскими тюрками распространился характерный для них погребальный ритуал – захоронение человека с конем, (рис. 3,4) с последующим сооружением поминальной ограды (рис.2), а порой и с установлением каменного изваяния. Древние тюркские скульпторы пытались запечатлеть облик современника. Чаще всего мы

видим воина, изображенного стоящим с сосудом в руке. Четко фиксируется одежда, головной убор, серьги, пояс с тщательной прорезью бляшек и подвесных деталей, иногда меч или кинжал (рис.3). Все это находит отражение в остатках материальной культуры, выявленных в памятниках древних тюрков Центральной Азии.

Полученный материал позволил провести типологический анализ набора вещей из погребений человека с конем, на Саяно-Алтайском нагорье в VI-X вв., в результате чего удалось установить общие закономерности в развитии форм вещей, выявить их индивидуальные особенности в периоды их бытования. Определились и районы локализации отдельных типов. Интересно отметить, что среди многообразия категорий погребального инвентаря, дающих представление об облике материальной культуры тюрков-тугов в целом, некоторые категории вещей наиболее ярко отражают ее развитие во времени. К таким категориям следует отнести наборный пояс, серьги, тесла, зеркала, накладки на луки, удила, стремяна, подпружные пряжки, седла. И процессе изучения были выявлены устойчивые комплексы некоторых категорий погребального инвентаря, бытовавшего в определенное время. Это позволило выделить хронологические этапы существования древнетюркской материальной культуры как самостоятельно, так и во взаимодействии с культурой других племен (Овчинникова, 1990), в частности, таких регионов как Средняя Азия и Прикамье, на примере поясного набора (рис. 5,6). Выделенные ниже этапы соответствуют времени могущества государственных объединений, известных по письменным источникам: древнетюркский, уйгурский, кыргызский (древнехакасский).

Древнетюркский период (VI-пер. пол. VIII вв.). В 552 г. тюрки-тугов разбили войско жуань-жуаней, в подчинении которых находилось население Центральной Азии. Долина Орхона становится местом основных кочевий "голубых тюрков", центром нового государства Центральной Азии, которое заняло огромную территорию от Большого Хингана до Аму-Дарьи (Гумилев, 1957). При завоевании таких обширных земель они не сразу начинали насаждать свои обычаи и верования. Этот процесс шел постепенно. Лишь с установления второго Тюркского каганата, укрепившись на территории Южной Сибири и Центральной Азии, алтайские тюрки более интенсивно стали осваивать близлежащие территории. Это и проявилось в материальных остатках.

Раннему этапу древнетюркского периода (сер. VI - нач. VII вв.) соответствует известный в литературе "кудыргинский тип памятников" (Гаврилова, 1965. С.29). Особенностью его является присутствие в погребениях человека с конем наборных ременных поясов с округлыми ажурными небольшими бляшками (рис.6. тип 14), удлиненными наконечниками и пряжками - типов 10,15 (рис.5). Согласно предложенной классификации, к ранним памятникам можно отнести лишь те погребения, в которых при умершем вместе с наборным поясом встречаются каплевидные серьги (рис. 8-9). Относительно оружия "кудыргинского" этапа известно, что оно наследует форму хуннских и позднешурмакских традиций. Серединные

А

В

Рис. 1 А - Уйгурский вождь (Хочо)
В - Каменные изваяния с Булун

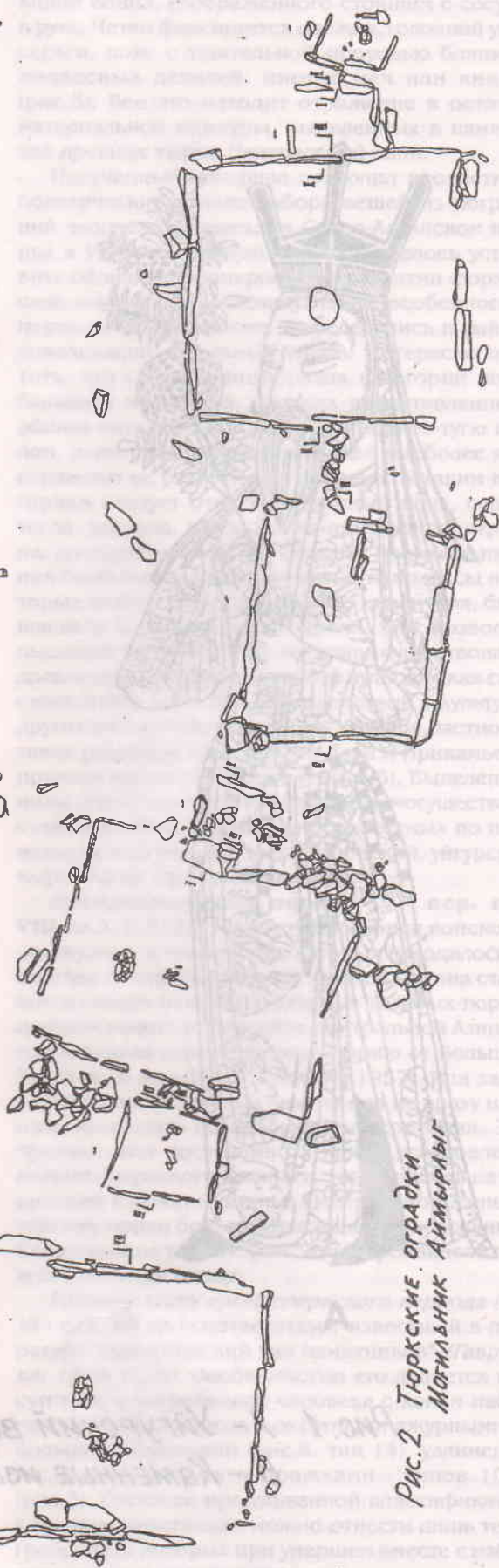
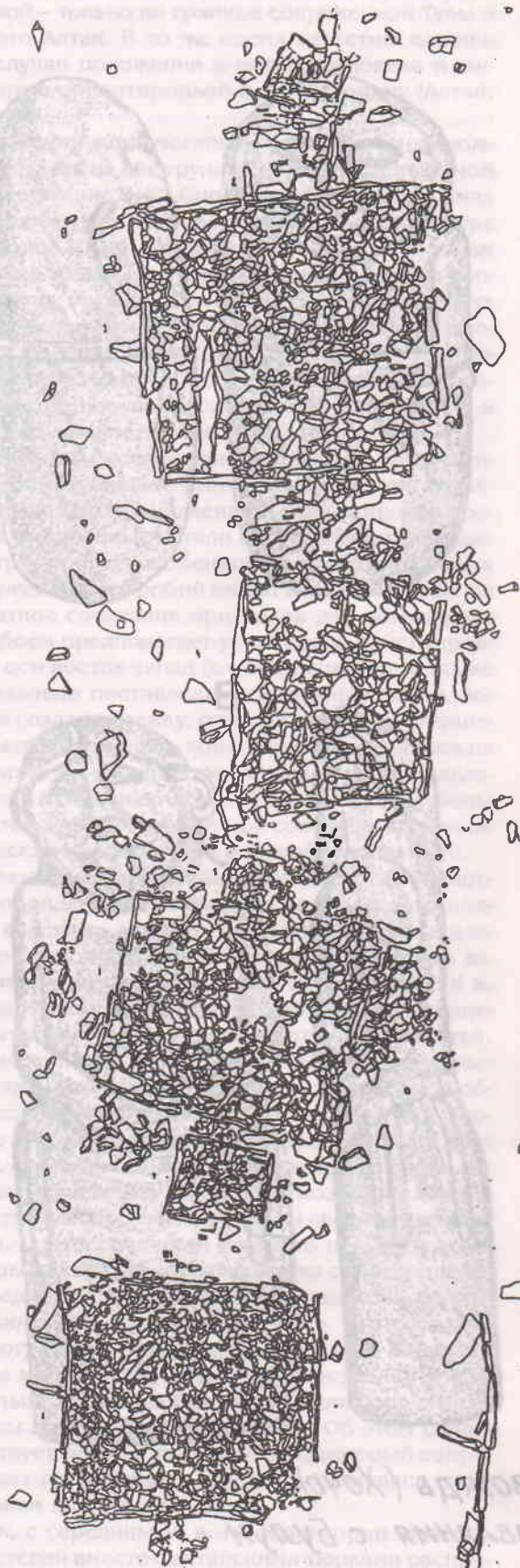

Рис. 2 Тюркские оградки
Магильник Аймырылг

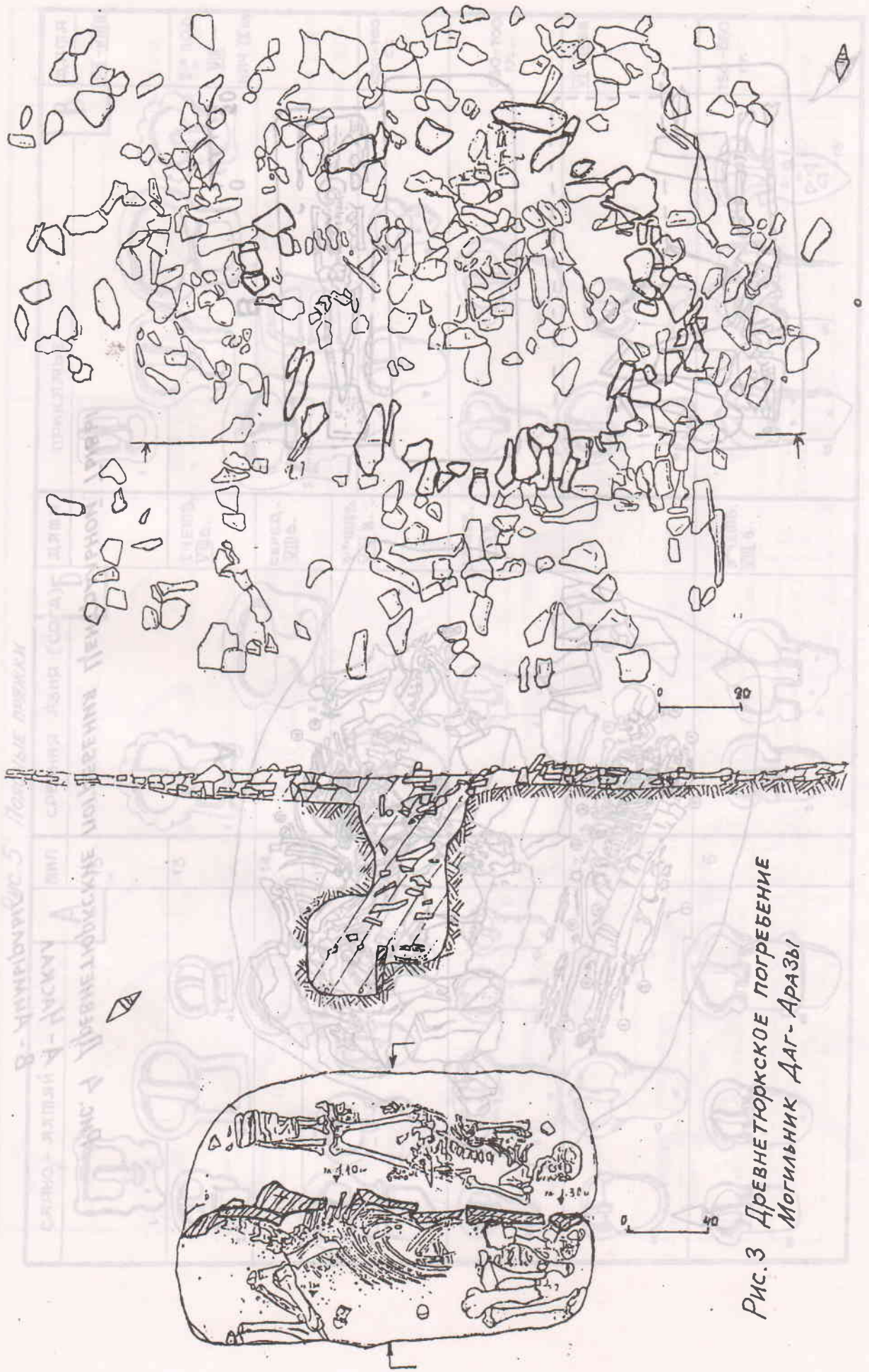
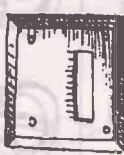

Рис. 3 Древнетюркское погребение
 Могильник Даг-Аразы

Рис. 6 Поясные пряжки

А		Б		В	
Саяно-алтай	тип	Средняя пряжка (согд.)	пряжка	пряжка	дата
 1 2 3	1	 1 2	 1 2	 1 2	2-я пол. VII - IX вв.
 4 5 6	3	 3 4	 3 4	 3 4	VII - VIII вв.
 7	4	 5 6	 5 6	 5 6	сер. VII в.
 8 9 10	6, 7	 7 8	 7 8	 7 8	конец VII - нач. VIII вв.
 11 12 13 14	8, 9	 9 10	 9 10	 9 10	2-я пол. VII - IX вв.
 15	14			 11	нач. VII в.

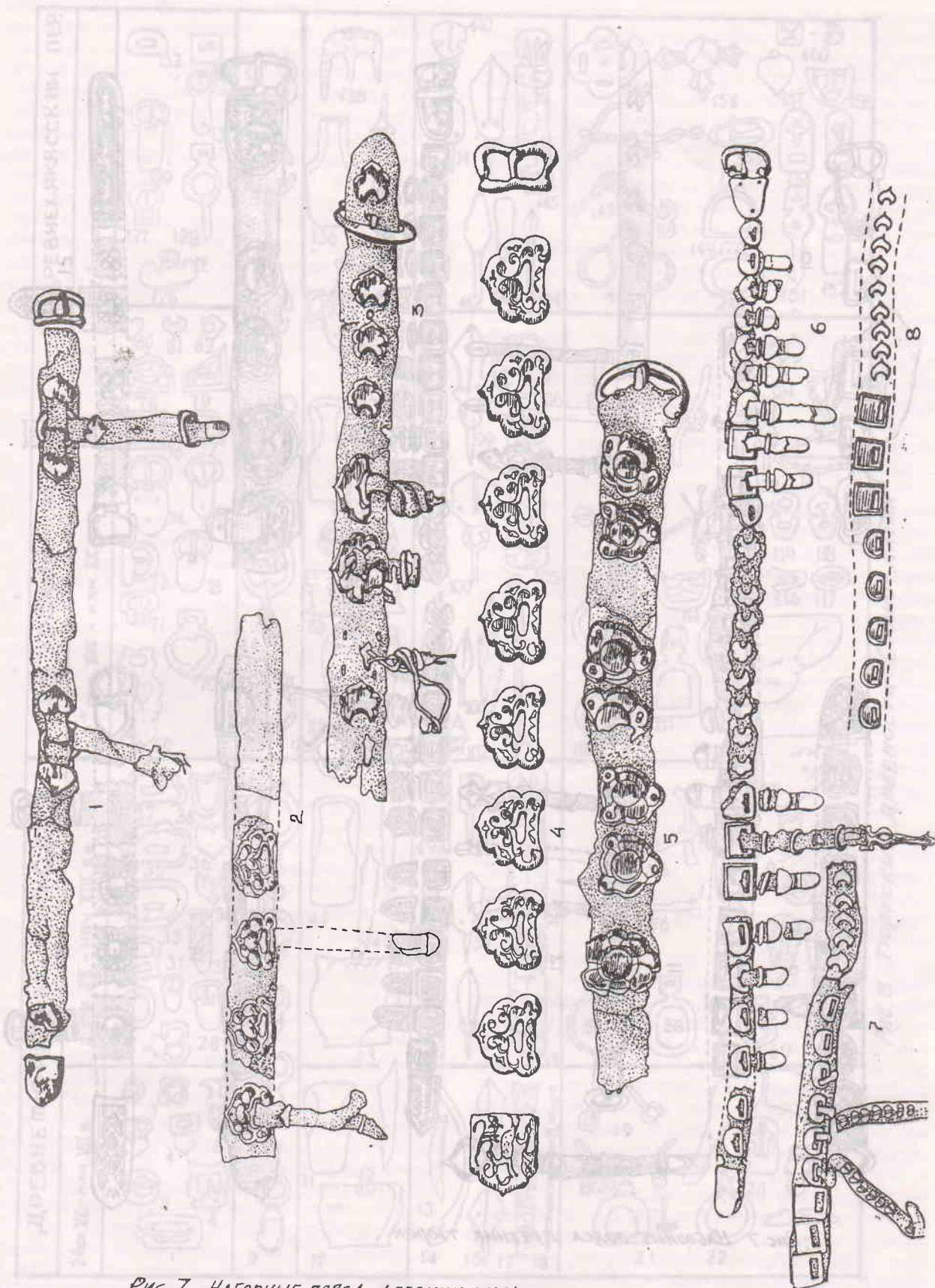

Рис. 7 НАБОРНЫЕ ПОЯСА ДРЕВНИХ ТЮРОК

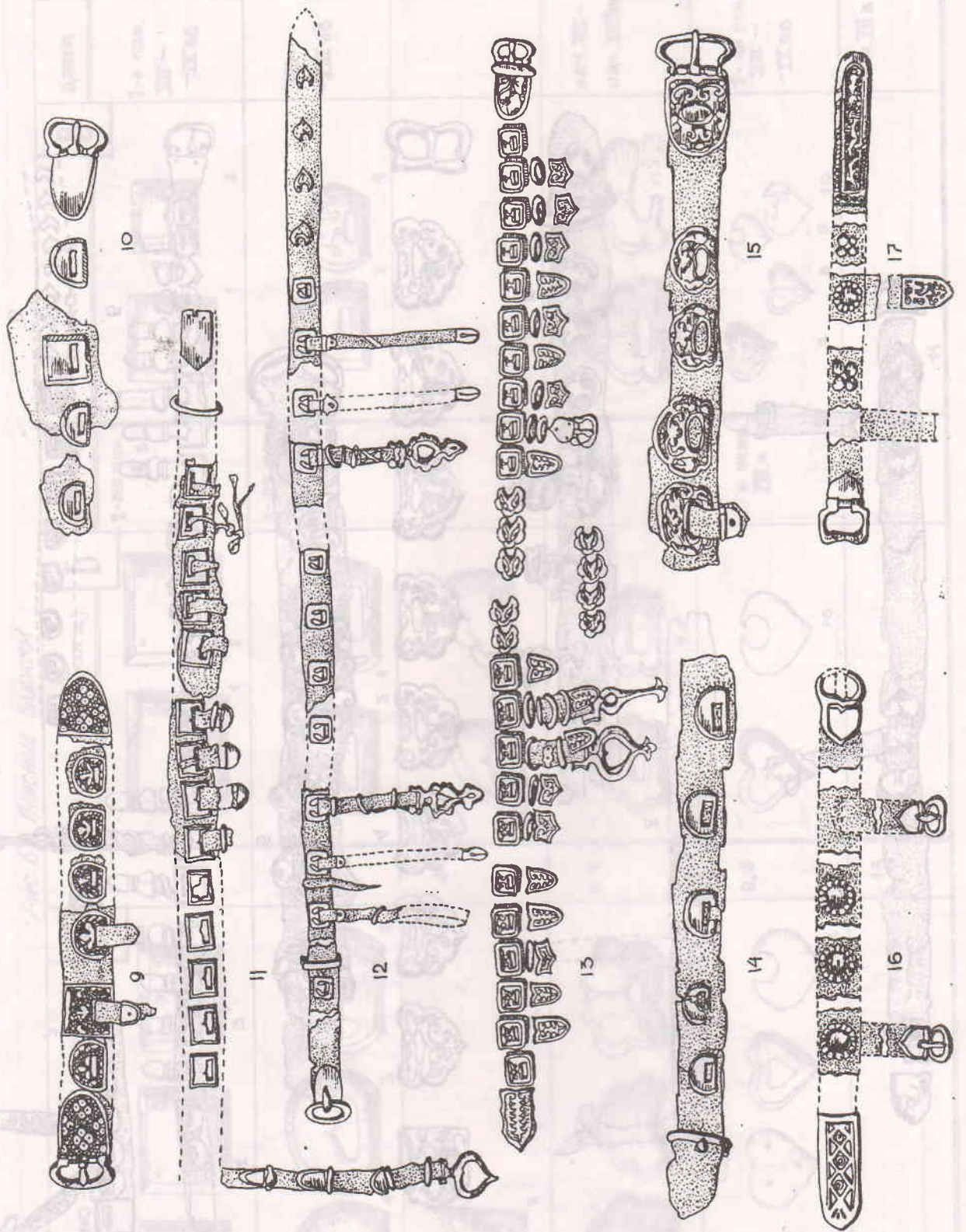

Рис. 7 НАБОРНЫЕ ПОЯСА ДРЕВНИХ ТЮРОК

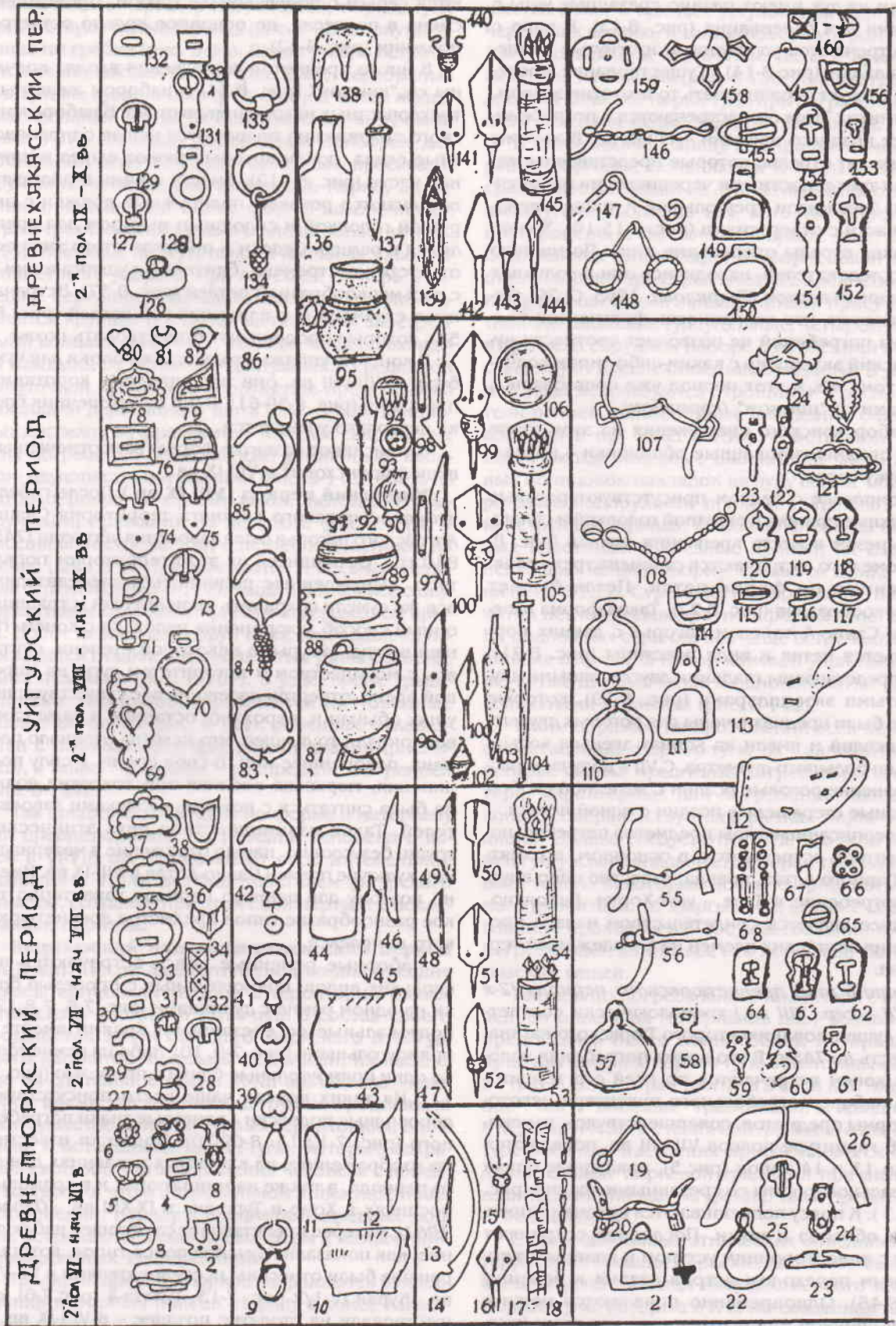

Рис. 8 Тюркские древности Сайно-Алтая

накладки на лук имеют плавно срезанные углы с нарезками для склеивания (рис. 8-13). В паре с ними встречаются удлиненные изогнутые концевые накладки (рис. 8-14). Существование последних не следует ограничивать только этим этапом. В памятниках Тувы они встречаются в погребениях более позднего времени – VIII-IX вв. В этот же набор входят стрелы, которые представлены железными трехлопастными черешковыми наконечниками. Они имели треугольные и трапециевидные лопасти с отверстиями (рис. 8-15, 16). Хранились такие стрелы опереньями вниз. По мнению ряда исследователей, находились они в колчанах со срезанным верхом (Гаврилова, 1965. С. 29). Однако, заметим, что сохранность фрагментов колчанов из погребений не позволяет соотнести кудыргинский экземпляр с каким-либо типом колчанов. К тому же, в этот период уже пользовались колчанами со “щитком” (карманом).

В набор конского снаряжения на этом этапе входят ornamentированные облицовки – накладки на луку седла.

В комплексе с седлом присутствуют роговые подпружные пряжки с округлой головкой и сплошным вырезом в месте крепления язычка (рис. 8-25). Кроме того, встречаются стремена трех типов, выделенные по форме петли. Петля бывает восьмеркообразная (рис. 8-22). Такая форма известна на Саяно-Алтайском нагорье с давних пор. Встречается петля в виде пластины (рис. 8-21). Удила представлены гладкими двусоставными двукольчатыми экземплярами (рис. 8-19), которые обычно были предназначены для роговых двудырчатых псалий и имели на концах звеньев кольца довольно большого диаметра. С VII в получают распространение роговые псалии с железной скобой и железные стержневые псалии с одной петлей.

Вышеописанные типы предметов погребального инвентаря встречаются, в основном, в памятниках Горного Алтая, правда, известно одно впускное погребение в Туве – улуг-Хорум. Вероятно, последнее является свидетельством начала продвижения алтайских племен на близлежащей территории.

Поздний этап древнетюркского периода (2-я пол. VII – сер. VIII вв.) хронологически соответствует существованию второго Тюркского каганата, то есть до 745 г. В это время погребения человека с конем встречаются по всей его территории. В наборе погребального инвентаря некоторые формы предметов, совершенствуясь, изменяются. В гарнитуре поясов VII-VIII вв. появляются пряжки 13 и 14 типов (рис. 5), накладные бляхи полуовальной формы со срезанными краями (рис. 6. Тип. 3). К поясу подвешиваются сумочки с предметами обихода и ножи. Последние сохраняют форму с односторонним уступом и плавным дугобразным переходом острия лезвия к черешку (рис. 8-46). Одновременно появляются ножи с прямой спинкой и двусторонними уступами (рис. 8-45). Известные по изображениям на каменных изваяниях коленчатые ножи «уйбатского» типа в древнетюркских погребениях с конем на Саяно-Алтайском нагорье не выявлены.

Среди украшений по-прежнему встречаются каплевидные серьги, но уже с «мысиком» на основном кольце (рис. 8-39). С начала VIII в. появля-

ются серьги с подвеской-раструбом. Происходит смена в подвеске, но основное кольцо остается прежним (рис. 8-42).

В число предметов вооружения входят колчаны со “щитком” (рис. 8-54) и набором железных трехлопастных наконечников стрел. В наборе конского снаряжения появляются целые однолопастные седла, полки которых имеют вырез в нижней части (рис. 8-112). Вместе с ними в подпруге встречаются роговые подпружные пряжки с округлой головкой и сплошным вырезом для крепления к ремню. Седлам и пряжкам этого типа соответствуют стремена, близкие к кудырганским – с восьмеркообразной петлей (рис. 8-57). Встречаются стремена и с пластинчатой петлей (рис. 8-58), которые продолжают существовать позже.

В конскую упряжь входят также блоки для чумбура. В VII-VIII вв. они представлены короткими пряжками (рис. 8-59-61). В VIII в. наконечник блока несколько удлиняется.

Интенсивное развитие формы всех отмеченных вещей происходит в VIII-IX вв.

Уйгурский период (VIII-IX вв.) После гибели второго Тюркского каганата территория Саяно-Алтайского нагорья была завоевана уйгурами (745-840 гг.). Оставшиеся на этой территории тюркиты, вынужденные подчиниться завоевателям, все же сумели сохранить свои обычаи и традиционный способ захоронения человека с конем. На наш взгляд, уйгуры, в некоторой степени, считаясь с могуществом и авторитетом тугю на мировой арене, отвергли далеко не все существующие у них обычаи и, вероятно, оставили и даже сами восприняли то лучшее, что некогда отличало племена, покоренные ими. В свое время, в силу подчинения, тюркская военная аристократия должна была считаться с новыми порядками завоевателей. Такое взаимодействие двух этнических групп, безусловно, нашло отражение в материальной культуре племен Саяно-Алтая в VIII-IX вв. Именно поэтому для данного периода характерно такое разнообразие типов предметов древнетюркского комплекса.

Наборные ремненные пояса встречаются нескольких видов: прямоугольные с прорезью бляхи на одном ремне с лунницами (рис. 7-6, 7, 8, 12); полуовальные со срезанными краями вместе с прямоугольными (рис. 7-9, 10); либо на ремне только одни прямоугольные бляхи с прорезью (рис. 7-11). На таких поясах чаще всего присутствуют лировидные подвески – ранговые знаки погребенного (рис. 7-12, 13; 8-69-70). Подвески известны по изображениям на каменных изваяниях данного периода, а также на миниатюрах и в храмовых росписях в Хочо и Турфане в IX-XIII вв. (Gabain, 1961). Интерес представляет следующее наблюдение: как показали изучения пояса типов, которые раньше были отнесены исследователями к VII-VIII вв. (Курай IV-1/2 рис. 7-13, Туяхта-4 (рис. 7-6), существовали на столетие позднее – в VIII-IX вв. С VIII в. появляются новые по оформлению пояса с бляхами-оправами порталльной формы с вырезными внешними краями (рис. 6, типы 4, 6, 7; рис. 7-2, 3, 4, 6, 4; рис. 8-78, 79); пряжки 6-8, 10, 11 типов (рис. 5).

Предметы быта, обихода по материалу и форме близки предыдущим, однако вместе с тем появля-

ются и новые черты. В погребениях тюрков-туго присутствуют целые зеркала (рис. 8-93) и сопутствующие им грести (рис. 8-94). Среди утвари встречаются чернолаковая посуда (рис. 8-89), серебряные и латунные кувшинчики (рис. 8-95), а также железные клепаные котлы на поддоне с двумя ручками (рис. 8-87). На смену деревянным приборам для добывания огня приходят железные кресала. В оружии намечается ряд изменений. Наряду с прежними, появляются новые формы наконечников стрел: трехлопастные с выемками на лопастях (рис. 8-99). Все чаще присутствуют в колчанах наконечники стрел с упорами при переходе от пера к черешку. Серединные боковые накладки на луки становятся крупнее и с более вытянутыми заостренными концами (рис. 8-97, 98). Все чаще появляются накладки со вставной центральной срединной лопаточкой. Защитное вооружение представлено находками деревянного щита (рис. 8-106) панцирных доспехов во фрагментах. Конское снаряжение этих погребений представлено устойчивым набором: двулопастными седлами (рис. 8-113), часть из которых покрыта черным лаком, железными подпружными пряжками на вертлюге (рис. 8-114) и массивными стременами с петлей и пластиной на шейке (рис. 8-111). Встречаются и восьмерковидные стремена (рис. 8-119), чаще в комплексе с двулопастными седлами с прямым завершением крыла. В этот период для сбруи коня, как правило, используются гладкие однокольчатые удила с эсовидными псалиями (рис. 8-107). В узде, кроме традиционных украшений, появляются листовидные накладные бляхи (рис. 8-121), ременные наконечники с вырезанными фигурными краями (рис. 8-123), а также "тройки" - распределители ремней (рис. 8-124).

Так предметы, обычные по форме и материалу для древнетюркских погребений человека с конем в VI-VIII вв. продолжают свое интенсивное развитие в VIII-IX вв. под действием уйгурского влияния, сохраняя при этом свои черты и в последующем периоде.

Кыргызский или древнехакасский период (IX-X вв.). После двадцатилетней войны древние хакасы вытеснили уйгуров с территории Саяно-Алтайского нагорья и включили в состав своего государства земли бывшего Тюркского и Уйгурского каганатов. Кыргызы подчинили их население на длительное время IX-XII вв. Однако, некоторое время эти этнические группы продолжали свое существование на старых территориях, в том числе и оставшиеся тюрки-туго, которые сохранили свои обычаи захоронения человека с конем. Естественно, что в погребальном инвентаре таких захоронений, наряду с предметами древних тюрков, встречаются вещи новых форм и назначений, привнесенных завоевателями.

Традиции древних тюрков сохраняются в оформлении наборных поясов. Наряду с ранее известными формами накладных блях появляются в наборе округлые бляшки с прорезью (рис. 8-132). Все чаще встречаются детали пояса, выполненные из железа. Пышность в украшении, присущая древнехакасским поясам, в редких случаях получает отражение в находках из погребений человека с конем (рис. 7-9). К поясу по-прежнему привешиваются предметы быта и обихода. Среди них встре-

чаются ножи с прямым уступом при переходе от черешка к лезвию, а также ножи с упором (рис. 8-137). Появляются втульчатые тесла с ярко выраженными плечиками (рис. 8-136). Следуя традиции древних хакасов, тюрки-туго при погребении умершего заменяют целые зеркала обломками.

В вооружении, наряду с сохранившимися старыми формами, появляются и новые. Боковые срединные накладки на луки становятся овально-вытянутыми, подобно тем, которые широко распространены в Восточной Европе (рис. 8-139). Встречаются экземпляры с прорисовкой знаков отличия. В наборе стрел вместе с древнетюркскими трехлопастными наконечниками присутствуют типично хакаские тупоугольные, четырехгранные и другие. В сбруйном наборе с тюркскими вещами существуют древнехакасские предметы. В укрешении узды используются "тройки" - распределители ремней, ромбовидные накладные бляхи, налобники и пр. (рис. 8-158). С остатками седел встречаются железные оковки или части железных облицовок-накладок на луку седла. Тюркские роговые подпружные пряжки сохраняют те же конструкции, правда, выполнены иногда на круглых пластинах. Железные пряжки на вертлюге несколько меняют форму: сужается дужка пряжки (рис. 8-155). Стремена, как правило, с пластинчатой петлей подквадратной формы (рис. 8-150). На подножках стремян все чаще встречаются различные вырезы. В набор конской упряжки, а также витые двухкольчатые и однокольчатые удила с кольчатыми псалиями (рис. 8-148).

Таким образом, на протяжении всех периодов существования тюрков-туго на Саяно-Алтайском нагорье форма предметов погребального инвентаря, характерных для погребений человека с конем, совершенствуется в рамках тюркских традиций. Однако следует отметить, что если во времена уйгурского владычества тюрки-туго заимствовали только некоторые новые формы погребального инвентаря, то кыргызское (древнехакасское) влияние проявилось в сосуществовании в одном погребальном комплексе как тюркских, так и кыргызских вещей.

Так, анализ погребального инвентаря с привлечением новейших материалов дает возможность представить более полно облик материальной культуры древних тюрков-туго в Центральной Азии в I тыс. н. э., которая впитала в себя как "внутренние", так и "внешние" трансляции. Очевидно, что в период VI-X вв. в степях Центральной Азии в культуре местного населения прослеживается общая линия единой тюркской традиции при активном взаимодействии как уйгурских, так и древнехакасских элементов.

С приходом новых этнических объединений на территории бывших тюркских каганатов были расшатаны устои некогда могущественного племени тюрков-туго, которые в X в. по сведениям китайской придворной хроники, "были крайне слабы..." и постепенно теряют свое этническое имя.

Литература:

1. *Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ в археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956-1957 гг. Уз Тув. НИИЯЛИ, вып. 6. Кызыл, 1958.*

2. Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956-1957 гг. УЗ Тув. НИИЯЛИ, вып. 6. Кызыл, 1958;
  3. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве. ТТКАЭ. М.-Л. 1966.
  4. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды ТКАЭЭ, 1959-1960 гг.
  5. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен; М.-Л., 1965; Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем и древнетюркского времени /Тюркологический сборник. М., 1973.
  6. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. МИА. №8. М.-Л., 1956.
  7. Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982.
  8. Генинг В. Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда //Вопросы археологии Урала. Вып. 13, Свердловск, 1973.
  9. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., Наука, 1957.
  10. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1949; МИА №9; Вайнштейн С.И. Этнографические исследования в Горном Алтае и Туве //Полевые исследования Института этнографии. М., 1979; Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв. Свердловск, 1984.
  11. Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы. Вестник МГУ. Сер. Историко-филологическая. №4. М., 1958.
  12. Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (V—VIII). Вестник МГУ, сер. IX, История, 1960. №1.
  13. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.; Изд. МГУ и др.
  14. Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве. Советская археология. Вып., 3. М., 1982.
  15. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв. Свердловск, 1990.
  16. Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X-XII вв.). Автореф. Дис. канд. ист. наук. Л., 1974.
  17. Савинов Д.Г. Введение. //Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит-средневековья). СПб., 1994.
  18. Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени культурных традиций (Алды-Бельская культуры) Культурные трансляции и исторический процесс.
  19. Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // Тюркологический сборник, 1981.
  20. Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности...
  21. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края //Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4. Вып. 2.
  22. Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв. в Минусинской котловине //Северная Азия. Археологический поиск. Новосибирск, 1980.
  23. Шеглов А.Н. К изучению культурных трансляций и взаимодействий в Причерноморском регионе расселения греков //Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит-средневековья). СПб, 1994.
  24. Sinor D. Inner Asia a syllans. Indiana University Publications (Uralis and Altaic Series. V. 96.
  25. Gabain A.M. Das uigurische Konigreich von Chotsho 850-1250. Berlin: Academie-Verlag, 1961.
- Список иллюстраций:
- Рис. 1. А-Уйгурский вождь, роспись в Хочо (по А. Сабану; В – каменные изваяния с. Булун № 36, 39) (по Л.Е. Евтюховой).
- Рис. 2. Поминальные оградки древних тюрков. Могильник Аймырлыг (Тыва).
- Рис. 3. Захоронение человека (в подбое) с конем. Могильник Даг-Аразы (Тыва).
- Рис. 4. Захоронение человека с конем: А-Могильник Часкал. В – могильник Аймырлыг.
- Рис. 5. "А": 1-Кокэль; 2,4 – Бар-Бургазы; 3, 9, 13, 14 – Катанда; 5, 10 – Туяхта; 6,7 – Кудыргэ; 8 – Колены; 11 – Даг-Аразы; 12 – Улуг-Бюк; 15 – Таштык; 16 – Улуг Хорум; 17 – Аргалыкты; 18 – Бай-Даг. "Б": 1-6 -согдийские пряжки (по В.И. Распоповой). "В": 1-3, 5 – Урья-Каневский; 4 – Дименковский; 6, 13 – Мыдлань-шай; 7 – Мамылы Турбаслы; 8-10, 14 – Неволинский; 11 – Самгатинский; 15 – Плесинские могильники (по В. Ф. Генингу и Р.Д. Голдиной).
- Рис. 6. "А": 1,8,9 – Даг-Аразы; 2 – Кара-Чоога; 3 – Ак-Турт; 4 – Аймырлыг; 5,7, 12, 13 – Туяхта; 10 – Кокэль; 11 – Ак-Довураг; 14 – Монгун-Тайга; 15 – Кудыргэ.
- "Б" – 1-10 – согдийский бляхи (по В.И. Распоповой).
- "В" – 1-3 Дименковский; 2,4-6, 10, 11 – Неволинский; 7 – Мыдлань-Шай; 8 – Хусановский; 9 – Кушнаренковские могильники (по В.Ф. Генингу и Р.Д. Голдиной).
- Рис. 7. 1, 11, 14 – Монгун-Тайга; 2 – Аргалыкты; 3 – Даг-Аразы; 4 – Узунтал; 5 – Монгун-Тайга; 6, 15 – Туяхта; 7 – Ак-Кообы; 8 – Бар-Бургазы; 9 – Ак-Турт; 10 – Часкал; 12 – Кара-Чоога; 13 – курай; 16, 17 – Кудыргэ.
- Рис. 8. Хронологическая таблица тюркских древностей из погребений человека с конем Саяно-Алтая в VII-X вв.
- 1 – Кудыргэ 7; 2, 11, 28, 52, 53 – Кокэль 23; 3, 7, 12, 66 – Кудыргэ 13; 4, 6, 13, 14, 18, 26, 31, 32, 64 – Кудыргэ 9; 5, 15, 16, 23, 57 – Кудыргэ 11, 8, 9, 17 – Кудыргэ 5, 10, 24 – Кудыргэ 22; 19, 21 – Улуг-Хорум; 20 – Кудыргэ 1; 22, 25, 63 – Кудыргэ 15; 27, 37 – Казат-Ховак; 29-77, 96, 133 – Аймырлыг I-V; – 5; 50, 127 – Катанда II-2; 33 – Туяхта 3; 34, 115, 116 – Курай III – 2; 35, 59, 61 – Кокэль 22; 36, 134 – Курай II - 4; 38 – Курай IV-1 п. 2, 39 – Кудыргэ 12; 40 – Кудыргэ 10; 41 – Катанда 11, 5 (II 7); 42, 56, 125 – Узунтал VI-1; 43, 79 – Туяхта 4; 44, 88, 90 – Кокэль 2; 45, 95, 155 – Курай IV-1; 46-59 – Аймырлыг I XXI-3; 47, 55 – Бай-Даг 16; 48 – Кокэль 13, 49, 119 – Даг. Аразы 11-3; 51, 54, 130, 131, 132 – Аймырлыг I V-2; 58, 68 – Кудыргэ – 8; 60 – Кокэль 47; 62 – курай IV-2; 65, 72 – Монгун-Тайга 58- IV; 67 – Курай 11-2; 69-81 – Кара-Чоога 4; 70, 80, 107, 156 – Монгун-Тайга 57-XXXVI; 71 – Бар-Бургазы 111-9; 73 – Часкал 11-4; 74 – Улуг-Хову 54;

75. М-ДА II. 13, 76, 118, 129, 139 – Даг-Аразы 11-1; 78, 126, 136, 137 – Узунтал 1-2; 82 – Курай II-3, 83, 148, 150 – Курай VI. 1; 85 – Ак-Туруг 5; 86 – Узунтал V – 1; 87. 104-106, III, 114 – Даг-Аразы V – I; 89.98-100, 122 – Даг-Аразы 11-14; 91, 102, 140 – Аймырлыг I VIII-52; 93, 124, 138. 151 – Даг-Аразы 11-6; 94 – Узунтал VIII-1; 97 – Мугур-Саргол; 101. 110, 112, 113 – AIVIII-52; 103 – Улуг-Бюк; 107. 156 – Монгун-Тайга 57-XXI; 108 – Саглы-Бажи IV – 25; 109 – Даг-Аразы 111-10; 117 – Катанда 11-5; 120 – Туяхта 4; 121, 142-145 – Даг-Аразы 11-8; 123 – Монгун-Тайга 58-X, 128 Аргалыкты IX – 1; 135 – Капчалы 11-2; 141 – Аймырлыг I V-3; 146 – Даг-Аразы 11-2; 147 – Даг-Аразы III-14; 154, 149 – Курай IV-3; 152-153 – Туяхта 9; 157 – Джаргалынты 2; 159 – Туяхта 1; 160 Тыштык.

Н. Рахмонов

(Ташкент)

НОВЫЕ НАХОДКИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ НАДПИСЕЙ В ФЕРГАНЕ

Древнее государство Даван (Фергана) уже III-II в. до н.э. привлекало внимание Ханской династии древнего Китая. Государство Даван особо отмечалось по отношению к другим государствам Средней Азии. Государство Даван особенно прославилось в период проявления У-ди, когда его развитие обеспечило ведущее положение во всех отраслях. И далее, в VII в., - в период правления династии Тан-Даван не утратил своей мощи и славы. Китайские историки и географы уделяли большое внимание этому государству. В частности, в летописи «Хан шу» даются следующие сведения: «К западу от Кашгара будут Фергана, Бактрия, Тяочжи и Уи, последнее также называется Пайчи. Эти государства находятся к западу одного от другого, они не расширяются и не переживают упадка».

Но все-таки в китайских источниках даются отрывочные, неполные сведения, позволяющие получить представление о социально-политической ситуации, культурно-духовном состоянии Даван до середины IV в. н.э. Опираясь на эту информацию, можно воссоздать панораму государства Даван.

Ясные, полные сведения о культурной и духовной среде в государстве Даван не встречаются ни в летописях Ханской династии, ни в других каких-либо источниках. Следует особо отметить кропотливый труд и научно-исследовательские работы по изучению древней Ферганы известных ученых-археологов А.Н. Бернштама, Ю.А. Заднепровского, А.И. Тереножкина. В частности, эти ученые-археологи обнаружили в Ферганской долине ряд тюркско-рунических памятников и внесли свой весомый вклад в эту область науки, как и их коллеги - древнекитайские историки, и тем самым им удалось восполнить некоторые пробелы, имеющиеся в древнекитайских источниках.

1. В своем выступлении я не ставлю цель подробно анализировать все тюркско-рунические памятники, обнаруженные на территории Ферганской долины, тем более, что этой проблеме посвящена специальная статья Ю. А. Заднепровского, я предлагаю вашему вниманию новые, еще не известные научной общественности тюркско-рунические надписи, обнаруженные узбекскими археологами Б. Матбабаевым и Г.Ивановым в городе Куве, который является одним из древних городов Ферганы, и высказать свои соображения о трактовке данных надписей.

В Ферганской долине город Кува был и остается одним из центров тюркско-рунической письменности. Предварительные археологические исследования в 60-х годах в городе Куве выявили первые образцы раннего тюркско-рунического письма.

Археологические исследования, продолженные в Куве в 1996-1998 годах, расширили границы древнетюркских письменностей. Известный археолог Б.Матбабаев обнаружил два, а археолог Г.Иванов - один фрагмент глиняного хума с надписями. В процессе изучения и анализа данного фрагмента стало известно, что знаки этих писем были известны на всей территории Центральной Азии в VI - VII в., они же являются последовательным продолжением Исыкского письма. Одновременно, образцы древнетюркской письменности Кувы являются ценными и тем, что они дают нам сведения об образе жизни наших предков, о высоком уровне культуры и быта, о географии Турана, где жили в древности тюркские племена. Очевидно, древнетюркское письмо было основным письмом в государстве Даван, и естественно, достоинством Турана. Несомненно, древнетюркское письмо из Лумбитепе (Андижанской области), а также ряд образцов тюркского письма, обнаруженных на окраинах Ошской области, служат для уточнения и обогащения сведений о древне-этническом состоянии Ферганы.

Надпись, относящаяся к VII-VIII вв. н.э., на первом обломке хума неполная. Хотя надпись неполная, однако на фрагменте выражается определенное бытовое понятие древних тюрков. Наличие крючковидного знака на правой стороне нижней части крышки хума указывает на начало строки письма. Этот знак использовался для выражения твердого варианта звука П и нижней части гласного А.

Первый знак в таком виде служит для выражения мягкого варианта согласно С. Мы считаем, что данный знак непосредственно был связан с недостающим словом на разбившейся части хума. Этот знак читается как АС.

Следующее слово начинается со второго знака. Такой знак использовался в древнетюркском письме для выражения звуков НГ. Этот знак использовался также в письменных памятниках Енисея, Дуная, Северной Монголии. Имея в виду, что в древнетюркских письменностях консонансное письмо не начиналось звуком НГ, этот знак мы читаем как АНГ. Здесь возникает вопрос: «Такой знак использовался в северо-кавказском варианте Западно-тюркской письменности для выражения согласного Т». Однако этот знак для выражения согласного Т использовался только после VIII в.

Особого внимания заслуживает второй знак данного глиняного хума. Этот знак имеет отличительную черту от традиционных знаков VII-VIII в. Среди древнетюркских письменностей, обнаруженных на остальной территории Средней Азии, в Кувинском письме, очевидно, данный знак более древний. Такой знак использовался для выражения согласного Ш. Опять-таки, по существующим правилам, консонансного письма этот знак мы считаем как АШ. Короткий звук А в начале слова в письме не обозначается. Эта особенность относится не только к Кувинскому письму, но и к остальным тюркским письмам.

Значение слова АШ в древнетюркском очевидно, это есть наше современное Ош, т.е. БЛЮДО, ПИЩА, ЕДА. А какое значение имеет слово АНГ? В современном языке значение этого слова отсутствует. В поэме «Золотой блеск», созданной в тюркскую эпоху, данное слово означало «ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ». Махмуд Кашгарский в «Диване лугат ат турк» значение слова АНГ толкует как «НАЗВАНИЕ ПТИЦЫ». (том. 1, Ташкент, 1960, стр. 76).

Четвертый знак использовался для выражения твердого согласного Л. Последний и второй знак также использовался для выражения звука НГ. Тюркские слова в древности не начинались с согласного Л.

Следовательно, знаки на хуме читаются так: АНГ АШ АЛАНГ.

Второй фрагмент найден именно на том же объекте Кувы, надпись тоже идет кругом по горлышку хума. Надпись сохранена целиком. Она обладает традиционным своеобразием, и напоминает широко распространенное на всей территории Средней Азии - тюркско-руническое письмо. Только нижняя часть знака с левой стороны незначительно повреждена.

Первый знак с правой стороны, который часто встречается в Донских и Кубанских надписях, служит для выражения звука Ч и читается как АЧ. Слово АЧ в произведении Махмуда Кашгарского «Дивану лугат ат-турк» характеризуется следующим образом: «Оч - название известного города (том 1, стр. 71). В произведении Муъжам ул-булдон (X век) слово ОЧ интерпретируется как город карлуков, живущих на берегах Сайхуна (Сыр-дарья) между Андижаном и Самаркандом. У древних тюрков гласное А в начале слова при произношении переходит в О, и это вполне естественно. Например, древнетюркское БАШ - современное БОШ, или древнетюркское ТАШ - современное - ТОШ и т.д. Я думаю, что первое слово АЧ в надписи совпадает с топонимом ОЧ, которое упоминается в вышеуказанных древних произведениях.

Второй знак начинается с согласного П, вместе с третьим и четвертым знаками при чтении образует слово АПАРЫ. Мы думаем, что это слово означает название какой-то местности вблизи города ОЧ.

Если говорить о пятом знаке, то в енисейских письменностях он, кроме гласного А, в середине слов и предложений выполнял функцию разделительного знака. Этот знак наиболее распространен в Донских, Кубанских и Исфаринских надписях. В данном случае этот знак выступает в роли разделительного. Может возникнуть вопрос: Почему этот знак не выражает гласный звук А в дан-

ной позиции? Причина в том, что следующий знак является твердым вариантом согласно Р. По принципу древнетюркского письма этот знак не используется перед твердыми вариантами согласных букв.

Шестой, седьмой, восьмой знак образуют слово АРАЛЫ. Причина такой трактовки этого слова состоит в том, что в древнетюркском нет слова, которое начинается с согласного Р. Слово Аралы встречается в Книге гаданий: Токуз аралы сигун кийикман - Я олень острова Токкиз.

Девятый знак мы интерпретировали как слово АС. В древнетюркском языке это слово многозначное, в данном случае оно выступает в значении «БОЛЬШОЙ, ДЛИННЫЙ».

Последний знак, по нашему мнению, это магический знак, широко распространенный в древнетюркской среде и в более ранний период. В итоге, эти надписи мы интерпретировали таким образом: АЧ АПАРЫ АРАЛЫ АС - ОСТРОВ АПАРЫ (в городе) ОЧ-БОЛЬШОЙ.

Остров АПАРЫ, может быть, один из островов Сырдарьи.

Несомненно, эти надписи Кувы могут быть одним из источников для изучения развития культуры письма Ферганской долины, а также источником дополнительных сведений в определении и освещении этнической истории древней Ферганы. Думаю, всем известно, какую важную роль в изучении исторического развития народа играют не только географическая среда и социально-исторические отношения, но и письменность.

Пользуясь возможностью, я хотел бы остановиться на фактах, связанных с надписями, обнаруженными на территории Узбекистана. Эти факты подтверждают наши наблюдения о Кувинских надписях.

Среди предметов, обнаруженных из Халчаяна, наше внимание привлек глиняный фрагмент с четырьмя знаками. Предметы относятся к II-I вв. до н.э. Следовательно, знаки на глиняной посуде также продукт той эпохи: по этому поводу наш ученый Г.А. Лугаченкова, обращая внимание на эти знаки, пишет: «Эти образцы искаженного греческого письма Кушанской эпохи» (Лугаченкова. Халчаян. 1966. С. 59-60)

Но наши исследования показывают, что данный фрагмент из четырех знаков является ранним образцом древнетюркского письма, продолжением иссыкского письма, а не фрагментом видоизмененного греческого письма. Между прочим, возникает вопрос: «Зачем в Бактрии тюркское письмо? В этом государстве действовали три вида письма: греко-бактрийское, кхарошти, брахми. Есть ли необходимость четвертовать письма? Несколькими лет тому назад мы вместе с академиком Э.В. Ртвеладзе выдвигали на этот счет свои мнения о «неизвестных письмах», обнаруженных в древнем Термезе, Коштепе и Кам-пиртепе Южного Узбекистана.

Тюркско-рунические надписи Кувы, а также тюркско-рунические памятники, обнаруженные в Лумбитепе (Андижан), Мунчокнипе (Пап), Исфара служат для обогащения сведений о культурном, социальном и этническом прогрессе древней Ферганы, и вообще Средней Азии.

ДАТИРОВКА И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРЬЕРА МАВЗОЛЕЯ ШАХ-ФАЗИЛЬ

Мавзолей Шах-Фазиль занимает в архитектурном наследии Кыргызстана не менее важное положение, чем мавзолей Узгена. Это значение определяется неординарностью его архитектуры, древностью сооружения, высоко развитым искусством архитектурного декора, воплощенного в этом памятнике.

У исследователей мавзолея Шах-Фазиль нет единого мнения о дате его строительства. В работах разных авторов называются даты от XI до XIII вв. Остатки монументальных построек VIII-IX вв. говорят о еще более древнем периоде функционирования поселения, где построен мавзолей Шах-Фазиль.

Несмотря на то, что все исследователи сходятся в мнении отсутствия аналогий орнаментам мавзолея Шах-Фазиль в памятниках Средней Азии, Ирана и т.д., можно привести примеры отдельных аналогий в орнаменте и эпиграфике, позволяющие говорить о возможной синхронности времени их строительства. Несмотря на эти аналогии, архитектура Шах-Фазили, его декор не имеют ничего общего с архитектурой Мавераннахра и тем более Хорасана, подтверждением чему являются необычная внешняя форма мавзолея и своеобразная техника резьбы по ганчу в интерьере. Необычная особенность экстерьера яруса парусов, в виде трехступенчатого среза углов четверика, является не чем иным, как рудиментом (т.е. остаточным явлением) центрической композиции.

В декоративном убранстве интерьера мавзолея Шах-Фазиль есть отдельные мотивы как, например, фестончатые арки, позволяющие сделать определенные выводы. Примененные в орнаментальных мотивах мавзолея гирихи, позволяют сделать вывод об их сложности, а соответственно, и времени их появления.

Основная орнаментация интерьера Шах-Фазиль выполнена в технике графической резьбы, истоки которой прослеживаются на наиболее древних памятниках Кыргызстана.

Стилистический анализ узоров и их композиций в интерьере мавзолея позволяют говорить о близости Шах-Фазили к постройкам раннего средневековья.

Знакомство с этим памятником, анализ его композиции, конструктивных приемов и орнаментально-декоративного оформления, дающих полное основание считать его одним из выдающихся памятников архитектуры, наводит на мысль, что это не случайное явление в архитектуре Кыргызстана.

КЛАД МЕДНЫХ ТЕМУРИДСКИХ МОНЕТ ИЗ СЕЛА МАДЫ ОШСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение монет позволяет использовать их не только для исследования монетного дела, денежного обращения, товарно-денежных отношений, но и целого ряда вопросов политической, социально-экономической истории. И более всего информации дают не отдельные монеты, а клады, особенно когда известно место обнаружения.

Данный клад найден в селе Мады Ошской области в 1969 г., хранится в ошском областном музее-заповеднике.

При работе с нумизматическим материалом, а также и при написании статьи, автор пользовался методическими разработками Е.А. Давидович, включая методы атрибуции монет и надчеканов, типологическую классификацию монет и надчеканов, периодизацию денежного обращения XV-нач. XVI вв. (Давидович Е.А., 1983).

В кладе 1049 монет. Они выпущены в Андижане (115 экз.) Ахси (1), Балхе (1), Бухаре (235), Герате (1), Параке (1), Самарканде (266), Ташкенте (35), Шаше (22), Хирасе (17), Фаркате (3). Самая ранняя монета 832 года хиджеры г.х., самая поздняя 911 г.х. Экземпляры Андижана чеканены 898, 899, 899 (раби I). Монета Ахси, 910 г.х. Чекан Бухары датируется 832, 874, 898, 899, 900, 901, 902, 907 и 911 г.х.: Самарканда – 897, 898, 899, 900, 901, 902, 906, 907, 908, 910 г.х.; Ташкента – 898, 899 г.х., Шаша – 899 г.х. (Таблица № 1). На трех динарах на одной стороне наименование монетного двора Ташкент, и на другой Ташкент, на пяти других сочетаются подобным образом Шаш и Бухара. Монета Парак на оборотной стороне имеет орнамент (монетный двор Парак ранее был известен только в надчеканах).

Около 50% монет надчеканено по 2-4 раза, надчеканы обоих разрядов и всех групп.

Первый разряд: группа первая, типы 5,6,7,8,10,12,13,14,15,17,21,22 произведены в Ахси, Бухаре, Кеше, Мианкале, Параке, Самарканде, Ташкенте, Термезе, Хисаре, Чаганиане, Шахриябзе; группа вторая первая под-группа (по словам "хуб") типы 1-7, подгруппа третья (именная) тип 2; группа третья (орнаментальная) типы 1 и 2 (таблицы № 2,3).

Второй разряд: группа первая, типы 1/а и 2/а произведены в Андижане, Бухаре, Самарканде и Хисаре;

Группа вторая, типы 1-6 (таблицы № 4,5).

Надчекан типа 2 именной подгруппы второй группы первого разряда в квадратном картуше с надписью "Усар Шейх гураган" имеет иное ее расположение – другой штемпель, отличный от контрмарок на монетах из кладов № 3, 22 и 31.

Среди надчеканов 2 группы 2 разряда, типа 2 есть также один новый штемпель. Два надчекана типа 12 первой гр. 1 разр. С надписью "зарб Хисар – и Шадман" в отличие от уже известных ранее с надписью "зарб Хисар", причем на наших в слове Хисар пропущен алиф.

Клад был изъят в пятом этапе денежного обращения (907/1501 – 02-914/1508-09 г.).

Таблица № 1 Состав клада

Монетный двор	№ типа	Год хиджры	Количество монет	С надч.	без надч.
Андижан	-	898	12	7	5
«»	-	899	15	2	13
«»	-	раби 1			
«»	-	899	31	2	29
«»	-	899	1	1	-
«»	-	Стерт	53	12	41
Ахси.	-	910	1	-	1
Балх	-	-	1	-	1
Бухара	-	832	35	24	1
«»	-	874	2	1	1
«»	-	897	1	1	-
«»	-	898	20	16	4
«»	-	899	22	11	11
«»	-	89	435	36	9
«»	-	900	27	24	3
«»	-	901	2	1	1
«»	-	902	1	-	1
«»	-	9..	10	8	2
«»	5	стерт	40	29	11
«»	4	стерт	12	10	2
«»	21	-	12	4	8
«»	8	907	2	-	2
«»	5a	910	1	-	1
«»	9	911	1	-	1
«»	9	-	1	-	1
Герат	-	-	1	-	1
Парак	-	-	1	-	1
Самарканд	-	898	52	34	34
«»	-	897	1	1	-
«»	-	899	30	18	12
«»	-	89.	30	19	11
«»	9	стерт	22	4	18
«»	-	900	69	23	46
«»	-	901	6	3	3
«»	10	стерт	6	5	1
Самарканд	11	902	2	-	2
«»	11	стерт	10	7	3
«»	39	-	26	3	23
«»	14	906	3	-	3
«»	13	906	2	1	1
«»	17	907	7	1	6
«»	17	908	1	-	1
«»	17	910	1	-	1
«»	17	стерт	4	-	4
«»	13	-	2	1	1
«»	15	-	2	1	-
Ташкент	-	898	3	-	3
«»	-	899	6	1	5
«»	-	89.	14	3	11
«»	-	стерт	8	1	7
Ташкент-Ташкент	-	-	2	-	2

Фаркат-Ташкент	-	-	3	-	3
Хисар-	10	-	10	6	4
«»	6	стерт	1	-	1
«»	9	-	1	1	-
Хисарг	-	-	4	2	2
Шаш	-	899	3	-	3
«»	-	89.	2	-	2
Шаш-Бухара	-	-	5	5	-
Шаш	-	стерт	10	5	5
Стерт	-	832	2	2	-
«»	-	874	1	-	1
«»	-	897	1	1	-
«»	-	898	12	12	-
«»	-	899	9	9	-
«»	-	89.	26	19	7
«»	-	900	16	11	5
«»	-	стерт	224	108	114

К.Ж. Солтонбекова

(Бишкек)

ФЕРГАНА ЧӨЛКӨМҮНДӨГҮ ШААРЛАР ЖӨНҮНДӨ ИБН ХАУКАЛДЫН ЖАНА М. КАШГАРИНИН МААЛЫМАТТАРЫ

Борбордук Азиянын байыркы жана орто кылым мезгилин изилдөөдө жазма болуп тарыхчы изилдөөчүлөргө олуттуу кыйынчылыктарды чечүүдө жардам берери шексиз. Борбордук Азиянын байыркы жана орто кылым мезгилин изилдөөгө Касым Мухаммад Ибн Хаукалдын жана Махмуд Кашгардын эмгектериндеги маалыматтар, бүгүнкү күндүн олуттуу тарыхый окуясы "Ош-3000" үчүн да өтө маанилүү.

Ушул багытта Абу-л-Касым Муххамад Ибн Хаукалдын 977-жылы жазылган географиялык эмгеги "Сурат ал-арз", ("Картина земли") же болбосо "Китаб ал-маслик ва-л-мамалик" ("Книга путей и стран") деген ат менен окумуштууларга белгилүү болуп Борбордук Азиядагы өлкөлөрдүн тарыхын изилдөөдө көрүнүктүү мааниге ээ. Эмгектерде Борбордук Азиядагы аймактардын элинин социалдык-экономикалык жана маданий турмуш тиричилигинен эң баалуу бай маалыматтар баяндалат.

Көрүнүктүү араб географы жана саясатчысы Ибн Хаукалдын "Сурат ал-арз" эмгеги 1873-ж. Лейденде көрүнүктүү француз ориенталисти М.Я. де Гук тарабынан биринчи жолу басмадан жарыкка чыгарылган. Ал эмгегинин 1086-ж. жазылып Стамбулдук кол жазманын редакциясынын негизинде Крамерс тарабынан 1938-ж. жарыкка басылып чыккан.

Бул изилдөө Ибн Хаукалдын эмгегинин үзүндүсүн орус тилинде О.Б. Фролованын котормосунун негизинде жүргүзүлдү¹. Ал эмгекте мындай маалыматтар бар: Фергана – аймактын аталышы (Иклим).

¹ Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X-XIX вв. – Ташкент, из-во "ФАН", 1988. С. 18-29.

Фергана бул көптөгөн шаарлардын жана айыл-кыштак, турак жайлардын, административдик мекемелердин чөлкөмү. Фергананын борбору Акшикет (Аксы) Аш-Шаш (Сыр-Дарья) суусунун агымындагы шаар.

Ферганада Шаардан тоого чейин жарым фарсахдык (фарсах ирандыктардын өлчөмү боюнча бизче 5-7 км тете) жол келет. Суунун сол (түндүк) тарабында "кухендиз" (цитадель) борбордук сепил бар, ал эми шаардын өзүндө (медина) жайгашкан, шаардын чет жакасында (рабат) бар.

Кухендизде эмирдин сарайы жана абак жайгашкан. Ал эми негизги мечит Кухендизден тышкары жерде курулган. Аш-Шаш (Сыр-Дарыянын) жээгинде майрамдык оюн-шоок үчүн орудар жайгашкан. Шаарда көптөгөн базар аянттары бар. Шаардын ар жеринде дарбазалары бар сепил дубалдар курчап турат, мисалы: Буджир дарбазасы, Меркуш дарбазасы, андан ары Касан дарбазасы ал эми эл сыйынуучу мечетке жакын дарбазанын аты Рахиба деп аталат¹.

Ферганадагы шаарларда жана рабаттарда агын таза суулар, кудуктар (хауз) бар.

Ар бир дарбазадан ары чыкканда калың жыш токойлуу аймакка туш болосун. Ферганадан ары өйүзүндө Аш-Шаш (Сыр-Дарья) аркылуу өткөндө жайыт жерлер, шалбаалуу аймактар бар.

Ошентип Акшикет - (Аксы) шаары аймагы боюнча Куба (Кува) шаарына жакын эң таза шаар, шаарда кухендиз, рабад өтө көп. Кийин эмнегедир Кухендиз талкаланып кыйраган себебин эч ким толук айта албайт. Акшикет - (Аксы) шаары бакчалуу жана сууга бай Куба шаарына салыштырмалуу.

Ал эми Куба (Кува) шаары аянты жагынан Ош шаарына тете келет, шаарда эмирдин турак жайы жайгашкан, жана шаарда үч чоң дарбаза бар: суу тарапка кетчү дарбаза, Тоого кетчү дарбаза, жана Мугказа дарбазасы бар.

Куба (Кува) шаарын душмандардан сактоо үчүн байкоо - көзөмөл аялдамасы бар, көзөмөлчүлөр айдоо жерлерди жана жайыттарды көрүп, көзөмөлдөп кайтарып туруу милдетин өтөшөт.

Өзгөн - Ферганадагы четки шаар, капырлардын өлкөсүнө чектешет. Өзгөн аянты жагынан Ош шаарынын үчтөн-эки бөлүгүнө тете келет. Өзгөн түрк урууларына таандык турак жайларга, базарларга бай, шаар агын таза сууга бай, бакдарактуу жашоо үчүн өтө ыңгайлуу келет.

Өзгөн шаары мааниси жагынан Фергана чөлкөмүндөгү экинчи шаар деп эсептелинет.

Фергана чөлкөмүндө кухендизи (сепили) (сактык жайы) жок, ичилүүчү суусу жок, бир да шаарды жоолуктура албайсын.

Фергана дубанында - жогорку Несай, төмөнкү Несай, Асбара, Нека, Мийан, Рудан, Джидгил, Урест, Бесафор, Ашт, жогорку Несай, деп аталган жерлер бар.

Ал эми жогорку Несай Фергананын биринчи дубаны деп эсептелет².

Ферганага - Худженд (Ходженд) аркылуу киргенде аймактын борборундагы шаарлар: Банкет, Сох, Хувакенд (Кокон), Риштан, төмөнкү Несайды жогорку Несай менен байланыштырган шаарлар: Маргинан, Зендерамин, Наджренг, Устикан эсептелет.

Андукан - (Андижан) жана Хали шаарлары тоодон алыс жана жер шарты айдоолуу түшүмгө бай келет.

Асбара - бул бадалдуу жана тоолуу аймактын шаарлары: Тамахус жана Бамкахус эсептелет.

Ал эми Сох - тоодон алыста жайгашкан шаар. Шаарга алтымышка жакын айыл-кыштактар таандык, дагы Сох-шаары Ферганада административдик мекеменин суверендүүлүк статусуна ээ жана аймакта элдин жыш отурукташканы сезилет. Ферганадан обочодо Абал шаары жайгашкан, шаарда эл жыш отурукташканы байкалат.

Некад-тоо түбүндө жакын элдүү аймакка бүтүндөй дубан таандык борбору Мискан шаар деп эсептелбейт.

Ош - бул Куба (Кува) шаарына тете чоң шаар, Ош жана Куба (Кувага) көптөгөн элдүү аймактар согуштук даярдыгы жагынан эң мыкты жабдылган. Оштун чегинде Мадва (бүгүнкү Мады) деп аталган чакан шаар чектешет.

Өзгөн шаарынын аты менен ошол шаардын айланасындагы чөлкөм да аталат. Өзгөнгө көптөгөн баш ийген административдик - аймактар таандык.

Касан шаарына көптөгөн элдүү аймактар, айдоо жерлер мал-жандыктуу-чарбалар таандык жана ал аймактар да Касан деп аталат.

Тоолуу чөлкөмү Джидгил - (Чаткал) борбору Арланкет башкаруу мекемеси жайгашкан бул жерде бөлөк шаарлар жок.

Мийан-Рудан (Нарын жана Кара дарыялардын ортосундагы аймактар) дубанына көптөгөн элдүү кыштактар таандык, ал чөлкөмдөр түштүктүк аймактын борбору Хайлам шаары (Кетмен-Төбө азыркы Токтогул шаарчасы) ал Хайры ибн Абу Хайранын мекени кийин Наср ибн Ахмед мекендеген берекелүү шаар.

Урест - көптөгөн эл жашаган Астийакенде жана Шалтаа аймактарына ээлик кылат.

Урест шаары Өзгөнгө жакын жер болгондуктан ал жерлерди мусулмандар каратып алган күндөн баштап Урест шаары мусулмандардын бийлигине баш ийет жана таандык.

Керван (Караван) шаарына эң кеңири берекелүү аймактардын айыл-кыштактары таандык.

Бул эки дубан түрк урууларынын ээлиги Мийан-Рудан (Нарын жана Кара дарыялардын ортосу). Өзгөн шаары сыяктуу эле; Урест-Хафтдик деп аталат: тактап айтканда (Жети шаар) дегенди билдирет.

Фергана чөлкөмүндө жерлер (нахийа) алтын, күмүш кендерине бай. Ал эми Сох (Кадамжай) тоолорунда сымаптын кени өтө көп өндүрүлөт.

Жогорку Несай тараптан чайыр, чарагсан (түндөсү жарык чачкан таштар, фосфор), күмүш, алтын, бирюза, темир, жез, калай өндүрүлөт.

Асбара (бүгүнкү Сүлүктү, Таш көмүр) тоолорунда өндүрүлөт, элдер көмүрдүн күлүн кирди агартыш үчүн пайдаланышат.

Асбара тоолорунда асыл таштардан кара түздү, ачык-кызыл, ачык-сары таштар өндүрүлөт.

¹Ошол китепте: С. 20-21.

²Карыңыздар: I. Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X-XIX вв. Ташкент изд-во "ФАН" 1988 С. 18-29.

Фергана чөлкөмүндөгү тоолордо “Табархун” (түндөсү жарык чачкан): “Кызыл талдар өтө көп. Тыштан келген элдер “Табархун” дарагынын данегин алып кетишет.

Ал эми “Куданжан дарагы Ферганадан башка эч жерде өспөйт. Ферганада түрк элдерин нашта тыр өндүрүшөт.

Ошентип Фергана чөлкөмү жашоого керектүү кендерге бай, жана чөлкөмдүн жаратылыш шарты жашоого өтө жагымдуу келет.

2. Махмуд Кашкари XI кылымдагы көрүнүктүү лингвист, биринчи (компаративист) жана түркология илиминин негиздөөчүсү толук аты (Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммед ал-Кашкари) анын энциклопедиялык сөздүгү “Диван Лугат аттүрк” (“Собрание тюркских слов”), эмгегинин мурун жарыкка басылып чыга элек түп нускасынан (*Материалы...*).

Махмуд Кашкардын түзгөн XI кылымдагы дүйнөнүн тегерек картасында Орто жана Борбордук Азиянын аймактарында жашаган түрк урууларынын байыркы жана орто кылым мезгилинен баалуу бай маалыматтар баяндалат: картада Ысык-Көл, Баласагын, Кашгар, Фергана шаарларынын айрымдары даана түшүрүлгөн бирок эске ала турган окуя эмнегедир картада сөздүктүн маалыматында кездешпеген айрым аталыштар бар, андан тышкары географиялык аталыштардын картада толук эместиги: (Кимдир бирөөлөр картага өзгөртүүлөрдү киргизгенин) байкап, окумуштуулар изилдөөчүлөр ар кандай түпөйүл кооптонууга туш болгонун далилдөөгө мисал катары.

Махмуд Кашкаринин сөздүгүндөгү маалыматтын Ибн Хаукалдын ырастаган Ош шаары жөнүндөгү жазган баяндамасы “Ош калк жыш жашаган ички шаар, шаарда акимдин турак жайы жайгашкан. Шаарды айланга сепил дубалдар курчап турат”. Шаарда үч чоң дарбазалары бар сепил курчап турат: 1. Дарбаза Жебел, 2. Тоо дарбазасы, 3. Мужадах дарбазасы, дарбазалар өтө бекем орнотулган жана көзөмөлдөнүп турат. Ош бүтүн Фергана боюнча үчүнчү чоң шаар.

Ибн Хаукалдын жана Махмуд Кашкаринин маалыматына жакын айрым шаардын аталыштарын кыргыз элинин көрүнүктүү окумуштуусу Ө. Караев өзүнүн “История Караханидского каганата” (X – нач. XIII вв.) жана “Киргизия при Караханидах” деген эмгектеринде: Ош бүтүн Фергана чөлкөмүндөгү үчүнчү чоң шаар, ал эми Өзгөн шаары Карахан доорунда түштүк Кыргызстандагы мааниси жагынан саясий кадыр баркы көтөрүлүп дубандын борбору болгон деп жазат¹. (*Караев, 1983*).

Махмуд Кашкари Караханилер мамлекетинин аймагындагы түрк урууларынын жерлери шаарлары, көлдөрү, курамы, тилдери сөздөрү жөнүндө тарыхый географиялык филологиялык маалыматтарды баяндаган.

3. Махмуд Кашкаринин эмгектеринин бизге 1072-1077 жж. аралыгында жазылган “Диван Лугат ат-түрк” (“Түрк тилдеринин сөздүгү”) келип жеткен. Сөздүктө ар түрдү түрк урууларынын жери, шаарлары тили боюнча маалыматтар топтолуп жазылган. Өзгөн Карахан-мамлекетинин курамына кирген түрк элдеринин сөздүк курамы жеткиликтүү, берилген; фольклордук ырлардан, элдик поэзиядан, макал-ылакаптардын ж.б. д.у.с.)

түрк элдерине көбүрөк тиешелүү сөздүктүн мазмунуна караганда Карахан мамлекетинде жашаган урууларынын, арасында “кыргыз” деген сөз беш жолу даана эскерилет.

Ошентип Диван Лугат-ат түрк-түн мурун жарыкка чыга элек маалыматынан:

Түрктөр, негизинен жыйырма уруудан куралган. Түрктөрдүн теги Түрк Яфеттин баласы, Яфет дүйнөнү түптөгөн Нойдун балдары аларды кудай өзү жалгасын². Түрктөр да Румдун (Византия) укум-тукумдары сыяктуу элдер. Ар бир түрк уруунун тууганынын саны канча экени бир гана теңириме белгилүү.

Мен Махмуд Кашкари эң-башкы урууларды гана атаймын, экинчи маанидеги уруулардан мен Түркмөн-огуздар жөнүндө маалымат берем. Мен түрктөрдүн урууларын, мал-мүлкүнө, койгон белгисин (тамгасын) кийинки укум-тукумдарга билиш үчүн сүрөттөп жаздым.

Түрктөрдүн жашаган аймагы, Румдан (Византия) башталып андан-ары Чыгышка карай созулат: Румга (Византияга) эң жакын уруу печенектер (бэчэнэк), башкылар (башкырт), басмилдер (басмыл). Кайлар (кай), Ябакдар (йебай), татарлар (татар), кыргыздар (кыргыз), бул уруулар чин-ге (син) – ге жакын чектеш.

Бүт ушул Румдан (Византиядан) Чыгышка чейинки аймактарда жашаган уруулардын географиялык жер шартына чөлкөмдөрүн мен дүйнөнүн тегерек картасына чийип түшүрдүм.

Түрк тилдери жөнүндө сөз: түрктөрдүн тили эң туура жана тил, ушул түрк тилинде кыргыздар, кыпчактар, огуздар, тухсилер, ямалар, чигилдер, играктар, чаруктар, түрк тилинде таза сүйлөшөт, бул уруулардын тили перс тили менен аралашкан эмес.

Ал эми Баласагында, Таласта жашаган элдер согди жана түрк тилинде таза сүйлөшөт. Баардык шаарлар Исфижабдан (Чимкент) баштап Баласагынга чейинки жашаган элдердин тилинде, сөзүндө жумшак-жатыктыкты байкоого болот.

Ал эми Кашгар (Кашкар) шаарынын эли көбүнчө канчак тилинде сүйлөшөт, Кашгар шаарынын борборунда жашаган элдер Хакан-түрк тилинде таза сүйлөшөт.

Түрк тилдеринин, түпкү тамырында айрымачылык сейрек кездешет негизги айрымачылык айрым тамгалардын алмашып айтылышынан жана колдонулбасынан пайда болгондугу байкалат. Мисалы: түрктөр кыргыздар майда жандыктан “койду” “кой” деп айтышат, кыргыздар “мен бардым” деп айтышат, ал эми огуздар болсо “бэн бардум” деп ме – дегендин ордуна “бэ”, ал эми “ы” тамгасынын ордуна “у” тамгасын алмаштырып айтышат.

Махмуд Кашкардын сөздүгүнүн маалыматына караганда түрк урууларынын арасынан түрк тилин эң байыркы мезгилинен бери айтылышын өзгөртпөй сүйлөгөн уруу бул кыргыздар экенинин мисалы сөздүктө кыргыздар бүгүн да өзгөртпөй азыркы сөздөрү сыяктуу айтылат, ошол үчүн деген термин так жазылганынын өзү бул чыныгы

1 История Караханидского каганата (X – нач. XIII вв.) Фрунзе. 1983

2. Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X-XIX вв. - Ташкент, изд-во “ФАН”, 1988. С. 23.

далилдеп билдирген маалымат. Борбордук Азияда жашаган элдердин байыркы мезгилден бери жазуу булактарында кыргыз уруулары жөнүндөгү маалыматтардын ичине Махмуд Кашкардын сөздүгүндөгү маалымат чындыкка жакынырак; себеби Махмуд Кашкар кыргыз уруулары жөнүндө бир эле эмес, бир канча жолу эскерет.

Анан Махмуд Кашкар территориялык аймактар жөнүндө: ошентип башкы түрк өлкөлөрүнүн ээлигинин аралыгы Румдан (Византиядан) башталып Мачинага чейин миң фарсах, ал эми өлкөнүн туурасы үч миң фарсах, түрк өлкөсүнүн ээлигинин жалпы аянты сегиз миң фарсахка туура келет деп жазат Махмуд Кашгар.

“Мен Махмуд Кашгар билгендеримдин, көргөндөрүмдүн баардыгын жазып, чийип жердин тегерек картасына түшүрдүм, чийдим кийинки келечектеги муундар билсин үчүн”.

Кортундулап айтканда Борбордук Азиянын Фергана чөлкөмүндөгү шаарлар жана элдер жөнүндөгү жазуу булактарынын баяндамаларын изилдөө талдоо: келечек муундар үчүн кыргыз элинин байыркы тарыхын изилдөөгө үндөө жана үйрөтүү учурдун олуттуу талабы жана милдети.

■
С. Мамытов

(Бишкек)

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В научной литературе, посвященной древнетюркским руническим памятникам, нет единства относительно их жанровой атрибуции. И.В. Стеблева определила эти тексты как образцы стихотворной речи, созданные по традиции героического эпоса.¹ По мнению В.М. Жирмунского, напротив, они представляют “не стихотворные, а прозаические”.² Аналогичный вывод был сделан Е.М. Мелетинским³ и С.Г. Кляшторным.⁴

Тем не менее, по единодушному признанию исследователей, древнетюркские рунические памятники проникнуты богатой политической и социальной дидактикой, истоки которых лежат в мощном пласте многовековой внутриазиатской цивилизации-полиэтнической по генезису, многоязыковой по воплощению, международной по восприятию. Это не случайно. Создавая свои произведения, авторы руководствовались прежде всего политическими идеями, социально-этическими принципами и установленными литературными нормами. Ведь их главной целью являлись стремление научить своих каганов справедливо управлять тюркской страной, призвать своего эля к единству для укрепления могущества своих правителей и целостности своего государства. Желая сделать свои поучения доходчивыми, они использовали в тексте пословицы, поговорки, крылатые выражения и образные сравнения, свойственные фольклору и художественным традициям тюркоязычных народов.

Отчетливые мотивы политической дидактики звучат уже в Малой надписи в честь Кюль-тегина, где ее автор Йолыг-тегин, обращаясь к своим современникам и потомкам, сетует на неразумность, недалекость тюркского народа в политической жизни, на стремление к излишней самостоятельности простого народа:

Из-за того, что ты таков, возвысившего (тебя)
Твоего кагана (и) его речей не послушавшись,
Бродил ты по разным землям,
Там сильно (или: весь) изнурился (и) извелся.⁵

Исходя из этого, автор объясняет причину создания надписи на камне:

Тюркский народ объединив,
Как Вам надлежит созидать племенной союз,
Я здесь высек!
(И) как, заблуждаясь вы распадётесь -
Я также высек!
(С. 13-14)

Следует сказать, как бы велик или мал ни был повествовательный цикл рунических текстов, в нем обязательно имеется своеобразное обращение к тому, что ему дорого при жизни: к родной земле, родному народу, правителям, соратникам, служанкам и рабыням. Характеризуя это, Л.Н. Гумилев писал: “Все три надписи представляют обращения к широким слоям тюркского общества. Причем цель этих обращений ничем не замаскирована: народ хотят убедить. Значит надписи - агитация, и исторический материал приводится в них выборочно. Поэтому для нас особенно ценно, что в “Таншу” дано параллельное изложение хода событий. При проверке оказывается, что события изложены довольно верно, но неполно. Это понятно, так как в агитационном документе беспристрастие не только неуместно, но и противопоказано. Самое наличие такого жанра убеждает в том, что сила слова у тюрков считалась реальной силой”.⁶

Тюркское государство в памятниках изображается как некое “идеальное” общественное устройство, в котором царит постоянный мир и согласие между ханом, государством, дружинниками и народом (элем). Это воображаемая гармония, существующая между всеми слоями общества, эмоционально подчеркивается как необходимое условие успешного отражения внешних врагов и обеспечение мирной, зажиточной жизни общества:

Они были мудрыми каганами,
Они были смелыми каганами.
Их приказные тоже ведь были мудры,
Ведь были смелы.
И беки и народ были верны,
Поэтому, то они так и держали государство,
Держа государство, они осуществляли (его) законы.

(С. 16)

Характеризуя это, М.А. Унгвицкая отмечает: “Образ лирического героя во всех енисейских текстах предстает идеализированным, наделенным одними и теми же неизменными достоинствами. Этот идеальный герой прославляется не столько за богатство и знатность, сколько за свои высокие человеческие и гражданские достоинства. Памятники, таким образом, пропагандируют сво-

еобразный моральный кодекс: преданность своему государству (элю), верную воинскую и гражданскую службу хану, крепкое содружество с воинами-дружинниками, любовь к близким, к членам большой патриархальной семьи, милосердные отношения к своему народу".⁷

Одной из основных идей политической дидактики памятников древнетюркской литературы заключается в стремлении сохранить самобытность тюркской культуры, осознании собственного превосходства над иной культурой. В этом вопросе Йоллыгтегин и Тоньюкук единодушны - и они с глубокой горечью выражают губительные последствия, возникшие в результате сближения тюрков с народом табгач:

В этой стране осев,
с народом табгач я сравнялся.

Золото, серебро, хмельные напитки, шелк
так беззаботно дающий
народ табгач имел речь сладкую,
шелка (дары) мягкие.

Прельщая сладкой речью, мягкими шелками,
он так привлекал (к себе) далекие народы.
После того как (они) поселялись в плотную,
они научились там дурным знаниям.

(С.12)

Идеологическое отрицание китайской культуры излагается последовательно, при котором содержится предостережение от политики подстрекательства "младших братьев со старшими", травливания "друг на друга беков и народ", в результате чего "тюркский народ утратил свой уже образованный племенной союз, лишился своего правившего кагана" (С.18).

Этот момент очень важен, так как здесь показана не только борьба государств, но и борьба культур, борьба двух мировоззрений и мироощущений. Естественно, процесс сближения двух культур в новых историко-политических условиях приводит к разрушению обычных устоявшихся традиций древних тюрков. Однако создатели политической дидактики еще не были лишены традиционного наивного консерватизма, который имел свои положительные и отрицательные моменты.

Тюрки, как и все другие этнические группы не могли жить совершенно изолировано. Они в своем развитии вольно или невольно вступали в различные контакты с другими народами, усваивая их исторический опыт и культурные достижения. Особенно интенсивные взаимосвязи были с соседним Китаем, который пользовался у тюрков большим авторитетом. Так, тщеславный Тоньюкук с гордостью отмечает, что "был воспитан в духе государства табгачей", считался большим защитником тюркской культуры и стремился заставить хана признать свои заслуги и советы. Увидев как тюркские беки сложили с себя тюркские имена и приняли титулы табгачских правителей, "приложил все свои знания и энергию для избавления своего народа от китайского протектората".⁸ Профессор Р.К. Ганиева права: "Критическое отношение тюрков к культуре других народов нельзя понимать как попытку отгородиться от чужого влияния вообще. Обостренное чувство самобытности собственной культуры было вызвано прежде всего стремле-

нием объединить многочисленные тюркские племена в едином монолитном государстве в борьбе против внешних врагов. С другой стороны, призывы тюрков не поддаваться обаянию чужеземцев основывались на достаточно развитом уровне их материальной и духовной культуры и стремлении сохранить ее".⁹

Таким образом, даже краткий анализ древнетюркских рунических памятников показывает, что тексты агитационных воззваний средневековых древнетюркских мыслителей звучат как наставление потомкам, а их политическая и социальная полемика превратилась в назидательную дидактику.

Литература:

1. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. - М.: Наука, 1976. - С. 8.
2. Жирмунский В.М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // Тюркологический сборник. - 1970. - С. 56.
3. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. - М.: Наука, 1963. - С. 251.
4. Кляшторный С.Г. Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток. - 1992. - № 5. - С. 7.
5. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы. - С. 13. Здесь и далее цитаты даются по этой книге.
6. Думиев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. - С. 332-333.
7. Умгайдаев М.А. Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов // Советская тюркология. - 1971. - С. 67.
8. Зарубежная тюркология: Древние тюркские языки и литературы / Сост. С.Г. Кляшторный. - М.: Наука, 1986. - Вып. 1. - С. 372.
9. Ганиева Р.К. Восточный ренессанс и поэт Кул Гата. Казань: Издательство Казанского университета, 1988. - С. 27.

Д. М. Матабаев

(Бишкек)

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ В ИСТОРИИ ОША (с древнейших времен и до наших дней)

Развитие города во многом зависело от деятельности государственной власти. Без правителя немислимо социальное-культурный рост города. С образованием города, в них сосредотачиваются различные слои населения и люди с разными профессиями и в выступлениях Президента Кыргызской Республики Аскара Ажаева от 25 марта 1996 г. "О проведении 2100-летия Оша" подчеркивается, что "Ош занимает особое место в истории и культуре народов Кыргызстана", с образованием города здесь возникала проблема государственной влас-

ти. В многолетней истории Ош был ареной борьбы за власть. Остановимся на отдельных из них.

На территории Кыргызстана первые города и государства возникли в южных оседлых районах, расположенные в Ферганской долине, где в середине первого тысячелетия до нашей эры в царстве государства Давани насчитывается до 70 больших и малых городов (в том числе Ош и Узген) со столицей города Эрши (нынешнее с.Мархамат). Внешняя политика государства Давани характеризовалась оборонительной стратегией. Ош являлся одним из важных пунктов древней торгово-караванного пути и имел культурное, экономическое и политическое общение с многими народами Центральной Азии.¹

Природно-климатическими условиями, с разнообразными богатствами и стратегическим расположением город Ош и его окрестности издавна привлекали внимания иноземных завоевателей. Поэтому постоянной заботой правителей Оша составляла охрана города от внешних нашествий противников.

В 102 г. до нашей эры в результате нашествия 60 тысячной армии китайского императора на столицу, государства Давани, город Эрши был разрушен и ограблен. После этого, столица государства Давани перенесена в один из крепостей Оша - Билувур Дебе около Сулайман горы.²

В I-IV вв. нашей эры Ош входил в состав рабовладельческого государства Кушан. В средневековье Ош входил в состав тюркского, караханидского каганатов, затем находился под властью арабских завоевателей. X-XII вв. Ош считался административным центром, его крепость представляла резиденцию правителя (эмира) и его округа. На стенах крепости возвышалась сторожевая наблюдательная башня. Эмирский дворец охранялся слугами эмира. В самой крепости был монетный двор, тюрьмы-зындан. Город был окружен стеной, примыкающей к горе, имел четверо ворот. На Сулайман горе стоял дозорный пункт страны.

Жители Оша в начале XII в. ожесточенно боролись за сохранение своей власти против монгольского нашествия Чынгызхана. В XIV-XV вв. они выступали против Темуридов и Шайбанидов. Однако эта борьба была безуспешной.³

Калмакско-джунгарские завоеватели в 1638 г. после захвата Восточного Туркестана, совершили грабительские набеги в город Ош. Кыргызы дважды отражали наступление калмакских войск, затем подчинились. Калмаки склонили горожан на свою сторону, чтобы использовать кыргызских воинов для борьбы со своими противниками, обещав за это крупные военные должности и важные государственные посты. Но борьба против калмаков продолжалась более 130 лет. Последнее сражение состоялось в 1758 г. длившееся около трех месяцев. Калмаки ушли из города потеряв 7 тысяч убитых.⁴

После ликвидации в 1758 г. Джунгарского государства в 1759 г. 10 тысячные китайские войска преследуя беженцев-кыргызов из Восточного Туркестана вышли к рубежам Ош-Алая. Здесь они встретили организованный отпор местных кыргызов и узбеков, которые противостояли 100

тысячному войску, взяли много пленных у китайцев. Тогда кыргызские войска возглавлял Аджибай из племени Адигине. Он стремился объединить 200 тысяч кыргызов, живущих в Ферганской долине и Восточном Туркестане.

В 1764 г. Аджибай выступил со своими ополченцами против попыток Кокандского хана Ирданбиа захватить город Ош, Борьба за овладением Оша продолжалась. Только в 1821 г. Ош входил в состав Кокандского ханства и до 1876 г. находился в его подчинении. Однако в это время Ош фактически оставался административным центром кыргызско-кыпчакского населения. В городе не было сарабазы - солдата Кокандского ханства Кыргызы Ош считали своей ордой (ставкой) правителя со всеми государственными, служебными, хозяйственными аппаратами.

Правители Оша опирались на вооруженные силы. Известный сановник Молдо Нияз, служивший во дворце Кокандского хана в своем сочинении "Тарых и Шахра" писал, что аким города Оша Алымбек датка в 1861 году не только противостоял карательным отрядам Малахана из Коканда, но и разбил его, а в 1862 году во время дворцового переворота в Коканде он захватил ханский престол, но через некоторое время погиб.⁵

В 1876 году после ликвидации Кокандского ханства в Оше - ставшем уездным центром, была создана военно-научная экспедиция база Российской империи. На берегу крупной реки Ак-Буура в Оше возник новый городок царской администрации. Однако эти меры не могли приостановить борьбу местных жителей за независимость. В 1898 году 17 мая из окрестности Оша с. Миндобе начато вооруженное выступление против колониальной администрации, возглавляемой духовным лидером Мадали Ишаном. Подойдя к городу Анджиану они напали на царский отряд и истребили часть солдат. Поддержку этому выступлению оказали жители Маргеланского, Ошского, Наманганского, Анджианского уездов. Однако, 19 мая 1898 года восстание было подавлено царским карательным отрядом.⁶

Последнее национально-освободительное, антиколониальное выступление было в Оше в 1916 году, которое также потерпело поражение.

После падения Российской империи, борьба за власть в Оше приняла острый характер, особенно во время Февральской и Октябрьской революции 1917 г. между местными органами Временного правительства и Советами рабочих, крестьянских депутатов, продолжавшийся до начала 1918 г. 17 января 1918. Ошский Совет переизбран на платформе большевиков, председателем избран А.Г. Аношин, его товарищем (заместителем) Кудрат Абдурасулов. Первый съезд Совета, состоявшийся 5 февраля 1918 г. закрепил победу Советской власти в городе и уезде.⁷

На пути упрочнения Советской власти серьезным препятствием являлись попытки басмачей и белогвардейцев захватить власть в городе и уезде. Они пользовались вооруженной и финансовой поддержкой со стороны зарубежных государств, в частности, в лице английского консульства в соседнем Кашгаре. В 1918 г. под видом охоты в Алайскую долину тайно выезжал англий-

ский консул Эсертон, встречался с басмачами, с курбаши Жаныбек казы, давал им оружие и деньги для усиления басмачества. Некто Бабачинский, следовавший через Ош в Иргештам в Кашгар 4 октября 1918 г., получил от английского консула оружие, деньги для басмачей Ферганской долины.⁸

Сложившаяся военно-политическая обстановка вызывала необходимость учреждения чрезвычайных органов власти. 9 декабря 1918 г. управление уездом перешло к Ошскому уездно-городскому революционному комитету, который в приказном виде смещал старые и проводил выборы новых сельских старшин, волостных правителей, а также реорганизации милиции.⁹

Самым тяжелым моментом в истории г.Оша явился сентябрь 1919 г. Объединение силы белогвардейцев так называемой "крестьянской" и басмачей "мусульманской" армией, опиравшейся на поддержку английского консула с в Кашгаре, после захвата власти в г.Джалал-Абаде и ряда волостей, 7 сентября напали на город Ош. Начальник Ошского гарнизона, он же командир Памирского пограничного отряда бывший казачий офицер А.Ситняковский сдался им без боя. Гарнизон Ошской крепости, состоявший из 150 бойцов совместно с городским партийно-советскими работниками в течение суток оказывали упорное сопротивление натиску превосходящим силам противника.

На другой день 8 сентября после захвата крепости и города белогвардейцы и басмачи произвели обыск и аресты коммунистов. Из числа руководящих работников уезда были брошены в тюрьму К.Абдрасулов, А.К.Добрынин, Д.Чуроков, Б.Ходжиев и другие. Были упразднены уездно-городской ревком, восстановлена власть буржуазии. Была выбрана так называемая временная уездно-городская "народная" власть под председательством царского генерала Алексева, бывшего начальника уезда. Белогвардейцы и басмачи подвергли город грабежу. Упоенные первыми успехами, захватчики власти двинулись в направлении другого уездного центра - г.Андижана, где они были разгромлены силами частей красной армии и добровольческими отрядами рабочих и партийно-советских работников. В г.Оше была восстановлена Советская власть 30 сентября 1919 г.¹⁰

Большую помощь в упрочнении Советской власти оказала Турккомиссия, созданная по инициативе В.И. Ленина. Член Турккомиссии, командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе и председатель Турккомиссии Ш.З.Элиава 26 мая 1920 г. из Андижана прибыли в г.Ош, после ознакомления с обстановкой провели митинг населения частей гарнизона. М.В. Фрунзе разъяснил задачи Советской власти, ее законы. Он указал, что басмачество - это зло, которое не дает возможности дехканам заняться мирным трудом, что борьба с этим злом должна быть всеобщей.

Многочисленные ограбления населения, сопровождавшиеся убийством мирных жителей продолжало крупное басмаческое объединение главаря Мойдунбека. В его подчинение входило 30 пацостав, в каждом из них было до 500 басмачей. 3 июня 1922 года его отряды совершили налет на

город Ош с трех сторон. Одна группа напав на Ак-Бууринскую крепость милиции убило 3 милиционеров, забрало 27 винтовок. Другая группа напала на Ошскую тюрьму выпустило всех заключенных. Третья группа зверски расправилась с ранеными красноармейцами, находившихся в городской больнице. Другими отрядами басмачей были ограблены промышленные предприятия, в том числе городская электростанция.

В июле 1922 г. под угрозой полного уничтожения басмаческая банда Мойдунбека вынуждена была сдаться Советской власти. В конце июля при попытке к бегству Мойдунбек был захвачен отрядом кара-киргизской милиции под командой Кадырбека Камчыбекова и был арестован. Затем началась добровольный переход на сторону Советской власти других басмаческих отрядов.

15-26 сентября 1922 г. в городе Ош под Сулайман горой, на открытом судебном процессе военного трибунала, в присутствии более 10 тысяч человек населения уезда, рассматривалось дело по обвинению главаря басмачей Мойдунбека и его сподвижников-курбаши. Общественным обвинителем на суде выступил секретарь ЦК Компартии Туркестана М. Турокулов. После допроса сотни свидетелей, главари басмаческих банд были приговорены к высшей мере наказания - расстрелу.¹¹

В Оше стали нормально работать органы Советской власти. Ошский уездной съезд Советов 22 октября 1922 г. направил В.И. Ленину телеграмму, которая гласила: "Мы делегаты-представители от десятков тысяч мозолистых рук рабочих и дехкан... шлем из далекой окраины Туркестанской республики сердечный привет нашему дорогому вождю Владимиру Ильичу и желаем его работе наилучших успехов. Будьте уверены, что разрушенный басмачами Ошский уезд скоро будет превращен в цветущую ниву".¹²

В мирных условиях дальнейшее созидательная деятельность органов власти Оша была направлена на развитие экономики и культуры города.

Литература:

1. Кыргыз ССР тарихи. Ф. 1973, 98-110 беттер.
2. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. 1961. - С. 76-78.
3. История государства и права Узбекистана - Т. 1969. - С. 70.
4. Златкин Н.М. История Джунгарского ханства. М. 1961. Гаввакши В.М., Плоских В.М. Старинный Ош. Ф. 1987. - С. 39,44.
5. Белек Сапатов. 2-кител. 59,61,64-беттер.
6. История Узбекской ССР. Т. 1. - Киг. 1. - Т.1956. - С. 99.
7. ЦГА КР. Ф. 13. Оп. 13. д.13. л. 41.
8. Малышов К.И. Фрунзе на туркестанском фронте. Ф. 1958. - С. 7.
9. Малабаев Д.Н. Революционные комитеты Киргизии. Ф. 1985.
10. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии, Казахстане. Алматы. 1963. Т. II. - С. 388-390.

11. Газ. "Туркестанская правда". 1922. 22 июля, 12 августа, 15 сентября, 30 октября.

12. ЦГА КР. ф. 13, Оп. 1, д 47, л 45.

Д.Б. Сапаралиев

(Бишкек)

ВОЗРОЖДЕННЫЙ "НООРУЗ" – ПРАЗДНИК ВЕСНЫ И ОБНОВЛЕНИЯ

1 февраля 1991 г. Президент Кыргызской Республики Аскар Акаев подписал изданный Жогорку Кенешом закон об объявлении 21 марта народным праздником Нооруз. Этот акт стал примечательным событием в истории нашей страны по возрождению национальных традиций кыргызского народа.

Знатоки истории поясняют, что слово "нооруз" имеет персидскую основу и означает "новый день" начало нового года. В вопросе о зарождении этого праздника нет единого мнения. Одни связывают его с господствовавшим с VII в. д.н.э. по VII в.н.э. среди народов Востока религиозным учением зороастризмом. Другие - с возникновением и распространением ислама.

Бесспорно одно, что он прежде всего был связан ежегодным периодическим изменением климатического цикла (весна, лето, осень, зима) на земном шаре, а точнее с порой возрождения сил природы - весной. Наши древние предки с волнением и почтением ожидали появления зеленых ростков травы, оповещавших о наступлении очередного нового года в жизни планеты. Было вполне естественными радость в душе каждого и праздничный настрой этих дней. Ибо после изнурительных холодов наступали солнечные и теплые дни и жизнь человека обрел как бы новый смысл с чем они связывали свои надежды на будущий урожай, а так же приплод домашних животных.

В памяти кыргызского народа до сих пор сохранились крылатые слова-изречения, вобравшие в себя лирику этого праздника: "Жер-Эненин тоң көөдөнү жибип, таш эмчеги ийиген күн" - ("День когда у Матери-Земли твердая чрево-зятьб смягчилась и каменные соски спустили молоко"); "Көккүт (Өсүмдүк) көзүн ачкан күн" - ("День появления зеленых растений"); "Жер бетин жакшылык уялаган күн" - ("День распространения на земле блаженства").

Кыргызы как и большинство народов Азии праздновали "Нооруз" в пору весеннего равноденствия. К нему они загодя тщательно готовились и проводили с особым торжеством как день пожелания друг другу счастья, всех благ, всеобщего прощения обид, примирения и очищения от грехов совершенных, а также поминания усопших родных и близких. Понятно, что сегодня невозможно восстановить единую картину этого праздника в прошлом, ибо в нем всегда присутствовала богатая палитра импровизации участников. Но обязательными атрибутами этого праздника было угощение родных и друзей в полночь традицион-

ным новогодним лакомством - сумалак (особой каши, изготовляемой по специальному рецепту и оригинальной технологии: из свежее пророщенного зерна муки, воды, масла и соли) и национального блюда чоң кожо (большая похлебка). Затем с наступлением нового года на подносе сжигали ветки сухой арчи, благовоньями которой обкуривали жилище-юрту. При этом причитали:

Алас, алас.

Ар балээден калас.

Эски жыл кетти.

Жаңы жыл келди.

Алас, алас.

Айдан-аман.

Жылдан-эсен.

Жакшылыкты Теңир берди,

Жарык күндү кеңир берди.

Алас, алас...

(Алас, алас,

Сохрани от нечисти нас.

Старый год ушел.

Новый год пришел.

Алас, алас.

В месяцы - сохрани.

В году - уцелели.

Теңри благоденствие дал

Вдоволь светлых дней дал

Алас, алас....

(Перевод - авт.)

В этот день одевались в светлые (обычно белое) тона одежды, дарили друг другу подарки. В некоторых местах разводили ритуальные костры, и люди, перепрыгивая яркое пламя, как бы очищались от грехов.

С утверждением ислама у народов Азии празднование "Нооруза" видимо, подвергается его влиянию и обязательными атрибутами их праздничного стола стало священное у мусульман число – семь - название продуктов и предметов с одинаковыми начальными буквами, так называемое "хафт шин", "хафт син", "хафт каф" (от арабского чила хафтсемь и начальные буквы слов – ша, ес, ка соответственно с которого начиналось название продуктов и предметов), имеющие определенные символические объяснения. Они в разных странах и регионах составлялись по разному. По утверждению нашего современника политолога Абдил Ахат Курбан уулу у среднеазиатских народов преобладающим было "хафт шин", имея такой состав и нижеследующее смысловое значение: 1. Шароб (вино) – символ возрождения. 2. Шир (молоко) – символ чистоты и беспорочности. 3. Ширин (нават – сладкий поваренный сахар) – символ удовлетворения. 4. Шарбат (шербет, сок фруктовый) – символ прохлады и отдыха. 6. Шам (свеча, светильник) – символ просвещения и почитания огня. 7. Шона (гребешок – расческа) – символ красоты и здоровья (См.: Эркин Тоо. 1999. 19.03, С.8.). По мнению кандидата искусствоведения С. Субаналиева кыргызская модернизация праздничного стола "Нооруз" называется "хафт каф" т.е. – "семь Ка" и включают в себе следующие блюда: 1. Куурдак (жареное рубленое мясо). 2. Курут (сушенное кислое молоко). 3. Куймак (блинчики). 4. Каттама (слоенка). 5. Кесме (лапша). 6. Калама (выпеченная тонким

слоем лепешка). 7. Кульчетай (суп – шорпо с мясом, картофелем и лапшой нарезанными в квадратик). К сожалению, он не дал разъяснения их символики.

Ныне возрожденный “Нооруз” в нашей стране превращается в поистине всенародный праздник. Думается, приведенные ниже любопытные сведения о праздновании “Нооруза” - нового года разными народами в прошлом и настоящем позволят нам составить определенное представление об истоках и значении этого праздника.

На языках многих народов “Нооруз” звучит по-разному: на русском “Новый год”, на греческом “Патрих”; на таджикском “Гулнавруз”, “Байчечек”, на персидском и узбекском “Навруз”; на монгольском “Цагаан сар”.

Так живший в IV в. до н.э. греческий историк Квинт Курций Руф - автор сочинения “Походы Александра Македонского”, оставил нам следующее описание начала праздника Нового года в своей стране: “В Великий день, когда наступает рассвет, с соприкосновением на крышу шатра царя первых лучей солнца на городскую площадь выходят триста шестьдесят пять юношей одетых в красные камзолы. Затем начинаются праздничные торжества”. Как мы знаем, триста шестьдесят пять юношей очевидно олицетворяли число дней в одном году - составлявшееся по старой системе летоисчисления, до введения римским императором Юлием Цезарем в 45 году до н.э. исправленного и уточненного календаря, по которому в четвертом году добавлялся еще один день на високосный февраль-месяц.

Специально новогоднему празднику был посвящен трактат (сочинение) знаменитого средневекового поэта и философа Омара Хайяма (1040-1123 гг.) под названием “Навруз наме”. Название первого месяца календаря иранцев “фарвардин”, по мнению Омар Хайяма означает цветение и соответствует созвездию хамал - знаку зодиака Овен (с 21 марта по 20 апреля). Классик персидской поэзии повествует, что “Навруз” с особым торжеством проводился в Иране со времени царствования Кира (с 558-529 гг. до н.э.) и до последнего царя Йездгира III (632-651 гг. н.э.). Сасанидские цари устраивали по этому поводу пышные приемы. Праздник продолжался шесть дней. Первые пять дней проходили под названием “Навруз кучек”, что в переводе означает малый Навруз и являлись общенародными гуляниями. Шестой день был официальным праздником, так как в этот день праздновали царь и его придворные и назывался “Навруз хомма” - т.е. большой Навруз. В этот день царь принимал подарки от своих подданных, а затем проходили для них увеселительные зрелищные мероприятия. Простолюдины развлекались боями петухов, перепелок, самцов баранов (кочкоров) и крашенных яицек.

Далее по сообщению этого же автора, за двадцать пять дней до начала “Навруза” при дворе царя сооружали 12 невысоких колонн из сырцового кирпича. В них сеяли просо, пшеницу, ячмень, рис, бобы, горох, фасоль, кукурузу, кунджуг. Эти растения выращивали до шестого дня “Навруза”, а затем в торжественной обстановке в сопровождении музыки, песен и плясок снимали урожай.

Из проращенных зерен пшеницы с добавлением муки варили густую похлебку, которую впоследствии стали называть суманак или сумалак.

В предпраздничные дни все жители страны занимались уборкой своих домов и приусадебных участков, проветривали и очищали от пыли домашнюю утварь. Женщины занимались стиркой белья. Накануне праздника все члены семьи должны были обязательно вымыться и надеть новую одежду.

В эпоху саманидов (875-999 гг.) в Иране главной чертой празднования “Навруза” было активное участие в нем поэтов. Они читали свои стихи, состязались между собой в красноречии. Поэты находились под особой опекой государства. Около двух тысяч поэтов были собраны при дворе царя Хурса Парвиза. В свое время знаменитый композитор Борбад (588-638гг.) осуществлял руководство музыкально-художественным оформлением праздника “Навруз”. Он сочинил бессмертное музыкальное произведение “Великий Навруз”.

Любопытно описывает русская путешественница Наталья Венхо - ставшая очевидицей встречи “Навруза” в Таджикистане в г.Куляб в конце XIX в. “Томшо (т.е. праздничное зрелище посвященное “Наврузу”) проходило в маленькой котловине, - повествует она, - вокруг которой высились амфитеатром небольшие холмы, сплошь усеянные массой правоверных, сидевших на корточках. Шум стоял невероятный. Лошади ржали, публика болтала, бранилась, грызла фисташки... Тут же неподалеку торговали в наскоро выстроенных балаганах местные купцы и ремесленники, переселившиеся сюда с базара на время праздника. На импровизированной сцене, ослепленной тремя рядами зрителей, за которыми толпились всадники, находившие более удобным и безопасным смотреть с лошадей, сидели певцы с разнообразными музыкальными инструментами и по очереди пели песни преимущественно лирического характера. Я слышала много восточных певцов и музыкантов и, сказать по правде, не была особенной поклонницей гортанной восточной музыки с ее тяжелыми для европейского уха переходами, но именно в этом уголке Бухарского эмирата мне пришлось слышать стройные мотивы, в которых были и вкус и музыкальная жизнь.

Под эту музыку и пение происходили танцы. На разостланном большом ковре выходили танцующие. Ярко одетые, красивые танцоры с бубенчиками на ногах сперва медленно, потом быстрее двигались в такт музыке...”

“Отдыхав немного, я увидела, - продолжает путешественница, - толпу всадников, с увлечением дравших козлов (состязающихся в козлодрании - авт.). На возвышенную ровную поляну съезжаются на лучших скакунах всадники из окрестных кишлаков. Один из них везет зарезанного и выпотроженного козла, которого и бросает на землю перед наиболее почетным гостем; этот поднимает козла, не слезая с седла, и мчит карьером по степи, другие бросаются за ним, отбивают добычу. Если козел упал на землю, все стараются его поднять, давка происходит страшная, каждый без зазрения совести работает нагайкой, лошади бьются, люди падают; наконец какой-нибудь удалец

выхватывает из под ног лошадей козла и скачет как безумный, положив его под правую ногу и взяв нагайку в зубы".

Козлодрание обычно в этих краях длилось до тех пор, пока кто-нибудь не вырывался с козлом вперед и успевал его довести и бросить на том месте, где сидели почетные гости праздника. Как видим, путешественница описала нам лишь зрелищную часть праздника в Таджикистане и дает нам довольно яркую палитру праздника.

ХРОНИКА
Восток

Восток
Восток

ОЛИ И ФЕРТАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

История происхождения названия Оли и Фертана...
Восток
Восток

РЕЗЮМЕ

Восток
Восток

Раздел V. ХРОНИКА

Международная конференция

"ОШ И ФЕРГАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ"

По плану Национального организационного комитета «Ош-3000» 29-30 сентября 1999 года в Бишкеке на базе КГНУ успешно прошла Международная научная конференция "Ош и Фергана в исторической перспективе", посвященная 3000-летию города Ош. В роли главного организатора выступала Государственная дирекция «Ош-3000» при Правительстве Кыргызской Республики. На конференции участвовали видные ученые из Франции, Турции, Индии, Бельгии, Польши, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, России, Кыргызстана и других государств. Были представлены новейшие археологические материалы, добытые в Оше и Ошском оазисе, разработки по лингвистике, экономике и культурных взаимодействий. Особое внимание было уделено поддержке Вашей концепции Великого Шелкового Пути как одной из перспективных направлений комплексного изучения взаимодействия культур, цивилизации в экономике и интеллектуальной жизни, указывающей на историческую увязку древности и современности.

Совещание с благодарностью отметило работу Госдирекции «Ош-3000» в результативной реализации научной программы «Ош-3000». Все научно-исследовательские и культурно-просветительские мероприятия, проводимые в рамках научной конференции, заставили признать даже самых закоренелых пессимистов перспективность Указа Президента Кыргызской Республики "О проведении празднования 3000-летия Оша" и показали его историческую важность в развитии исторической науки Кыргызстана.

Работа форума широко освещалась в республиканских средствах массовой информации и по результатам Международной научной конференции принята резолюция, которую представляем для ознакомления.

РЕЗОЛЮЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "ОШ И ФЕРГАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ"

29-30 сентября 1999 года в г. Бишкек состоялась Международная научная конференция "Ош и Фергана в исторической перспективе", как одно из мероприятий в системе подготовки юбилея «Ош-

3000». К совещанию был выпущен монографический сборник "Новое о древнем и средневековом Кыргызстане", являющийся вторым выпуском серии «Ош-3000» и культурное наследие народов Кыргызстана». В работе совещания приняли участие ученые Кыргызстана, России, Турции, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Индии, Франции, Бельгии, Польши. На совещании работали четыре секции "Урбанизация в древнюю и средневековую эпоху", "Древние истоки культурного и интеллектуального развития", "Взаимодействие кочевых и оседлых традиций и культурное наследие" и "Система торгово-культурных взаимодействий". Всего на секциях и на пленарных заседаниях было заслушано докладов. На совещании были заслушаны приветствия Президента Кыргызской Республики А. Акаева и Премьер-министра Кыргызской Республики А. Муралиева, подчеркивавших значимость научного форума в современной общественно-политической ситуации.

В докладах и сообщениях были представлены новые материалы и разработки по археологии, лингвистике, экономике, расширяющие информационную базу научных разработок и изысканий. Особую ценность представляют новые данные по древностям Оша и его окрестностей, в том числе, и из музейных коллекций. В 1998 году в ходе работ был открыт преарабский Ош на городище Ак-Буура, откуда после разрушений, вызванных арабским завоеванием, город переместился ниже по течению, на территории современного городского центра. Были представлены богатые археологические материалы поселений-крепостей Тон-Добе и Ооз-Добе, находящиеся на близлежащих территориях центра Оша. Дана информация о новом источнике по истории Кокандского ханства, обнаруженном кыргызскими учеными в архиве Стамбула.

Интердисциплинарные разработки были направлены на изучение взаимодействия традиций оседлых и кочевых культур как основы творческого прогрессивного синтеза, на рассмотрение проблем урбанизации и развития городской жизни, в том числе в таком комплексном аспекте как сравнительный анализ в сопоставлении с данными по регионам Южного Казахстана, Турции, Азербайджана, что позволяет заметить некоторые закономерности исторического характера. Особое внимание было уделено тематике Шелкового Пути как комплексу взаимодействия культур и цивилизации в экономике, культуре и интеллектуальной жизни. В докладе индийского ученого Шамс-уд-Дина была подчеркнута политическая актуальность подобных разработок, поскольку по его убеждению агрессивные силы, проявляющиеся в настоящее время в регионе, не имеют глубинных местных корней, а привнесены со стороны. Подобная направленность, указывающая на прямую увязку древности и современности, дающая важную историческую перс-

пективу, характерна для многих докладов, что придало совещанию особое значение для общественно-политической жизни республики.

Совещание с благодарностью отмечает большую поддержку высшего руководства республики в результативной реализации программы «Ош-3000» как составной части общей стратегии и развития науки и культуры Кыргызстана. Научный форум также с благодарностью отмечает большую подготовительную и организационную работу Государственной дирекции «Ош-3000» по подготовке и проведению этого большого научного мероприятия.

Совещание отмечает важность оперативной и широкой публикации результатов научных разработок, в связи с чем рекомендует издание материалов данного научного форума под выпуском серии «Ош-3000» и культурное наследие Кыргызстана». Выступает с предложением провести по линии Межпарламентской ассамблеи СНГ в Санкт-Петербурге Международную научную конференцию «Ош-3000» и история народов Кыргызстана», по типу проводившегося в апреле 1999 года в Межпарламентской ассамблеи, совещания, посвященного 1100-летию государства Саманидов.

Жээнбаев Ж.Ж.

Массон В.М.

Садык Турал

Байпаков К.

Джунушалиев Ж.Дж.

Мамытов С.А.

Т. Гапаров
З. Эралиев

(Ош)
(Бишкек)

ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

Родину не теряют и не находят: родина одна. Но бывают сложные судьбы, когда родина отворачивается от своего самого верного и преданного сына, и он остается либо забытым, либо на чужбине коротает свои дни. А потом выясняется, что родину и самого из достойнейших ее сыновей просто «подставили», завидуя заслуженному авторитету, чтобы творить свои делишки, не думая о нуждах и проблемах тех, из кого состоит родина: о людях, о народе.

Исхак Раззакович Раззаков (1910) вернулся на родину. Сегодня ему было бы 90 лет - и при других обстоятельствах он, вероятно, мог бы увидеть новый Кыргызстан, мог бы увидеть то, к чему стремился и то, с чем он никогда бы не смог согласиться. 2 июня 2000 года его прах покоился в родной земле Кыргызстана, о котором он так тосковал в последние годы своей жизни в Москве. Обо всем этом достаточно ярко говорится в книге воспоминаний общественных и политических деятелей, руководителей и производственников «Великая личность» (1996 г.). Здесь в обращении к читателю сказано: «Книга, которую Вы сейчас

держите в руках - это воспоминания людей, которым посчастливилось жить бок о бок с Исхаком Раззаковым - виднейшим политическим и государственным деятелем нашей страны...»

Вместе с тем, эти искренние, идущие из самой глубины сердца исповеди «проливают свет непосредственного восприятия и сопричастности к делам и временам, которые во многом еще, к сожалению, представляют собой белые пятна нашей сложной и трудной истории». Лучше в приложении к судьбе И.Раззакова не скажешь.

Но не является «белым пятном» тот факт, что родиной И. Раззакова с 1919 года являлся детский дом в Ходженте (Таджикистан), где воспитывались дети узбекской, таджикской, кыргызской и других национальностей. Будущий крупный государственный и политический деятель свободно владел всеми этими языками. Но и этого было мало. «В то время, - вспоминал позже Раззаков, - я очень много читал, читал все подряд, что попадало под руку, на узбекском и русском языках. Научиться читать, писать и говорить по-русски было заветной мечтой. И где-то через год я добился многого, передо мной открылся огромный мир, я испытал необыкновенную радость».

Есть такая мудрость: что ты вынес из дома отца своего, то останется с тобой на всю жизнь. Отец Исхака рано умер, но из своего детского дома, о котором потом И.Раззаков никогда не забывал, встречаясь с бывшими его воспитанниками, он вынес подлинный интерес к культуре других народов. И когда И.Раззаков, прекрасно владеющий словом, переводил произведения Чехова и Горького на узбекский язык, то двигало им одно стремление сблизить эти народы - русский и узбекский, ближе познакомить их друг с другом. Сейчас просто дико осознавать, что Раззакова можно было обвинить в национализме. Но такое было. Оказывается, можно сочинить человеку любую судьбу. Но только на время...

И все же именно время говорит свое последнее слово. Время несоизмеримо больше, чем целенаправленные усилия одного человека или группы людей вывести за скобки конкретную человеческую судьбу. В 1960-е годы поэт Н.Коржавин сказал: «Мы временные жители земли, а потому цените люди время». Оказывается, надо ценить не только свое биологическое время, но и время историческое, в котором мы живем и которое будет продолжено после нас. Сегодня это вечное и никуда не исчезающее время безраздельно принадлежит Исхаку Раззакову до тех пор, пока будет жить хоть один кыргыз.

Не является «белым пятном» тот факт, что к 35 годам И. Раззаков, с блеском закончивший институт Госплана СССР им.Кржижановского по специальности «Экономист-плановик», по энергетике, вырос в Узбекистане к 1945 году в крупного государственного деятеля. Узбекистан во многом обязан Раззакову за наращивание промышленного потенциала этой республики в годы войны. Раззаков занимался размещением крупных предприятий, рабочих и инженеров, эвакуированных из районов, занятых фашистами.

Вернувшись на родину в 1945 г. в Кыргызстан, И.Раззаков в течение года особенно усиленно занимался кыргызским языком, кыргызской культу-

рой и ее историей. Именно Раззаков работал над внедрением в школы кыргызского языка, подготовкой к юбилею эпоса "Манас", что и дало позднее повод обвинить его в национализме. Все это уже открытые и прочитанные страницы истории. Но поскольку речь здесь зашла о "белых пятнах" и в истории, и в самой судьбе И.Раззакова, то лучшего повода не найти, чтобы открыть еще одну малоизвестную страницу прошлого, к которой имели касательство весьма известные и уважаемые деятели науки и искусства; страницу, которая заставит сегодня всех нас посмотреть на себя, оценить свои нравственные и духовные возможности, чтобы не молчать перед ложью, чтобы защитить истину.

...Шел 1959 год. На улице - декабрь, но историческое время указывало на "хрущевскую оттепель". В бюро ЦК КПК слушается вопрос "Об ошибках в оценке творчества Молдо Кылыча и Тыныстанова". Вопросы по существу разные, и потому сконцентрирую свое внимание на имени Молдо Кылыча, поскольку проблема с этим автором встала особенно остро. Перед нами стенограмма с выходными архивными данными: "Ф. 56, оп. 4 д. 1187. л. 180-250". Докладывает тов. Казакбаев, который, в частности, отмечает, что в 1952 году была опубликована статья т.т.Токомбаева, Юдахина, Никитича "Забытое богатство" о творчестве Молдо Кылыча, а в апреле 1956 года по инициативе т.Табышалиева было принято решение о проведении совещания ученых и специалистов для обсуждения и оценки творчества Молдо Кылыча. Такое совещание было проведено в 1956 году. Доклад на этом совещании сделал профессор Юнусалиев, отрицавший наличие в творчестве Молдо Кылыча антирусской пропаганды.

С позиции нашего времени здесь все ясно: специалист сделал свое заключение и И.Раззаков, первый секретарь ЦК КПК может спокойно принимать соответствующее решение. Однако вопрос неожиданно осложняется. Находятся такие, которые стремятся научные доводы ранее выступавших перекрыть революционно-политическим пафосом. Интересующиеся могут легко установить фамилию выступающего, но в данном случае ограничимся лишь прозвучавшим заявлением:

"Многие товарищи, которые длительное время упорствовали с Молдо Кылычем - т.т. Юнусалиев, Токомбаев и др., эти товарищи никак не могут отойти от национальной ограниченности. Для нас ясно, что вы хотите делать пользу для Киргизии, хотите показать историю отдельных акынов. Это законное стремление у каждого народа. Поэтому мы должны по-другому подойти к решению этого сложного вопроса, который всех нас запутал - и бюро ЦК КП Киргизии. И мы это распутаем, если отойдем от национальной ограниченности. Мы живем в эпоху борьбы двух миров, двух идеологий, в эпоху самой обостренной классово-борьбы. Об этом ясно и четко говорил Никита Сергеевич Хрущев, будучи в Америке.

Поэтому я ставлю вопрос - нужно ли организовывать такое раздувание личности Молдо Кылыча, если у него есть художественные преимущества, есть талант красиво описывать природу. Вы сами говорите, что его произведения противоречивы. А зачем на противоречивых произведениях

мы должны воспитывать наш народ. Мы должны воспитывать молодежь на чистых и идейном отношении произведениях, а не на противоречивых. И если не хотите вычеркивать из истории Молдо Кылыча, давайте, покажите его как реакционного поэта феодальной эпохи, как воспевателя феодальных родов, феодальной борьбы, которая разжигала национальные страсти, национальную рознь".

Представим теперь себе Исхака Раззаковича, который выслушивает как одну, так и другую стороны. Ученые и поэты проблему решают мягко и даже половинчато: да, Молдо Кылыч - акын-писменник талантливый, но есть у него отдельные, мягко говоря, антирусские произведения. Раззаков органически не может терпеть межнациональной вражды, равно как и раздоров среди самого кыргызского народа. Раззаков озадачен, он пытается дойти до сути, он просит ученых прояснить проблему. Он даже начинает терять терпение.

"Раззаков: - Вы полчаса говорили, но я ничего не понял. Я прошу вас ответить, в чем вы видите свои ошибки в оценке творчества Молдо Кылыча, или вы не ошибались?"

Следует уклончивый ответ, из которого нельзя сделать никакого вывода:

"Я считаю, что произведение Молдо Кылыча считать целиком реакционными будет неправильно.

Раззаков: - А какие же надо считать не реакционными?"

- С моей точки зрения надо издать то, что имеется у него положительного, что дает воспитательное значение.

Т.Вакулов: - Нужно ли у реакционного писателя какуивать даже то, что у него не реакционное?..."

Мнения, как видим, диаметрально противоположные. А те, кто мог бы поддержать Раззакова аргументированным предложением, к сожалению, уходят в глухую оборону.

Раззаков - замечательный экономист-промышленник, государственный руководитель, который чуть ли не как молитву каждый раз повторял перед работниками сельского хозяйства: корма, корма и еще раз корма, помещения для животных, стойловое содержание... Раззаков, который самым настойчивым образом в воспитании руководящих кадров призывал их видеть перспективу завтрашнего дня; Раззаков, чей рабочий день начинался с утренних звезд и кончался вечерними, должен был решать и такие тонкие идеологические вопросы, связанные с культурой и национальной духовностью народа.

В воссоздаваемой ситуации И.Раззаков сам пытается найти выход уже без помощи специалистов-филологов и тех партийных руководителей, для которых со времен военного коммунизма мир делится на своих и чужих, белых и красных. Давайте представим себе хотя бы на минуту, как сложно было принимать Раззакову решение. Он ищет среди присутствующих на бюро поддержку.

"Раззаков: - А Союз писателей, что считает возможным опубликовать из произведений Кылыча?"

Заметьте Раззаков не отрицает Молдо Кылыча. Он считает возможным его публиковать.

Раздел I. ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ИНТЕРРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ .....

1. КУЗЬМИНА Е.Е. (Москва). Культурные и торговые связи г. Ош и Ферганы с северо-западным Китаем во II тыс. до н.э. (Предыстория Великого Шелкового пути)	3
2. КАСЫМОВ Ф.Х. (Бухара). Бухара и Фергана на Великом Шелковом пути	5
3. БАЙПАКОВ К. (Алматы). Средневековые города Ош (Отар, Янги, Алматы) на Великом Шелковом пути	6
4. ФАРМАНОВА М. (Ош - Бухара). бесценный опыт культуры Мира на Великом Шелковом пути	10
5. РУБИ РОЙ (Индия). Индия в сердце Средней Азии, Фергана: культурные и научные связи	11
6. КЕНЕШБЕКОВ К.А. (Талас). Международные связи г. Ош и южного Кыргызстана с Германией	12
7. ХАЛАНСКИЙ И.В. Международные связи Кыргызстана в сфере образования с исламскими странами Азии и Магриба	14
8. БУШКОВ В. И. Ещё раз о происхождении названия г.Ош (легенды и реальность)	17

Раздел II. КОЧЕВОЙ МИР В СИСТЕМЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ .....

1. МАССОН В.М. (Санкт-Петербург). Степной образ жизни и кочевничество как исторический феномен	19
2. КЕНЕНСАРИЕВ Т. (Ош). Истоки взаимодействия кочевых и оседлых традиций Ферганской долины и историческая перспектива..	20
3. МОВЧАН И.И. (Киев). Средневековый Киев и кочевники	22
4. ЭРАЛИЕВ З.Э. (Бишкек). Специфика взаимоотношений кочевого и оседлого населения караханидского каганата	26
5. АБЕТЕКОВ А.К. (Бишкек). Краткая история археологического изучения памятников культуры кочевого населения Кыргызстана (Этапы и узловыe проблемы)	29
6. ТАШБАЕВА К.И. (Бишкек). Культура ранних кочевников Ошского оазиса	35

Раздел III. ФЕРГАНА И ЕЁ СОСЕДИ В ДРЕВНЮЮ ЭПОХУ .....

1. ДЭВЛЕТ Е. Г. (Москва). Лабиринты Сулайман-Тоо	42
2. КОРОБКОВА Г.Ф. (Санкт-Петербург). Мезолит Ферганской долины и его место среди синхронных комплексов Средней Азии ...	43
3. ПОДШКОВ С.П. (Москва). Фергана. История формирования населения (второе тысячелетие н.э.)	44
4. ПОПОВА И.Ф. (Санкт-Петербург). Китайские источники о Фергане	48
5. АЧМЫБАЕВА Б., АБДУЛЛОЕВ Д., КУТЯНОВ Ю. (Санкт-Петербург). Женское погребение у здания ГТС в Оше	49
6. ГОРБУНОВА Н.Г. (Санкт-Петербург). Традиции орнаментации ферганской керамики	50

Раздел IV. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПОХА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ГОРОДА, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА .....

1. АБДУЛЛОЕВ Д. (Санкт-Петербург). Последствия арабского завоевания и города Ферганы	51
2. КАРАЕВ О. (Бишкек). Караханидер доорундугу Фергана жана Мавераннахр калкынын чарбасы	52
3. ЭРАЛИЕВ З.Э., ФЕДОРОВ М.И. (Ташкент). Возникновение Караханидского каганата. Связи народов Кыргызстана и сопредельных регионов во второй половине X в.	53
4. АСАНОВ I. (Бишкек). Кыргыздардын XVII-XVIII кылымдардагы мамлекеттик түзүлүш белгилеринин саясий чарга чагылдырылышы	58
5. ИСМАИЛЗАДЕ ГУДРАТ СЕЙФУЛЛА ОГЛЫ ДУСТБЕК ТАРНХ МЕЙРУТ ОГЛЫ (Баку). Изучение средневековых городов Азербайджана в сравнении с урбанизацией средневековой Средней Азии	64
6. СЕМЕНОВ Г.Л. (Санкт-Петербург). Замки Семиречья	67
7. МАТБАБАЕВ Б.Л. (Самарканд). Фортификация городов Кува (Куба) (предварительные итоги изучения)	69
8. АНАРБАЕВ А. (Самарканд). О раннем городе Фергана	70
9. АНАРБАЕВ А.А. (Самарканд). История археологического изучения городов Ферганы	71

10. БУРЯКОВ Ю.Ф. (Самарканд). Горнорудное производство Восточного Мавераннахра ...	75	19. ШПЕНЕВА Л.Ю. Клад медных темуридских монет из села Мады Ошской области	104
11. АБЫТОВ Б.К. (Ош). Торгово-экономические отношения города Ош.....	76	20. СОЛТОНБЕКОВА К.Ж. (Бишкек). Фергана чөлкөмүндөгү шаарлар жөнүндө Ибн Хаукалдын жана М. Кашгаринин маалыматтары	105
12. КОЧНЕВ Б.Д. О локализации домонгольских монетных дворов Ферганы	77	21. МАМЫТОВ С. (Бишкек). Отражение подлитической дидактики в древнетюркских рунических памятниках	108
13. МОКЕЕВ А.М., ДЖУМАНАЛИЕВ Т.Д. (Бишкек). Тюркоязычные письменные источники XVI-XVIII вв. о кыргызах и Кыргызстане	78	22. МАЛАБАЕВ Д.М. (Бишкек). Проблемы власти в истории Оша (с древнейших времен и до наших дней)	109
14. ТОРОГЕЛЬДИЕВА Б.М. (Бишкек). Урбанизация и культурный феномен караханидского каганата	81	23. САПАРАЛИЕВ Д.Б. Возрожденный "Нооруз" – праздник весны и обновления .	112
15. ГОРЯЧЕВА В.Д., ТОРГОЕВ А.И. (Бишкек). Раскопки цитадели Краснореченского городища в 1999 году	84	<i>Раздел V. ХРОНИКА. МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ОШ И ФЕРГАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ" .....</i>	115
16. ОБЧИННИКОВА Б.Б. (Екатеринбург). Культурные трансюации в Центрально-Азиатском регионе расселения древних тюрков в I тысячелетия нашей эры	85	РЕЗОЛЮЦИЯ Международной научной конференции "Ош и Фергана в исторической перспективе"	115
17. РАХМОНОВ Н. (Ташкент). Новые находки древнетюркских надписей в Фергане	102	24. ГАПАРОВ Т., ЭРАЛИЕВ З. (Ош, Бишкек). Обретение Родины	116
18. ИМАНКУЛОВ Д. (Бишкек). Датировка и особенности интерьера мавзолея Шах-Фазиль..	104		

ОШ И ФЕРГАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Выпуск 2

Редактор: Галиева Э.Н.
Худ. редактор: Насиба Р.А.
Тех. редактор: Хамраева Т.Н.

Надпечатание в Кыргызстане
720048 с. Бишкек, проспект Дз. Савиния, 6/111

Слано в печать 30.07.2008
Формат 60x84 1/16. Тираж 500 экз.
Отпечатано АО "Учкент", Т. Бишкек, ул. С. Нурматовой, 14

